

ПАШНЯ

СЕНТЯБРЬ 2023

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

Практика

Александра Степанова:
«Писательство — самая доступная нам магия»

Юлия Виноградова

Держи марку: что такое писательская репутация и как ее сберечь

Рауса Ханукаева

Писательский блок с точки зрения психологии

Анастасия Кеняйкина

Доска почета

Роман Мариу Омар «Мёг и немного полыни»

Конкурс

Писательский марафон «CWS-Вдохновение»

Письмо любимому писателю

Creative Writing School

Проза

Face to face

Ирина Виноградова

Hard Day's Night

Дина Якушева

Spiritus delicti

Константин Анкилов

Ag

Анастасия Шелестова

Аура

Даниил Лысухин

В последний день зимы

Елена Чижова

Взгляд в пустоту

Александр Мартынюк

Виолончель, Смерть и демон

Разия Волохова

Виток спирали

Наталья Перунова

Вопрос Веры

Ашот Оганесян

Время Рюриковичей

Ольга Бор

Гран-при

Анна Госпог

День рождения

Дмитрий Григорьев

Женщины

Иван Кондраков

Журавль и Цапля. Сказка

Екатерина Дистрянова

Заслуженный покой акулы

Глафира Пинхасова

Зачем говорить в отношениях

Наталья Гор

Игра

Мария Вантеевская

Кто я?

Арсений Вилков

Кузьма

Александр Мартынюк

Маленькая рыба

Ольга Огорельцева

Мандельштам и блогеры

Мария Русанова

Марина

Тося Нагдасёва

На вырост

Наталья Голубева

Наташкин прицеп

Анна Анинибул

Не люблю поезда

Екатерина Дистрианова

Однажды двадцать седьмого июня...

Полина Никифорова

Погнасок

Анна Парра-Майа

Приятности в неприятностях

Анна Салтанова

Русалочка в зимнем сагу

Ирина Яхонтова

Русский Нагльфар

Елена Гребенюк

Свидание

Дарья Форсова

Собака

Ирина Бас

Суг

Татьяна Никитина

У его Москвы и твоей Невы...

Мария Спиригонова

Холодное дыхание декабря

Анастасия Шепотько

Человек с пластилиновым сердцем

Рут Фогель

Чудо

Юлия Капустян

Чужой

Екатерина Хэтрик

Шаверма, фалафель, смузи. 24 часа

Елена Сумина

Александра Степанова: «Писательство — самая доступная нам магия»

Юлия Виноградова

Александра Степанова — писательница, литературный редактор и постоянный мастер Creative Writing School. Недавно в издательстве «МИФ» вышла ее новая книга «Колдун с Неглинки». Об этом тексте, магическом реализме, жанре янг-эдалт, а также о таинственном доме с привидениями мы и поговорили с Александрой Степановой.

и я помню, как ходила везде с этой газетой, хвасталась. Это было первое серьезное «прикосновение к делу», погружение во что-то, что казалось очень взрослым и настоящим. Конечно, ни в какой другой профессии, кроме журналистики, я себя не мыслила и была уверена, что собранное портфолио мне еще пригодится. Но вышло иначе.

Как вы начали писать? Расскажите про свои первые писательские опыты.

— Более-менее осознанно работать с текстом и понимать, чего я от него хочу, я начала, кажется, классе в седьмом, и это была публицистика. В Нижнем Новгороде выходила газета для подростков «Пока молодой» — ее бесплатно распространяли в школах, и редакция объявила набор в «Школу юного журналиста». Происходило все это в «Нижполиграфе» — собиралась небольшая группа, и сотрудница издательства дважды в неделю посвящала нас в тонкости журналистики: что такое чердак, подвал, окно и стояк (да, газетная полоса — немного дом), как структурируется материал, как выбрать подходящий заголовок и прочие тонкости сторителлинга. Нам давали небольшие задания — например, посетить в качестве СМИ концерт местной группы и написать о нем очерк, после чего наши материалы действительно публиковали в «Пока молодой»,

Моя история не уникальна: в силу разных причин журналистика не угодила семье, и я поступила на факультет психологии, однако тексты остались со мной, только теперь уже в виде рассказов. Заниматься ими более углубленно идеи не было. В 2015-м я практически на спор сама с собой написала первую большую историю — это была «Пятая Бездна» — и отправила ее на конкурс «Новая детская книга» от РОСМЭН. «Бездна» неожиданно попала в шорт-лист, и хотя она не была опубликована, я восприняла это как некий сигнал, что в целом путь может быть еще и таким, и почему бы не попробовать туда пойти. И уже со следующей рукописи, «Двоедушник», началась моя писательская история, которая привела меня туда, где я нахожусь сейчас — в точку, где именно тексты и стали основным делом жизни.

Помогает ли профессия психолога при создании текстов?

— Профессия точно помогает со всем тем, что эти тексты окружает: с различного рода коммуникациями, планированием, самим рабочим процессом и его результатом, который часто отличается от ожидаемого. Писательство — вообще эмоционально нагруженное занятие, еще сложнее становится тогда, когда делаешь на него ставку как на главный источник дохода — тут на работу с текстом нахлобучивается много разнообразных «надстроек» в виде тревожности, нестабильного заработка и синдрома упущенной выгоды, более известного как ФОМО. В том, что я до сих пор этим занимаюсь, доля заслуги психологического образования точно есть.

Что же касается проработки сюжета и героев, то сознательного внедрения специальных знаний тут нет, но и совершенно от них откеститься невозможно: и психология, и писательство предполагают искренний интерес к людям, желание понять их в разных ситуациях и объяснить это понимание.

Часть ваших книг написана под псевдонимом. Зачем, на ваш взгляд, писатели нередко выбирают себе второе имя?

— В моем случае псевдоним «Рута Шейл» не был осознанным выбором: его, именно такой, условно-англоязычный, потребовало издательство, и я, совсем начинающий на тот момент автор, посчитала, что просто издать книгу мне сейчас важнее, чем издать ее под своим именем — и, кстати, кошмарно тяготилась этим псевдонимом в дальнейшем, никак он ко мне не «прилипал». Но за то время, что он был, успела почувствовать один интересный эффект: псевдоним — это еще одна субличность, исключительно писательская. Рута Шейл не была тождественна мне, и ее биография не была моей биографией. Это оказался своеобразный костюм, который я надевала для книжных презентаций и социальных сетей. Соответственно, весь возможный негатив тоже

доставался Руте, и она славно мне послужила, но я была настолько рада от нее избавиться, что устроила ей символические «похороны» после того, как перестала сотрудничать с тем издательством. Так что мотивировки псевдонимов могут быть самыми разными, однако в этой задаче — создании нового образа себя — думаю, они все-таки и пересекаются.

Писательство, как и психология, предполагает искренний интерес к людям, желание понять их в разных ситуациях и объяснить это понимание.

Вы работаете в основном в жанре янг-эдалт. Почему именно этот жанр?

— Мне кажется, это какая-то история про недопрожитый опыт и недоотвеченные вопросы. Янг-эдалт — книги о молодых и для молодых, основные темы здесь — это сепарация и взросление, поиск референтной группы или создание такой группы вокруг себя. Стремление оказаться в безопасной среде с людьми, которые разделяют схожие ценности. Я довольно рано переехала в другой город и стала жить отдельно, но как человек, выросший в дисфункциональной семье, осталась эмоционально привязанной к травматике детства, и вопросов у меня до сих пор хоть отбавляй. С помощью каждого из моих молодых героев я возвращаюсь туда, где мне было сложно и я не справилась, а они, наделенные моим же нынешним опытом, оказываются мудрее и сильнее меня. Пока мне интересно и важно в них вглядываться, но допускаю, что однажды все изменится, и тогда это будут какие-то совсем другие книги и для других людей.

За последние несколько лет в жанре янг-эдалт произошел заметный взлет: о

нем заговорили как об отдельном крупном направлении, появились курсы именно по этому жанру, огромные разделы книг в магазинах. Почему истории о молодых взрослых вызывают такой интерес у читателя?

— У литературы янг-эдалт, как и в детском сегменте, есть очень четко очерченная целевая аудитория: читатели от 16 до 35 лет. Янг-эдалт — «молодые взрослые» — это и есть ни что иное, как возраст, в котором человек выстраивает свою идентичность, сталкивается с взаимодействием с социальными институтами и осмысливает правильность решений, которые раньше принимали за него взрослые. Отсюда возникают популярные сюжеты таких книг: часто это противостояние героя и общества, действующего по определенным правилам. Герой отличается, не вписывается в общепринятую схему и отчаянно ей сопротивляется, результатом чего становится понимание насильственной природы самих этих правил.

Книги для молодых взрослых — и это еще один их плюс — невероятно разножанровые, так что озвученный сюжет может раскрываться как на примере школьного микросоциума и травли, с которой сталкивается герой (Микита Франко, «Тетрадь в клеточку»), так и в формате саги-антиутопии с полностью вымышленным миром (Сьюзен Коллинз, «Голодные игры»). То, что книги янг-эдалт пишутся в соответствии с жанровым каноном, тоже привлекает — это всегда динамичный сюжет, герой-харизматик и острые, пиковые переживания. Это книги, в которые можно сбежать, и персонажи, в которых можно влюбиться.

Недавно на ММКЯ вы участвовали в дискуссии «Магический реализм и городское фэнтези: найти невероятное в контексте повседневности». Так что же это такое и как работать с невероятным?

— Условное «невероятное» — это то самое фантастическое допущение, без которого не обойтись ни магическому реализму, ни городскому фэнтези. Некая потусторонняя сила вторгается в реальность и наделяет ее новыми смыслами. И если магический реализм не требует рационального объяснения этой силы: она может приниматься на веру или быть фантазией, плодом измененного состояния сознания героя («Дом, в котором...»: действительно ли Слепой превращается в оборотня? Кто знает?..), то в городском фэнтези магические способности включены в некую систему и нуждаются в логическом обосновании, связанном со всем авторским сеттингом («Младшая сестра Смерти»: Смерть антропоморфна и с помощью особых заданий набирает прислужников в отряды своих жнецов). При этом фантастическое допущение вовсе не обязано исключительно развлекать — оно может быть еще одним романным слоем, отсылкой или метафорой. И для того, чтобы это произошло, мы обращаемся к мифам, сказкам или так называемым городским легендам — «современному фольклору», который тесно связан с городской средой и ее опасностями.

Приведу пример, который, возможно, пояснит, как это работает. Когда я обдумывала мироустройство своей трилогии про двоедушников, исходной точкой было место действия — Нижний Новгород, где лицо и изнанка города буквально видны глазом. Изнанка города — его историческая, деревянная застройка, с которой в Нижнем связано много трагических историй, и их отзвуки есть в тексте. Далее те же лицо и изнанка города стали не просто его характеристиками, а буквально миром живых и неживых: дома, исчезнувшие с лицевой стороны, отправляются на изнанку и счастливо там обитают, новенькие и красивые. Мне очень хотелось «оживить» эти дома, повзаимодействовать с ними — сейчас многие из них, к сожалению, утрачены, выходит, остались только в книге... Нужен такой же двойственный герой уже со своими внутренними «лицом» и «изнанкой», решила я и разместила там еще и двоедушника, персонажа мифологического, но для сюжета

несколько перепридуманного. И мир сложился.

В этом году у вас вышли сразу две книги: «Пятая Бездна» в Popcorn Books и «Колдун с Неглинки» в МИФе. Как шла работа над книгами?

— «Бездну» я как раз упомянула вначале и сказала, что она нигде не издавалась — потому что этот текст действительно пролежал в ноутбуке долгих восемь лет, я нашла его практически случайно и до сих пор не уверена, что поступила правильно, когда решила его издать — все-таки он больше интересен в первую очередь мне и в первую очередь как нечто очень далекое, но сохранившее восторг первооткрывателя, когда тебе кажется, что с каждым словом ты буквально изобретаешь новый язык. Думаю, подобное можно испытать только с первой рукописью. Я, конечно, сильно его переписала — в изначальном виде он абсолютно никуда не годился — и получилась детская книга о первой любви и немного о магии. Чутьочку наивная, довольно светлая, она из другого времени, где было больше сил и больше надежды. И еще мне кажется, что сама история издания «Бездны» может быть вдохновляющей — не в той части, где про восемь лет, а в той, где текст, прошедший, на самом деле, через некоторое количество отказов, а потом забытый даже самим автором, выбирается из могилы, стряхивает с себя прах и становится симпатичной книгой в классном издательстве.

«Колдун с Неглинки» другой — он злее, как и нынешняя я злее той, что писала «Бездну». Здесь уже есть мой любимый прием, когда фэнтези на самом деле оказывается не таким уж фэнтезийным, потому что реальность мощнее и круче всего этого магического антуража и выдуманного мной столичного бестиария. Но именно антураж позволяет посмотреть на реальность без страха, ведь магия существует, а добро всегда побеждает зло. «Колдуна» я дописывала, уже зная, что его берет МИФ, мы заключили договор и выбрали дедлайн, к которому я должна закончить текст — на тот момент это оказалось буквально спасительным решением, ведь ничто так не отвлекает от экзистенциальной тоски, как неизбежно приближающийся дедлайн. Нежно люблю всю издательскую команду, и дай бог каждому автору, особенно с первой книгой, именно такой работы-заботы.

Вы долгое время были соведущей подкаста и сейчас активно осваиваете новые форматы, например, книжные сериалы — у книги «Двоедушник» вышла сериальная версия. Вы считаете себя экспериментирующим автором?

— Я даже гострайтером успела побывать, так что да, наверное, это обо мне. Сейчас вообще появляется много необычных и новых форматов — новеллизации, коллабы писателей со сценаристами, музыкантами и авторами комиксов, те же книжные сериалы. Текст становится больше себя самого. Наблюдать за всем этим интересно, а поучаствовать и посмотреть, что будет — еще интереснее.

Один из курсов CWS, который вы ведете, — мастерская «Память, говори!» — посвящен воспоминаниям и работе с личным опытом. Как часто вы сами используете в текстах личный опыт?

— Искренне восхищаюсь теми, кто может писать о себе, и люблю автофикшн, но сама так не могу. Страшно настолько самораскрываться. Один рассказ меня написать все же попросили, и это было чистое, незамутненное страдание. Увы, у меня гораздо лучше получается о привидениях или деревянной застройке, с героями, максимально далекими от моего собственного бэкграунда.

Но у вас правда в детстве был дом с привидениями?

— Его и сейчас можно найти в Нижнем Новгороде на проспекте Гагарина, дом 60, корпус 11. 1933-й год постройки, территория бывших Тобольский казарм — когда я там жила, это и был закрытый военный городок, и нас, детей, привидениями было не напугать. О них все здесь знали и время от времени обменивались этими историями, но ни батюшка с кадилом, ни академик с рамками биолокации не смогли изгнать то, что поселилось в нашей квартире задолго до нас, и оно... Время от времени проявлялось, чудило, зато не скучно было жить. Я честно считала, что лучше места в мире не найти, но потом мы переехали в дом между тюрьмой и кладбищем, и там тоже оказалось неплохо.

Кто ваши ориентиры в литературе? Кого вы сами любите читать?

— Так получилось, что читаю я в основном книги другого жанра, чем те, что пишу сама. Из относительно недавнего прочитанного и действительно важного для меня: «Выгон» и «Момент» Эми Липтрот, «Птицы, искусство, жизнь» Кио Маклир, «Все мои ребята» Рут Кокер Беркс и вообще книги издательства «Есть Смысл». Истории о людях, которые

решают, делают и справляются, сейчас серьезно поддерживают.

Читаете современную литературу молодых авторов? Кого бы могли бы порекомендовать?

— В первую очередь — книги наших талантливых выпускниц, которыми я бесконечно горжусь и не перестаю о них рассказывать: сборник рассказов «Вторжение» Марго Гритт («Альпина.Проза»), роман «Иные» Александры Яковлевой (Букмейт), уже вот-вот выйдет в издательстве МИФ фолк-фэнтези Марины Сычевой «Солнце в силках».

И, конечно, невозможно не следить за серией от «Есть Смысл»/«Поляндрия NoAge», где уже вышли романы Ильи Мамаева-Найлза, Марины Кочан и Марии Ныркоковой — и я очень жду книгу нашей Ольги Фатеевой, потому что ее слова и ее опыт это всегда что-то насквозь пробирающее.

Почему люди становятся писателями и есть ли те, кому не стоит этим заниматься?

— Я знаю множество людей — и имею счастье состоять с некоторыми из них в родстве — которых буквально клонит в сон от любых слов, составленных в предложения, но если они внезапно обнаружат в себе потребность в писательстве, удивлюсь и обрадуюсь. Всем, всем можно и нужно — ведь это самая доступная нам магия: просто открыть чистый лист и создать что-то из ничего. Мое собственное писательство — это попытки соединить то, как я вижу, с тем, как могу об этом рассказать. Пока что картинки в точности не сошлись ни разу, а значит, я буду пытаться снова и снова.

Держи марку: что такое писательская репутация и как ее сберечь

Рауса Ханукаева

Конечно, беречь стоит любую репутацию: с неприятными людьми мало кто захочет связываться. Что же до писателей, то кажется, что их личная жизнь находится несколько за кадром, и достаточно опубликовать талантливый текст и хорошо выглядеть на встречах с читателями, чтобы выйти в литературный авангард. Рассказываем, почему это не так и о чем нужно думать, когда вы формируете свой авторский образ.

Что такое литературная репутация?

Судя по всему, единого представления о том, что такое литературная репутация, не существует. Некоторые исследователи трактуют термин как присутствие писателя в культурном пространстве следующих эпох, образ, сложившийся после его смерти. Другие «осовременивают» это понятие и связывают его не только с авторами прошлого, но и с современными литераторами — тут литературная репутация может соотноситься как с тем, что человек пишет (массовая или элитарная литература, например, автор детективов или любовных романов), так и с тем, как он себя ведет.

В начале XXI века социолог и философ Пьер Бурдьё разработал теорию «литературных полей». Согласно его гипотезе,

функционирование литературного поля определяется двумя связками: гетерономность/автономность и экономика/эстетика. Разные писатели в течение своей карьеры накапливают либо определенный экономический капитал (произведения коммерчески успешны), либо социальный (литературные премии и хвалебные отзывы критиков). Пересекаются эти группы редко: стремление к эстетике вредит коммерции и наоборот. Но, как отмечает прозаик, эссеист и ответственный секретарь журнала «Знамя» Елена Холмогорова, даже тут не все так просто:

«У нас нет единого литературного поля. То, что одни считают одиозным высказыванием, публикацией или премией, для других может быть маркером качества и близких им взглядов. Но проблема эта вечная, тянется она от пушкинского “Моцарта и Сальери” и вопроса о том, совместимы ли гений и злодейство. Классический пример, который первым приходит на ум — Михаил Юрьевич Лермонтов, который был человеком невыносимого характера».

Лермонтов, расстроивший свадьбу бывшей возлюбленной Екатерины Сушковой и воспевший в «Герое нашего времени» похищение девушки, сегодня действительно мог бы быть обвинен в нарушении всех этических норм, но в то же время оказаться на волне «хайпа». Если говорить о современных примерах, то существуют две разные аудитории: одна для таких писателей как,

например, Лукьяненко или Панов, вторая — для авторов современной интеллектуальной прозы, подобных Водолазкину. И там, и там действуют достаточно большие группы поклонников и наблюдается высокий интерес не только к тому, что опубликовал, но и к тому, что сказал автор.

Петр Кончаловский. Лермонтов на Кавказе.
Государственный Литературный музей

Сила скандала

Именно поэтому «хороших» и «плохих» репутаций почти не существует. Любое высказывание может вызвать волну негативных отзывов. В каком-то смысле неизбежность скандала для большого писателя констатировал Иван Никанорович Розанов, один из первых в России исследователей авторской репутации:

«Нормально, что каждый крупный писатель-новатор или целое поколение, идущее под флагом новаторства, в течение своей литературной деятельности дважды подвергаются нападкам: вначале со стороны литературных староверов и позднее от тех литературных младенцев, которые, по выражению Пушкина, начинают кусать грудь кормилицы, потому что зубки подросли».

Социолог культуры и историк Абрам Рейтблат в одной из своих статей делит скандалы на собственно литературные и скандалы с участием литераторов. К первым относятся случаи нарушения профессиональной этики, например, нарушение авторского права, неверное цитирование других писателей с извращением

первичного смысла или некорректная критика коллег и издателей. Так, в 1857 году Андрей Ващенко-Захарченко выпустил книгу «Мертвые души». Окончание поэмы Н. В. Гоголя «Похождения Чичикова», а в 1897 году Дмитрий Зуев опубликовал окончание пушкинской «Русалки». В XIX веке это вызвало что-то вроде литературного скандала, хотя сегодня для читателей, знакомых с культурой «фанфиков», могло бы стать просто очередным литературным актом.

Одними из первых, кто оценил литературные скандалы и преимущества эпатажирования публики, как пишет Рейтблат, были ранние символисты. В 1893 году молодой Брюсов писал:

«Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало! Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается, и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!»

Однако на сознательный эпатаж шли тогда немногие символисты, а вот футуристы, среди которых были Владимир Маяковский и Давид Бурлюк, сознательно работали над своей репутацией поэтов-скандалистов.

Ко второй группе — «скандалы с участием литераторов» — Рейтблат относит разнообразные драки, ссоры, эпатажные нелитературные акции, словом, все то, что говорит о писателе как о человеке, но не как об авторе. Иногда это тоже может сыграть человеку на руку. Так, публике нравился скандальный, но какой-то очень уютный и близкий образ Сергея Есенина, «московского гуляки», «крестьянского сына». За это же читатели полюбили и Хемингуэя с его суровой мужской прозой. Интересным казалось и поведение Фицджеральда: многие его поклонники не могли считать писателя, ведущего богемный образ жизни, «своим парнем», но за их с Зельдой приключениями можно было следить как за долгоиграющей

мыльной оперой. Однако литература все-таки не шоу-бизнес, и стоит сотню раз подумать, прежде чем влипнуть в истории хемингуэевского масштаба или даже просто строить из себя «звезду».

«Разумеется, любой издатель в первую очередь ориентируется на качество текста. Если текст гениален, его, конечно, будут издавать, но никаких дополнительных активностей со скандальным писателем, по возможности, проводить не будут. Если он выдвигает какие-то невероятные требования: и на фестиваль поедет только за крупную сумму, и в СВ-вагоне, и только в определенной компании, — скорее всего, с ним не захотят связываться», — уверена литературный критик Наталья Ломыкина.

Нельзя, по ее мнению, быть и современным Лермонтовым, и рассчитывать на то, что характер никак не повлияет на популярность книг:

«В нынешней ситуации коммуникация с автором — это уже часть чтения. И возможность получить какие-то сведения об авторе, встретиться с ним и узнавать о его жизни в цифровую эпоху стала еще важнее. Характер влияет на то, как человек репрезентует себя в социальных сетях. Ведь текст всегда выдает настроение автора, а это значит, что к неприятному желчному человеку аудитория, скорее всего, не пойдет».

Интересно, что скандальной репутацией, с точки зрения читателей, может обладать и автор, не замеченный ни в драках, ни в ссорах, ни в краже чужого контента. Так, Джордж Мартин прославился не только своим громким циклом «Песнь льда и пламени», но и тем, что никак не может его завершить. Многим фанатам крайне не понравился финал, придуманный авторами сериала «Игра престолов», и теперь они всерьез опасаются, что Мартин в силу возраста просто не успеет закончить последние несколько томов, и любимая история останется с такой нелюбимой концовкой.

Давид Бурлюк и Владимир Маяковский. «Пророки футуризма». Москва, 1914 год. Фрагмент фотографии. Государственный Литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Литературный косплей

Цифровизация действительно диктует свои правила и заставляет авторов активнее включаться в процесс постпродакшна своей книги. Для одних это может быть злом (не люблю вести социальные сети), для других — благом (смогу помочь книге стать более узнаваемой). Редакторы, конечно, горячо приветствуют второй вариант.

«У тех писателей, которые работают над книгой вместе с издательством, успех гораздо больший, чем у людей, которые просто отдают книгу и исчезают. Иногда авторы говорят: “Я должен только писать”. Никто не спорит, я тоже не должна заниматься продвижением. Но если ты любишь свое дело, ты автоматически подключаешься к процессу не потому, что надо, а потому, что хочется. И издательство всегда подхватывает эти инициативы, по крайней мере в моем лице и в лице других коллег из отдела фантастики. Очень важно делать все, что вы можете и что вам органично», — когда-то рассказывала нам в интервью редактор «Эксмо» и создательница своего импринта Кира Фролова.

Что касается литературной репутации, то социальные сети навязывают не только необходимость прилично себя вести, но и прилично выглядеть. Несмотря на то, что

литература — словесное искусство, формирование писательского образа нередко строится благодаря его внешнему виду. Сегодня возможность подчеркнуть свою связь с персонажами нередко используют авторы фантастических жанров.

«В прошлом году я жила в Армении на краю леса, гуляла в компании черной собаки в длинных платьях с шалью и играла на арфе. Это очень гармонично сочеталось с тем, что я тогда писала. Грех было этим не воспользоваться. Понятно, что обычно в лес я хожу в трекинговой обуви и спортивном костюме. Но для фотографии и создания образа можно сделать исключение», — рассказывает писательница Анастасия Максимова, выступающая под псевдонимом Уна Харт.

Но и до появления социальных сетей, где можно моментально поделиться новой фотографией с читателями, писатели нередко именно с помощью одежды подчеркивали приверженность к тем или иным ценностям, пытались соотнести себя с героями или «сойти за своего» в определенных кругах. Так, эксперименты с писательским дресс-кодом ставил Александр Пушкин, долго отказывавшийся носить любую форму казенных учреждений и намеренно подчеркивающий свое «гражданское» положение. При этом Пушкин был, пожалуй, первым российским автором, который отстаивал легитимность писательства как профессии.

После выхода в отставку Лев Толстой отращивал самую знаменитую в русской литературе бороду (солдатам и офицерам разрешались максимум усы), надел крестьянскую рубаху и пытался примерить на себя образ «мужика», что не могло не эпатировать публику. Граф, конечно, так и остался графом даже за плугом, но со временем у него сложился образ мудрого старца, и тут длинная борода и подпоясанная косоворотка явно сыграли Толстому на руку.

Крайне внимательно к своей сценической одежде относился Владимир Маяковский, чья знаменитая желтая кофта стала символом

футуризма. Эта вещь была призвана разрушить традицию выступать перед публикой в строгом костюме, и купил ее поэт вовсе не потому, что у него не было денег на фрак.

«Решив, что наряд его примелькался, он потащил меня по мануфактурным магазинам, в которых изумительные приказчики вываливали нам на прилавок все самое яркое из лежавшего на полках. В Маяковского ничего не удовлетворяло. После долгих поисков он набрел у Цинделя на черно-желтую полосатую ткань неизвестного назначения и на ней остановил свой выбор», — вспоминал Бенедикт Лившиц.

По сути современные писатели идут по стопам предшественников, с помощью одежды закрепляя за собой определенное амплуа.

«Для меня создание репутации — это конструирование некоего персонажа в жизни. И мне кажется, что моя репрезентация в социальных сетях — это и есть персонаж. Но вне всяких сомнений очень важно строить не только внешнюю картинку, но и бережно относиться к тому, где я появляюсь, с кем я разговариваю, что я рекламирую», — делится Анастасия Максимова.

Уна Харт с помощью одежды и образов создает персонажа в жизни. Фото из личного архива

Скажи, кто твой друг

Писательница рассказывает, что очень тщательно выбирает интервьюеров и

площадки, на которых будет опубликован материал о ней и ее творчестве. Если ресурс кажется одиозным, а с автором будущего материала у Анастасии не совпадают ценности и взгляды, она отказывается, несмотря на то, что это могло бы повысить продажи ее книг. Большой проблемой для нее в свое время было избавиться от упоминания «Cosmopolitan». Проработав некоторое время в журнале, она до сих пор пытается уйти от амплуа «девочки из Космо»:

«Поскольку я работала в самом социально неодобряемом сегменте и писала о сексе, то встречала очень разную реакцию на мои материалы. Для одних это было чем-то смешным (поразительно, насколько взрослые люди могут забавляться историями о сексе, насколько для них эта тема до сих пор табуирована), другим казалось, что я развращаю читателей».

Как журналистка Анастасия Максимова освещала еще множество разных тем, среди которых — ВИЧ-диссидентство, онкология и права женщин, но именно тема секса была связана у читателей и с «Cosmopolitan», и с ней самой. А значит... «что может написать девочка из Космо?». Теперь Анастасия очень внимательно относится к каждому акту своей профессиональной коммуникации:

«Литературный рынок, будем честны, очень маленький. Я бы даже сказала, что российский книжный рынок — провинциальный. И поэтому все знают, кто к кому ходит, кто с кем разговаривает, кто что делает, кто у кого переманил авторов. Поэтому, на мой взгляд, самое важное для писателя это быть “прозрачным”. Я знаю случаи, когда автора не брали в издательство из-за его репутации, случаи, когда площадки отказывались размещать и продвигать тексты того или иного человека или даже случаи, когда авторы отказывались публиковаться в издательстве, где публикуется некто, чьи ценности идут вразрез с их взглядом на мир».

Последнее подтверждает и Елена Холмогорова:

«Думаю, что я не готова принять в публикацию текст человека, чьи взгляды коренным образом расходятся с моими, даже если текст будет весьма интересным. Человеческие соображения все равно перевесят. Потому что здесь на кону еще и репутация издателя».

При этом, по словам Елены Сергеевны, она готова рассмотреть произведения писателей, имеющих репутацию массовых или работающих в якобы «низких» жанрах, и тут ключевую роль будет играть именно качество материала:

«Человек не обязан оставаться всю жизнь в одной парадигме, вполне возможны и интересные переходы. Качественные и хорошие тексты бывают в разных регистрах, и для меня практически не существует табеля о жанрах. Как читатель я могу отдавать предпочтение тем или иным направлениям, но как издатель — способна наступить на горло своим читательским пристрастиям, если понимаю, что текст того достоин».

Возможно, именно с жанровой градации и привязки писателя к определенному направлению или аудитории и надо было начинать. Однако тут волей-неволей пришлось бы использовать своеобразный читательский «табеля о рангах» и вешать ярлыки. А ведь история литературы знает немало блестящих «переходов». Так, Гоголь, написавший, по сути, фэнтезийный сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», в то же время был блестящим писателем-реалистом. А поэт Пастернак также виртуозно работал с прозой. Сегодня даже нобелевские лауреаты, такие как Ольга Токарчук или Кадзуо Исигуро, пробуют себя в разных жанрах и формах, неизменным остается только качество текста, но это уже совсем другая история.

Писательский блок с точки зрения психологии

Анастасия Кеняйкина

Творческий кризис — явление, способное затронуть не только конкретного человека, но и целую эпоху. Так, например, Владислав Ходасевич много писал о творческом кризисе в среде русской эмиграции: *«Быть фактически приведенными к молчанию здесь, в Европе, куда бежали они потому, что не в силах были молчать на родине, — есть подлинная для них трагедия»*. Причины такого «молчания», кажется, лежат на поверхности: бытовая неустроенность, нищета, сомнения в привычных мировоззренческих и духовных идеалах и ценностях, утрата ориентиров, разочарование, общественно-политические изменения. Неспособность писать может быть вызвана и собственно творческими неудачами — отсутствием признания, ощущением собственной неталантливости, неполноценности, боязнью не оправдать чьих-то ожиданий.

Во времена Ходасевича не было такого количества популярных книг о писательском мастерстве, как сейчас. Сегодня по запросу «писательский блок» поисковик выдает огромное количество информации о том, как с ним бороться. Советы от известных писателей (что характерно, преимущественно зарубежных), литературных деятелей, копирайтеров, психологов (в кавычках и без) и даже джедаев: мне удалось найти потрясающее видео, где подробно объясняется, как с помощью джедайской техники 84-часового голодания можно победить писательский блок.

Перечисление методов борьбы с творческим кризисом, найденных на просторах интернета, кажется излишним.

Перемена обстановки, поиск новых впечатлений, «свободное письмо», искусственное создание дедлайнов, составление распорядка дня или его крушение — все эти советы знакомы, пожалуй, практически каждому пишущему. Попробуем рассмотреть феномен «писательского блока» с точки зрения некоторых школ психологии.

Творчество и психология

Приверженцы бихевиоризма (то самое течение в психологии, где есть собаки, Павлов и два важных слова: «стимул» и «реакция») не склонны придавать значение каким-либо внутренним личностным процессам и считают творчество всего лишь продуктом научения. Так, человек, однажды совершивший творческий акт и получивший положительное к нему подкрепление, склонен к повторению этого акта во всех сферах жизни. Ребенок познает мир, видит его многообразие и стремится откликнуться на полученные стимулы — скажем, рисует картину. Если родитель или учитель выражает свое недовольство детским творением и просит сделать рисунок более доступным для широкого понимания — «рисуй не так, как хочешь, а так как нужно» — происходит негативное подкрепление, и реакция не закрепляется. И вот уже мир теряет, быть может, гениального художника. Интересно, что однажды закрепленная реакция может проявляться даже после череды негативных подкреплений (учитель так здорово похвалил первую картинку, что его недовольство по

поводу следующих десяти может и не воздействовать).

Ситуация выше, когда окружающий мир вызывает в человеке творческую реакцию, а положительного подкрепления не происходит, называют «кризисом стимула». Существует также и «кризис реакции» — когда отсутствует ситуация, в которой возможно креативное поведение. Например, человек подсознательно помнит о положительных подкреплениях на его творения, но продолжать работу не может по причине физических ухудшений (болезнь, когнитивные нарушения).

Сложно не согласиться с тем, что почти любому писателю необходимы «положительные подкрепления» в виде добрых отзывов читателей и критиков, коллег по цеху и «старших учителей». Все это вдохновляет, стимулирует к активному творчеству, поиску новых способов получения удовольствия — как от самого акта творчества, так и от приятных эмоций в результате получения обратной связи. В этом смысле (помимо очевидной пользы от приобретенных знаний и навыков) школы писательского мастерства, курсы по креативному письму, литературные студии и семинары (впрочем, тут о положительных подкреплениях речь идет нечасто), книжные клубы — благо для творца.

Зигмунд Фрейд также много писал о природе художественного творчества, в том числе творчества литературного. Творческий процесс по Фрейду — прежде всего проявление фантазии, благодаря которой художник примиряется с действительностью и компенсирует неудовлетворенные желания любви, славы и признания. Акт творчества изображается как терапевтическое средство для избавления от разного рода невротических расстройств. Все сексуальные (как же без них) и агрессивные влечения разрешаются в искусстве, а нашему бессознательному кажется, что его потребности удовлетворены.

Кроме того, Фрейд большое внимание уделял сновидениям как способу получения творческого вдохновения и детству. Ведь это

чудесное и светлое время создано не только формирования комплексов, но и для игры, новых открытий — движущей силы воображения. Так, в работах Фрейда можно найти и писательские советы: например, помнить о «лечебной» силе творчества, записывать сны и чаще «пробуждать» в себе внутреннего ребенка с его уникальным взглядом на привычный взрослому мир. Кажется, это близко к приему «остранения» по Виктору Шкловскому, с помощью которого можно выбраться из автоматизма, стереотипности восприятия окружающей действительности и «переоткрыть» глаза.

Современная психология определяет творческий кризис как столкновение двух противоположных побуждений: страха творить и стремления к творчеству. Американский психолог Ролло Мэй, приверженец экзистенциализма, описывал причины страха творчества. Среди них — нежелание быть отвергнутым, открытым к неизбежной критике и вообще любой оценке, неготовность нести ответственность и прерывать привычное течение жизни. Творческий кризис — это не только эмоциональное состояние (грусть, апатия, неуверенность в себе), он тянет за собой и когнитивные проблемы (отсутствие новых идей, свежих мыслей), и поведенческие реакции (суетливость или оцепенение, раздражительность и пр.).

Все вышеперечисленное описывает причины возникновения творческого застоя или реакцию организма на этот застой, но не дает прямых ответов на главный вопрос: как выйти из писательского ступора? Современные психологи предлагают вспомнить, что любой кризис неизбежно приносит перемены. И эти перемены — не всегда к худшему. Выделяются и позитивные функции творческого кризиса:

1. Сигнальная функция (неспособность писать, творить может быть сигналом о внутреннем или внешнем неблагополучии, неустроенности);
2. Диагностическая функция (писательский блок — некая «проверка на писательскую прочность», возможность проверить свои способности к поиску решений проблемы);
3. Стимулирующая функция (кризис как стимул к развитию, получению новых знаний и навыков);
4. Охранная функция (застой может быть необходимой передышкой, важным молчанием, после которого случится новый виток развития);
5. Творческая функция (возможность взглянуть на свое творчество по-новому, оценить его и наметить будущие пути следования).

Одним словом, писательский блок — не всегда зло, а иногда и нужное благо.

У них и у нас

Выше уже упоминалось, что работы по литературному мастерству: будь то личный опыт автора, писательские советы и практики, размышления — явление, в России относительно новое. Возможно, дело в устоявшемся мнении о «божественной поцелованности», априорной одаренности, врожденном таланте писателя. В российской действительности писателями до сих пор рождаются, тогда как за рубежом — становятся. *«Ни экономический спад, ни упадок грамотности, ни власть кинематографа и телевидения – ничто не может подавить потребность американцев в курсах творческого письма»*, — пишет преподаватель Джон Барт. Пока у нас ждут появления нового гения, светоча русской словесности, в англоязычных странах занимаются мастерством, ремесленничеством (впрочем, в презентации литературного таланта как общедоступного при должном усилии есть определенный подвох — ведь писательские курсы дают

стабильный и надежный заработок преподавателям).

Человек пишущий может найти множество советов от зарубежных авторов на тему преодоления писательского блока. Скажем, Джеймс Баллард призывает дисциплинировать себя и писать при любых обстоятельствах, даже похмельных, а Рэй Бредбери рекомендует отказаться от рефлексии и наслаждаться процессом. Создается впечатление, что русский писатель вообще не испытывает трудностей — о творческих зastoях не принято говорить. Например, у Юрия Олеши с 1930-х годов складывается репутация «медленно думающего художника», формируется миф об «исписанности» — так творческий кризис воплощается во внешних представлениях о писателе (в представлении же художника никакого кризиса может и не быть, но под давлением общества он вполне может возникнуть). Окружение Олеши не признавало «нормой» писательское молчание.

Между тем писательский застой касался, конечно, и российских авторов. Заглянем в дневник Льва Толстого: *«Всё делаю гимнастику, записываю дни и не пишу. Ездил на охоту — ничего. Поэзия труда и успеха нигде и никем не тронута»* (1 октября 1865 года). Или *«Дети больны и Соня тоже. Дня 4 не писал»* (17 марта 1865 года). В дневниках Софьи Толстой есть такая запись: *«... он меня втягивает в это тоскливое, апатичное состояние. <...> Мне больно, я не могу видеть его таким, какой он теперь. Унылый, опущенный, сидит без дела, без труда, без энергии, без радости целыми днями и неделями и как будто помирился с этим состоянием. Это какая-то нравственная смерть»*.

Существует много свидетельств о работе Федора Достоевского. Его жена отмечала, что *«ничего не было труднее для него, как садиться писать, раскачиваться»*. А среди воспоминаний Николая Страхова было такое: *«Федор Михайлович всегда откладывал свой труд до крайнего срока, до последней возможности; он принимался за работу только тогда, когда оставалось уже в обрез столько*

времени, сколько нужно, чтобы ее сделать, делая усердно».

Николай Гоголь на протяжении 1843–1845-х годов непрерывно жалуется в письмах на творческий кризис: *«Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие своё, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно».*

В своей речи «О назначении поэта» Александр Блок говорит: *«Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл».*

В этих свидетельствах содержатся важные (а для сегодняшнего писателя едва ли новые) мысли о том, что болезни, бедность, жизненные неурядицы и общественные переломы, страдания — всегда были в жизни писателя и неизбежно влияли на творческий процесс. Писательский блок — просто следствие жизни, меняющейся, непредсказуемой.

Что делать?

Каждый человек индивидуален, и найти универсальный рецепт по борьбе с застоем нельзя, и не кажется, что необходимо. Один и тот же чистый лист для кого-то становится средоточием трудной работы, а для другого — источником вдохновения. *«Бывало [что работа становилась причиной писательских*

блоков]. Справлялся усилием воли, некоторым корпением над чистым листом, опять же ранним вставанием, утренним письмом» — делится свои рецептом Александр Иличевский в одном из интервью. «У меня нет возможности ждать вдохновения, потому что жизнь насыщена и времени в обрез. Поэтому я уж как сажусь за стол — так сразу начинаю писать, ничего не дожидаясь. Чистый экран компьютера — это для меня и есть вдохновение» — продолжает Евгений Водолазкин.

Сегодня писательство стало не только естественным образом жизни и мыслей, но и показателем некоторого интеллектуального престижа, что влечет к этой области множество людей, нацеленных не на процесс, а на результат. В таком случае бороться с писательским блоком (который неизбежно возникнет в случае установки «хочу книгу и след в истории, но писать не хочу») кажется пустой затеей. Если же писательство есть неотъемлемая часть существования и бытования в мире, писательский блок — не трагедия, а естественный этап. Возможно, этот этап знаменует существенные изменения в философии, мировоззрении и переход к новому творчеству, а возможно говорит о том, что человеку просто пока нечего сказать. Такое случается, и это нормально.

И напоследок — замечательное высказывание современного прозаика и драматурга Дмитрия Данилова: *«Писатель — не рабочий у станка. Он может не писать несколько лет, не имея вдохновения или интересных идей. Он может написать за всю жизнь одну книгу. Он может писать книги, не понятные современникам, и эти книги в будущем оценят потомки. Он может писать принципиально нерыночные вещи для крошечной аудитории ценителей и получать за это копейки или вовсе ничего не получать».* И все это — вполне нормально.

Роман Марии Омар «Мёд и немного полыни»

У выпускницы Creative Writing School Марии Омар вышел дебютный роман «Мёд и немного полыни». Книгу выпустило издательство Zerde Publishing, а поддержало издательство-партнер «Альпина PRO». Эта история основана на семейной истории автора и напоминает, что нужно не забывать свои корни, историю и традиции своей семьи. Мы поговорили с Марией Омар о создании романа текст, а также о том, чем полезно изучать свой род.

Акбалжан аже были также уникальные моменты. Не буду раскрывать весь сюжет, расскажу только об одном факте: в двадцать шесть лет она уехала от своего первого мужа в неизвестность с двумя маленькими детьми и встретила его почти через двадцать лет.

Как появился ваш роман и о чем он?

— Это художественный роман, основанный на реальных событиях из истории моего рода. У меня всегда был к этому интерес, я даже храню родословную, которую начертила в девять-десять лет. Идея романа возникла очень давно, когда я узнала удивительную историю жизни своей бабушки Акбалжан аже. Она пережила много испытаний: голод, войну, потери близких. Подобное выпало на долю практически каждой женщины ее поколения, и многие мои читатели пишут мне, что находят пересечения с судьбами своих бабушек. Но в жизни

Как много в романе личной истории и вымысла?

— Это семейная сага. Автофикшн начинается с последней, третьей части, где авторский голос ко мне, и я описываю Акбалжан аже как свою бабушку. Эта часть отличается от других стилистически. Было много сомнений, нужна ли она, но, посоветовавшись с опытными писателями, я пришла к выводу, что личные впечатления помогают сделать историю более эмоциональной и современной.

Ваш роман отсылает к реальным событиям, исторической эпохе. Что помогало вам в работе над фактурой, как и где вы собирали материал?

— Большая часть написана по воспоминаниям бабушки, мамы, родственников, письмам из семейного архива. Некоторые детали уточняла в открытых источниках: допустим, чтобы узнать, какого цвета была шинель в годы войны. Кстати, покопавшись в интернет-архивах, я узнала некоторые сведения о своих родных, которые до этого не знала.

В романе поднимается значимая тема — важность принадлежности к роду, ощущения своих корней. Кажется, что сейчас, в период перемен, очень важно вспомнить, где твои корни, обратиться к своему роду.

— Согласна, изучение истории своего рода дает больше понимания себя и своих близких и ощущение некой опоры. Ведь мы получаем по наследству не только цвет волос и другие внешние признаки. Часто мы перенимаем от наших родителей, бабушек, дедушек характер, привычки, модели поведения, ментальные установки и жизненные сценарии. Влияние

рода — это не мифическая и невидимая сила, о которой сегодня так много говорят. Это конкретные качества, навыки выживания, способы решения задач, которые закрепились в семейной системе. Какие-то из них нам могут пригодиться, например, я восхищаюсь стойкостью своей бабушки, тем, что она всегда действовала, мне часто не хватает этой решимости, но в сложные моменты я тоже не сижу на месте, а начинаю что-то делать. Если бы она не поменяла свою жизнь в 26 лет, а продолжила терпеть, то моей мамы и меня попросту бы не было. Но бывают и такие установки, привычки, страхи, которые в современном мире неактуальны, неэффективны, могут препятствовать осуществлению каких-то целей, самореализации, и тогда человек вправе их поменять. Важно учитывать влияние рода, но самому выбирать, каким ты будешь.

Что было самым трудным в работе над романом? Были ли моменты, когда хотелось все бросить?

— Я начала писать роман сразу после смерти отца. Мое мысленное обещание ему, что я закончу и опубликую книгу, все время держало меня на плаву. Поэтому мыслей бросить не было. Основной текст я написала за два месяца. А потом полтора года его редактировала. Мне бесконечно хотелось исправлять и улучшать написанное. Иногда я читала некоторые главы и думала, как все плохо, мне хотелось их удалить навсегда. Помню, мастер CWS Елена Сергеевна Холмогорова сказала мне: «Важно вовремя остановиться. Еще немного, и вы начнете портить свой текст».

Самым сложным для меня было время, когда я отправляла рукопись в издательства и редакции и подолгу ждала ответа. Мне пришлось три отказа, некоторые так и не ответили. Я уже собралась издавать книгу небольшим тиражом за свой счет — мне хотелось именно бумажную версию. Начала обзванивать типографии, делать расчеты, работать с редактором и дизайнерами.

В январе этого года я случайно увидела пост о встрече писателей и издателей в Алматы. На встрече были представители издательства Zerde Publishing. Несмотря на то, что издательство Zerde новое, оно сотрудничает с известным издательством-партнером «Альпина PRO». Я написала в Zerde Publishing, предоставила свою рукопись и вскоре получила предложение об издании книги.

Как проходила ваша работа с редактором, с издательством? Были ли правки, и трудно ли, когда вам предлагают что-то изменить в тексте?

— Работа шла очень быстро. Представьте, только в конце марта дали добро на издание, а уже в апреле я участвовала в выставке Eurasian Book Fair-2023, где впервые увидела свою книгу и презентовала ее. Поэтому счет шел на дни, если не на часы. Честно говоря, я переживала о том, что после редактирования изменится смысл моего текста. Но серьезных замечаний и изменений не было, только стилистические поправки. С некоторыми из них я не согласилась и благодарна издательству, что к моему мнению прислушались, сохранили мой стиль.

Вы учились в нескольких мастерских CWS. Общаетесь с одноклассниками? Насколько, на ваш взгляд, писателю нужно сообщество?

— Да, я общаюсь со многими одноклассниками. Первым моим писательским курсом была мастерская «Память, говори!» с Екатериной Ляминой и Марией Карайчевой. С частью группы мы до сих пор постоянно общаемся, проводим онлайн-встречи, читаем другу другу свои новые тексты. Любой из нас может попросить совета, помощи, и обязательно получит поддержку. У нас собрались участницы из разных стран в возрасте от 40 до 80 лет, и нам интересно друг с другом.

С некоторыми участниками других курсов мы также обмениваемся текстами, контактами специалистов, соблазняем друг друга на новые курсы. Также с этого года я вступила в сообщество писателей Казахстана USW, мы активно встречаемся, проводим мероприятия. Есть у нас в Алматы и сообщество CWS, где можно встретиться и в одном пространстве поработать над текстами.

Ваш совет тем, кто только находится в начале писательского пути и работает над своей первой книгой.

— Я хорошо знаю, как это сложно: когда ты не уверен, нужны ли кому-то твои тексты, выйдет ли твоя книга или нет. Но ведь даже если ты не попадешь в издательство, сейчас много возможностей публиковать тексты в онлайн-формате. Например, я выкладывала свои первые главы в соцсетях, и именно там я получила первые отклики, которые меня вдохновили и помогли понять, что книга интересна не только моим близким. Очень важно найти поддерживающее окружение. Прислушиваться к тем, кто дает конструктивные советы, и не слушать тех, кто безапелляционно критикует и демотивирует. И верить в себя и свою идею.

Мег и полынь. Фрагмент

Глава 1. Одна

В конце лета 1914 года, когда степь выгорела и стала колкой, в ауле Кос-Иstek¹ в семье Ишинияза-агая и Акжанай-апай родилась дочь. Назвали её Акбалжан, что в переводе с казахского означает «душа светлая, как мёд».

Её братья и сёстры не доживали до сорока дней, когда младенцам состригают первые волосы и поливают водой из серебряной посуды. В семьях, где дети часто умирали, что только не придумывали, чтобы удержать их на этом свете, — отдавали на воспитание родственникам, нарекали русскими или странными именами, обрубали пуповину топором. Мать, нося ребёнка под сердцем, пообещала себе: если сможет его сохранить, будет молиться с утра до ночи.

Эта женщина бледнела, шепча защитные слова всякий раз, когда кто-то восхищался красотой её дочери. Вплетала в косы Акбалжан монеты, чтобы звоном отпугивать коварных джиннов и уберечь от дурного глаза. Умывала солёной водой и жгла сухой адыраспан². Давала вдыхать убаюкиваю-щий аромат священной травы. Растирала обгоревшие ветки в ладонях и пальцем дотрагивалась до лба и щёк дочери, оставляя едва заметные следы сажи.

Когда Акбалжан исполнилось семь, умер её отец, немолодой мужчина в белой чалме. Что с ним случилось, Акбалжан не знала. Мать плакала беззвучно, родственники молча склоняли головы и выходили. С потерей хозяина дом покинули не только громкие звуки и смех. Больше никто не угощал Акбалжан сладким куртом³, не улыбался, не просил спеть песню. Только мать по-прежнему гладила её по волосам и рассказывала на ночь сказки.

Акбалжан было шестнадцать, когда мать заболела. Она тряслась в ознобе, не переставая молиться, чтобы не угас их род. В один из холодных февральских вечеров матери стало легче. Она попросила Акбалжан причесать её, умыть. Прошептала слова благословения. Под утро застонала, схватила дочь за руку, протяжно выдохнула и предстала перед Всевышним.

Сидя у остывающего тела, Акбалжан прижимала к груди материнский платок. Пришла пожилая соседка. Помогла подняться, отвела подальше. Нагрела воду на печи и приступила к омовению.

В доме собирались люди. Акбалжан открывала рот, но не могла произнести ни слова из поминальной песни *жоқтау*. Всё вокруг колыхалось в белой дымке. Дымка окутывала и убаюкивала. Как обрывки снов, мелькали картинки. Вот уводят молодого соседа, и женщина рыдает вслед, опустившись на землю, её платок спадает с чёрных волос. Мать неслышно молится. Серый от пыли мальчишка обглаживает кости, лежащие на дороге. Мать обрывает листья полыни, заливает кипятком, и они с Акбалжан пьют горький настой.

Картинки царапали душу, но тут же прятались, стоило Акбалжан всмотреться в них. Сосало под ложечкой и хотелось подержать во рту кусочек хлеба, смакуя до сладости.

Почувствовав резкий запах гвоздики и услышав потрескивание — семена прокаливали на огне для прощального обряда, — Акбалжан будто очнулась. Увидела, как мать оборачивают в белый саван. Захотелось ещё раз взять её за тонкую руку, но тело уже укрыли под складками ткани.

После скорых похорон родня решила отдать красавицу-сироту замуж за сына Омирбая-агая из соседнего аула. С ним ей хотя бы не грозил голод.

Глава 2. Чужаки

Семья, в которую попала Акбалжан, жила в саманном домике на краю аула. Омирбай, сухой, высокий старик, двигался быстро для своего возраста. Когда он шёл навстречу, люди невольно сторонились, уступая дорогу. Жена Омирбая, Газиза, юркая и словоохотливая, наперёд догадывалась, когда подать что-то мужу или отойти. Их младшая дочь Айша была белокожей и шустрой — в мать. Сын Жангир — крупный, скуластый, неловкий в движениях и разговорах.

Семейная жизнь для него началась по воле родителей. Пусть сноха — сирота, зато шустрая, работающая, рассудили они. С такой не пропадёшь, может, отучит сына от дурных привычек.

Акбалжан ещё не отошла от голода, как забеременела. Первенец родился слабым, прожил неделю и умер. У неё и молоко не успело прийти. И глаза остались сухими. Только стала добавлять имя ребёнка в молитвы, когда поминала отца и мать.

Следующую беременность ждала долго. Старика не попрекали — кругом каждый день умирали от голода и болезней. Дочери-подростку Омирбай запретил выходить из дома одной. Круглощёкая Айша выделялась среди истощённых детей. Вон у родственников девочка пошла за водой и пропала.

Зато в семье соседа Сергазы достатка не скрывали. В годы, когда аул стонал и проклинал новую власть, в их сарае становилось всё теснее.

— Добрые мы люди, вот к нам добро и идёт, — приговаривал Сергазы, приглаживая бороду. — Скот плодится, три овцы по двойне принесли.

Омирбай глядывался ему в глаза. Сын Сергазы, Аман, стал коммунистом и каким-то начальником. Приезжал из райцентра с красноармейцами проверять баев. Смешно сказать — баев! От былого богатства после бесконечных погромов у людей ничего не осталось. Сергазы подсказывал Омирбаю, когда нагрянут с проверкой. Тот прятал скот и отплачивал соседу баранами.

В этот день Сергазы предупредил его поздно.

— Жангир! — закричал Омирбай сыну. — Отгони скот в овраг. Да быстрее! Одного барана оставь. Если совсем нечего будет взять, обозлятся, *бейшаралар*⁴.

Он забежал в дом, огляделся. Большая часть украшений жены и монеты давно закопаны в степи.

— Где девочки? — крикнул Газизе.

— Пошли собирать вишню на холме, — ахнула она и осеклась, зажав рот ладонью.

— Я же сказал, из дома не выходить! — Омирбай хлестнул плёткой по сапогу.

Он торопливо залез на крышу и увидел Акбалжан и Айшу, подбегающих к дому. Жангир успел скрыться в балке. С другой стороны пылили кони — приближались красные.

Прижавшись к крыше, Омирбай смотрел, как пришлые обходят дворы и сгоняют скот в середину аула. Блеяли бараны, кричали женщины, плакали дети.

Трое вооружённых мужчин в форме повернули к его дому. Омирбай слез с крыши и сел у порога, сжимая камчу. Выглянула жена, зашептала горячо:

— Я девочек золой намазала, скажи, что болеют. В соседнем ауле дочку муллы, красавицу, забрали. Спрячь камчу, не надо их злить!

Омирбай сверкнул глазами, Газиза скрылась. Он бросил камчу за юрту.

Первым шёл сын Сергазы, кудрявый Аман. За ним — двое русоволосых солдат. Аман едва заметно кивнул Омирбаю и указал солдатам на сарай. Сам повернул к дому. Хозяин преградил ему путь. Аман угрожающе глянул на него и положил ладонь на ружье.

— Дочки болеют. Не заходи, — хрипло проговорил Омирбай.

Аман отодвинул его и вошёл. Омирбай шагнул следом. Газиза начала всхлипывать.

— Что с ними? — Аман кивнул на закутанных в лохмотья девушек, лежащих на полу у печки.

— Язвы на коже. Плохая болезнь, заразная!

Аман приоткрыл ткань с лица Айши и встретился с отчаянным взглядом тёмных глаз.

— Не похоже, что больна, — усмехнулся он.

Газиза упала ему в ноги.

— Сынок, ты же сосед наш.

— Ладно, апай, встаньте, — поморщился он и вышел. Солдаты потащили барана к месту, где собирали скот.

Аман подождал, пока они отошли, и повернулся к Омирбаю. — Подрастёт ваша дочка — женюсь. Корову оставьте, а коня

завтра отцу отведёшь. Слишком опасно сейчас лошадей держать.

— Спасибо, сынок, — закивала Газиза, прикрывая собой Омирбая, в глазах которого полыхнул огонь.

Несколько лет назад Аман сватался к их старшей дочери. Тогда Омирбай был ещё в силе и отказал, выдав её за достойного человека.

Аул стих только к вечеру. Омирбай долго сидел на пне у дома. Жангир пригнал скот. Газиза несколько раз позвала есть. Омирбай, постукивая по колену рукояткой камчи, не отрываясь смотрел на свои стоптанные сапоги. Только когда дочь тронула его за плечо, вздрогнул, повернул голову, отвёл взгляд, сжал её руку и поднялся.

1. Кос-Истек (*каз.* Қос-Естек) — село в Актюбинской области Казахстана.[↑]
2. Адыраспан (гармала обыкновенная, степная рута) — травянистое растение, в высушенном виде используется у азиатских народов для окуливания помещений, изгнания злых духов.[↑]
3. Курт (*каз.* құрт) — сухой кисломолочный продукт в виде твёрдых комочков округлой или удлинённой формы, обычно кисло-солёный на вкус, изредка сладкий.[↑]
4. Нишеброды (*каз.*).[↑]

Писательский марафон «CWS-Вдохновение»

В январе 2023 года мы провели писательский марафон «CWS-Вдохновение», который провели на новогодних праздниках и составили их ежедневных упражнений на расслабление, развитие творческих навыков, прокачку писательских мышц и разгон внутренних суперсил. Представляем избранные тексты, написанные участниками марафона.

Варвара Любомирская. Не спать

Аркаша проворочался до полуночи; взгляд то и дело тянуло к часам — посмотреть, как цифры-палочки укорачивают его ночь.

Ночник нашелся не сразу, в одном из ящичков, в ворохе старой одежды. Аркаша и не помнил, когда доставал его в последний раз.

Стеклянная собачка осветила угол. Он посидел немного рядом, пока ноги не начали подмерзать. Пока немного не отступила та тяжесть, которая была теперь с ним всегда, которая вцепилась изнутри, не давая есть, дышать, разговаривать.

Потом он снова крутился под одеялом, думая о том, как не может уснуть, и зная при этом наверняка, что спит, и тусклый свет ночника был где-то рядом, под закрытыми веками...

Чужая холодная ладонь зажала рот. Аркаша взбрыкнул, вырванный из полусна, запутался в одеяле и не заорал только потому, что узнал Игната, который склонился над ним в полумраке.

— Не ори только, — прошептал Игнат. Дождавшись кивка, убрал руку, а потом скривился и вытер ладонь о футболку. — Фу, да ты прям мокрый весь... фу...

Он очень достоверно изобразил звуки тошноты.

Аркаша выдохнул, чувствуя, как успокаивается сердце. Когда Игнат перестал кривляться, он прислушался, но в доме было тихо. Мама не проснулась.

— Ты что здесь делаешь? Ты как в дом влез?

Игнат махнул на занавески, которые раздувало ночным ветром.

— Окно твое открыто. И дерево легче легкого.

Аркаша не нашел в себе сил возмутиться. Хотя ему очень хотелось лечь обратно, и чтобы Игнат свалил, и чтобы постель перестала казаться такой отвратительно мягкой. Ему хотелось нормально уснуть и проспаться всю ночь, но он знал, что не получится.

Игнат уже вовсю крутил головой и с явным интересом пытался рассмотреть в полумраке его спальню. Ночник подвернулся первым.

— Это Снупи, что ли?

— Ну, — сказал Аркаша, уже предвкушая в ответ что-нибудь в духе *ну-ты-и-слюнтяй*.

Но Игнат, к его удивлению, молчал, пялясь и почесывая обгоревший на солнце нос.

— Чего тебе надо? — отмер Аркаша и пнул его ногой под одеялом. — Слезь с моей кровати вообще.

Игнат вскочил, сунул руки в карманы джинсов.

— Короче, мы тут с Богданом придумали. Хотим повернуть одну штуку, лишние руки не помешают... — Он качнулся на пятках, всем своим видом показывая, что не больно-то и надо. — Погнали? За Богданом только заскочим.

— Прям ночью? — недоверчиво уточнил Аркаша. — И Богдан согласился?

Игнат показательно закатил глаза.

— Если ссышь, я тебя не тащу...

Аркаша спустил ноги с кровати, потянул одеяло на плечи. Боже, он и правда весь взмок. Пот остывал, и футболка неприятно липла к коже. Наверное, опять что-то снилось, но он абсолютно не помнил...

— У тебя пижама с динозаврами! — восторженно зашипел Игнат. — Чувак, ну это вообще...

Аркаша уставился, чувствуя, как теплеют щеки.

— ... с Бэтменом я бы еще понял, респект даже, но блин...

— Иди на хер, — очень по-взрослому огрызнулся Аркаша, и Игнат сдавленно заржал. — У тебя на той неделе пенал был с принцессами.

— Это моей сестры, а ей пять. У нее розовый период прошел, поменяться попросила. Семья это святое.

Аркаша опустил глаза.

В повисшей тишине было слышно, как Игнат хрустнул костяшками.

— Извини, — сказал он. — Правда. Я не имел в виду ничего.

Аркаша не ответил, потому что пропихнуть слова через сжавшееся горло показалось вдруг неподъемным усилием.

Игнат отошел к его комоду, потрогал старого тряпичного клоуна с расколотым лицом, взял в руки бумажную модельку самолета. Потом опустился на стул.

— Так ты пойдешь?

Аркаше захотелось кинуть в него чем-нибудь, но под рукой нашлась только подушка, которую глупо было валять по полу.

— Нет, — сказал он. — Нам в школу завтра. И я, в отличие от вас, авантюристов, собираюсь поспать.

Игнат улыбнулся. Аркаша увидел, потому что ночник тоже был там, рядом с Игнатом, и его лицо подсвечивало теперь с одного бока мягко и жутковато.

— Не будешь ты спать. Не сможешь. Завтра опять припрешься с синяками на полпрожи.

Аркаша рассердился.

— Не нравится моя рожа — не смотри.

Он уже собирался взаправду прогнать его, хоть бы и вытолкать через то же окно, но Игнат заговорил, покручивая в пальцах самолетик:

— Я тоже не мог. Когда мать умерла. Лизка плакала перед сном и вырубалась, а мы с отцом бродили по дому, как два дебила. Ни он не мог спать, ни я. Я все боялся, что он запыет. Но он проще сделал, стал по ночам работать. И я один бродил.

Аркаша от души понадеялся, что в комнате достаточно темно. Что Игнат, если и заметит, как он молча сидит и давит слезы, то ему хватит совести промолчать.

Но Игнат на него и не смотрел, все вертел самолетик, будто надеялся отыскать там что-то поинтереснее клочка бумажки. Когда он спросил, голос его звучал почти безразлично:

— Ты веришь, что твой отец в Раю?

Раньше Аркаша на него бы разозлился. Может быть, даже ударил. Раньше он не понимал, как можно дружить с таким, как Игнат. Тот был грубым и наглым, упрямым похуже самого Аркаши и вечно выдавал все, что взбрело в голову. Но потом как-то получилось, что если дружить с Богданом, то и с Игнатом придется мириться. Потом исчезло слово «придется». Со временем «мириться»

превратилось в «принимать». А пару месяцев назад Игнат долбанул об шкафчик Данилу Волкова, который донимал Аркашу после похорон. Аркаша не понимал, как смерть родителя может стать поводом для издевок. Игнат тоже не понял и не оценил.

— Верю, — смог выдавить Аркаша. Плакать расхотелось.

Игнат смотрел в стену, туда, где над комодом висел крестик. Задавленное горе и усталость делали его лицо почти болезненным. Аркаше пришла мысль — *неужели вот так он сам выглядит для всех вокруг?*

Игнат щелчком отправил самолетик на заваленный стол.

— Я иногда думаю. Стало бы мне легче, будь я как вы с Богданом? Верил бы во всю эту хрень. Может, когда мать умерла, мне было бы легче.

— Не называй это так, — привычно отрезал Аркаша. Помолчав, сказал: — Не знаю. Мне кажется, мне не легче.

Игнат не ответил, поскреб дырку в джинсах, крутанулся разок на стуле.

— Погнали, Аркадий. Только сопли вытри. Мы сегодня Аннушкиным садовым гномам чаепитие организуем. А то бабуля совсем от рук отбилась. Придумала, что Лизка с девчонками у нее яблоки ворует. Это ж мы вообще были. Лавры уплывают, не дело.

Михаил Мартьянов. Батя

Батя приехал вчера, семь часов тянул на автобусе до областного центра, потом еще

двое суток на поезде, лететь на самолете он категорически отказался. «Ну что, сынок, показывай хоромы!» — радостно пробасил он со входа. Оставив у двери походный рюкзак, составлявший все его имущество, он уверенно прошел в гостиную, как к себе домой. «Стало быть, богато живете, раз такая махина!» — указал рукой на плоский телевизор на стене. Выругался, чуть не поскользнувшись на плитке: «Ишь, какие каменные полы, еще и греют». Батя еще много чему удивлялся в подмосковной квартире сына и его жены, но освоился довольно быстро: он привык жить просто, а все нужное в квартире имелось.

Батю давно упрашивали перебраться поближе: ему уже почти семьдесят, до ближайшей поликлиники четыре часа, в продуктовом магазине дай бог наберется пятьдесят позиций. Мать его умерла пару лет назад: тоже старая была, больше девяноста лет. Но батя упирался до последнего, говорил, что здоровье у него крепкое, и родную землю он покинуть не может: здесь лежат его старики, здесь же развалины завода, где прошла его трудовая жизнь, и потом, в поселке батю еще помнят и уважают, все с ним здороваются, а в мегаполисе какое его положение?

Когда-то их улица, Заводская, была одной из самых населенных: выходила на главную проходную лесокombината и насчитывала пятьдесят домов. В начале двухтысячных лесокombинат обанкротился, люди стали уезжать, сыновья с матерью тоже уехали, а батя остался. В последнее время на Заводской жили только батя и сосед Иваныч со своей старухой. Две недели назад волки задрали соседскую собаку, и Иваныч засобирался к дочке, в областной центр, — она долго обрабатывала и добилась успеха. После очередного телефонного разговора батя тоже решил: «В самом деле, что ли, помирать здесь буду в одиночестве?»

Батя быстро разобрался: устроился в ближайший продуктовый, работал там грузчиком, и мерчендайзером, и курьером. Потом узнал о каких-то сайтах и стал брать заказы: одним отверстием в стенах просверлит, другим мебель поможет собрать, третьим

починит светильник. Пятьдесят лет стажа плотником и слесарем широкого профиля. Дома его не видели: он просыпался в шесть утра и только к двадцати двум часам возвращался: чем и где он питался во время дня — не распространялся, но выглядел всегда бодро. Сын часто приезжал с работы так же около двадцати двух, и ужинали они втроем.

— Знаете, владелец нашего магазина, Дима, вообще у него их два здесь, приезжает каждый день, все смотрит, считает, у него «Порш Панамера», 15 миллионов, а ему нравится погружаться, вот мужик нормальный, — удивлялся батя.

— Молодец, что сказать, — ответил сын.

— А сейчас не такие все пошли. Я на заказы хожу днем, а мне мужики открывают, дома сидят, за компьютером работают, как Ленка твоя. Программисты всякие, блокчейн там какой-то. Сидит, печатает, я заглянул: ни одного русского слова, вот, блин, пошли. Сам дыру просверлить не может, говорит, времени у него нет.

— Слушай, батя, ну что ему тратить время на это, он деньги зарабатывает! — Сын усмехнулся.

— И где он заработал? Дима себе дом построил, 120 миллионов! А мужик этот бородатый, ну двушка у него с ремонтом, так Дима, если надо, сам продукты на полки ставит.

— Василий Андреевич, вы сами говорите, что Дима ваш на все позиции родственников поставил и зарплату на десять дней задерживает! — эмоционально заметила жена сына.

— Ну это, знаешь, совсем другое! Это бизнес!

Сын заметил, как батя стал читать телеграм-каналы — они заменяли ему программу «Время», до тех пор бывшую источником новостей. Батя выбирал привычных авторов: «Соловьев Live», «Захар Прилепин», «БесогонТВ», «ТупичокГоблина». Когда обсуждал новости и мнения на работе с коллегами, у них была идиллия: нужно развивать промышленность и инфраструктуру, наводить порядок и сажать людей, выгнать всех иностранцев и заканчивать работать с ними, и все такое. У сына с его женой часто бывали их приятели, дизайнеры, артисты, звукооператоры. Однажды батя, как обычно, пришел с работы около двадцати двух часов: веселье было в самом разгаре.

— Василий Андреевич, вы проштрафились. Что будете: пиво, вино, виски, коктейли? — Жена сына позвала батю к столу.

— А что водочки не наливаете? Налейте сто грамм, пожалуйста. Мерси боку, Леночка.

Разговор шел про релокацию на Шри-Ланку, обсуждали плюсы-минусы и что информационная экономика дает возможности: дизайн нужен иностранным фирмам, монтаж, звук тоже хорошо продаются, конечно, стало меньше проектов с тех пор, как Россия закрылась от западного мира, и это, естественно, большая проблема.

— Странные вы ребята, я гляжу. Мой двоюродный племянник по контракту служит. Было у него три командировки в Сирию, и он говорит, что никогда свою страну ни на что не променял бы. А вы Россию и верховного только поносите. Два часа я слушал, как плохо вам в Москве живется! Съездили бы вы в Коми!

— Шел бы ты спать, батя! — попросил его сын.

В другой день Батя пришел заметно грустный. Ужинать отказался. Жене сына удалось его разговорить. «Я думал, Дима — мужик нормальный, сколько раз его в пример

ставил. Сегодня он уволил кассиршу, девочку двадцати лет, приехала из Узбекистана. Она забеременела. Дима сказал ей, что жизнь не сахар, и в декрете он кассиров не держит. Как же так?! Еще вчера с ним говорили, что у нас в России нет комплекса неполноценности, обиды на всех вокруг, которые освобождают человека от человеческой морали. И где его мораль? Выходит, просто бизнес!»

Потом Батя пропал. На звонки не отвечал, на работу не пришел, вещи забрал. Вышел на связь через три дня. Вернулся домой, на Заводскую. Говорил устало. «Я меж вами как трактор в среднем ряду на скоростном шоссе. Где мне, советскому гражданину, поспевать за вашей информационной экономикой. Не хочу больше, грызйтесь там в вашей Москве между собой: кто на Запад рвется, а кто Россию грабит, и надеюсь, Гражданская при мне не наступит. А я домой — мне много всего надо сделать: дом совсем развалился, свет по всей улице не работает, дорогу к дому снегом занесло. Нет, я не злюсь на вас, приезжайте летом!»

Анастасия Овсянникова. Буковки

Как и в любом госучреждении, в этом есть такой кабинет, который все остальные сотрудники обходят стороной. Никто не знает, как появилась эта традиция и чем конкретно занимается человек, сидящий внутри. Но он там, в невзрачном уголке, каждый день с понедельника по пятницу с девяти до шести с перерывом на обед кропотливо склоняется над бумагами. Широкий подоконник его кабинета заставлен цветами, о которых помнит лишь уборщица. За самым большим горшком покрывается пылью пожелтевший от времени дисковый телефон. Когда-то он разливался трелью на весь этаж, раздувая важностью чиновника, о котором теперь все забыли.

Его прикрытая редкими волосинками лысина никому бы не бросилась в глаза, даже если кто-нибудь надумал бы заглянуть в

кабинет. За годы работы в одном и том же месте он приобрел его цвет, став таким же потрескавшимся и потертым, как советский бежевый стол под стопками перевязанных бечевкой листов. Это Иван Иванович Ковалев. Он работает в четвертом отделении управления по делам литературы и издательств.

Когда-то ему на стол без остановки складывали рукописи, он остервенело набрасывался на них, то ворча, то посмеиваясь, и после размашисто ставил свой вердикт «разрешить» или «запретить» на титульном листе. Но время шло, таблички с названием учреждения на фасаде сменяли друг друга, руководители назначались и снимались, телефон на столе все чаще молчал, а стопки рукописей постепенно таяли. По старой памяти неповоротливого государственного механизма конторский служащий остался на своем месте, даже когда необходимость в нем отпала.

Два раза в месяц он спускается на первый этаж в такую же тусклую комнатку, как и у него, где ставит свою поникшую подпись в документе и получает пятьдесят три рубля и шестьдесят копеек. На обратном пути приоткрывает дверь с табличкой «Отдел поэзии», осторожно берет стопку бумаг на ближайшем к выходу столе и поспешно просачивается обратно в коридор. Вернувшись в свой кабинет, он сдвигает кустистые седые брови к переносице и садится отдышаться от утомительного хождения по темным коридорам на продавленный коричневый стул, поскрипывающий в такт его коленям.

Когда перед глазами перестают прыгать черные точки, Иван Иванович берет карандаш и снимает бечевку с одной из малочисленных стопок. Титульный лист он никогда не читает, ему неинтересны авторы. Собственно, как и их произведения. Он не понимает какофонии слов, прыгающих на него с белого листа. Ему никогда не удавалось понять, что скрывается за той или иной фразой, кроме того, что она прямо называет. Каждый день он начинает, бубня себе под нос: «Буковки, буковки!» Шипящие, извивающиеся, рычащие, фыркающие, фривольные. Они его распаляют

и заставляют склоняться все ниже к листу в попытке разрядить их, повычеркивать, укротить. Он властвует над буквами, но слова одерживают верх над ним. Как бы ни старался, понять смысл стихотворения он не может, поэтому на титульном листе сломлено мелко надписывает «разрешить».

После работы он медленно идет вдоль здания министерства до метро, пока не вливается в спускающийся в переход поток людей. По пути заходит в рыбный магазин и покупает бесцветного безвкусного минтая, чтоб сделать из него такой же ужин. Неторопливо добирается до своей скромной однокомнатной квартиры, слушает радио, ужинает. А после плотно задергивает шторы, включает настольную лампу, достает из ящика лакированного стола стопку чистой бумаги, и на стене в отблеске света начинает свой танец отплясывать остро заточенный карандаш, отбивающий на листе ритм букв, складывающихся в четверостишия.

Наталия Хухманиemi. Погболотник

В одном узкокронном лесу

вылез однажды гном,

напитался дождем,

надулся как гриб.

Маслянистый, слизкий,

совсем без волос,

и в морщинах нос.

А голос — будто кричал и охрип.

Ядовитый гном

посмотрел кругом,

фыркнул и показал язык.

Это был, похоже, сигнал —

в тот же миг

на поляне раздался гул

и тихонько еще скрип.

Из дернины пророс дом:

много комнат, колонны, машикули,

очень крепкий подвал.

А пока этот дом рос,

гном пошел на прогулку в лес.

Так у белки орех

исчез,

у берез не стало полос.

Был июль, но куницын мех

побелел.

Лесной голубь лишился гнезда,

а хвосты у гадюк и ужей

завязались в узлы.

И еще пересох ручей.

Гном противный вернулся в дом,

запер дверь и стал поживать:

купался в ручье,

ел орехи,

не знал тоски.

Из куничьего меха

связал носки,

из гнезда сделал кровать.

Перед тем, как в нее лечь

подлый гном растопил печь.

Тонкой струйкой поднялся дымок

и добрался до войлока туч.

А потом раздобрел,

напыжился,

стал тягуч,

повалил и повсюду проник.

Шел по лесу усталый лесник,

потерял свои сапоги.	Лука больше не ест пастилу.
Пекарь забыл, как печь пироги.	Иван не стучит в такт музыке
Почтальон вместо писем	пальцами по столу.
разносит непарные чьи-то носки.	Миха не строит
Школьный охранник танцует фокстрот на посту.	из подушек межгалактические автомобили.
Власти города	Лина не рисует в планшете
запретили жителям	восьмиглазых героев.
использовать светофоры	У Ильи отключилось игровое зрение:
и зеркала.	раньше все было ярким и пиксельным,
Чья-то мама вообще забыла, кого ждала.	по утрам открывалась новая миссия,
А старинный фонарь на мосту,	а теперь все совершенно простое.
что висит над водой,	Но однажды, как будто случайно,
обзавелся странной привычкой	городские колдуньи встретились в чайной
освещать путь только людям с седой бородой.	обсудить разный вздор
В городском колодце проснулся вулкан.	и, если придет вдохновение,
Гном доволен:	написать сказку о бродячей улице
дымок превратился в туман.	или об устрице
Даже дети как будто о чем-то забыли.	и приведении.

Но совсем о другом зашел разговор.

их пересказывал мне

Одна сказала:

перед сном.

— Знаешь, я не пойму,

А теперь они будто пешком ушли на юг.

чем он топит свою печь.

Вдруг этот дым — от историй, не превратившихся в звук?

Может, мечтами?

Этот дым тёмен и вязок, —

Вы давно ли мечтали?

добавляет еще одна, —

Вы давно ли хотели сложить из бумаги

Его можно даже потрогать,

зеленую птицу с вербой на крыльях,

он такой же на ощупь, как ночь

на бумажную спину лечь,

между еловых иголок.

улететь на ней в страну оригами?

От него путаются слова

Может, он кидает в огонь сюжеты

в текстах стихов и сказок,

фантастических детских книг? —

получается белиберда.

предположила вторая.

Что, если гном вовсе не топит камин?

Раньше они приходили ко мне отовсюду:

Что, если в доме дракон, и он выдыхает дым?

залетали в окно, когда я мыла посуду,

Впрочем, пусть это так.

прятались за манжеты,

Мы ведь можем помочь.

гремели в трубе,

У меня есть идея одной ворожбы.

рыжий ночник

Я начну, а вы продолжайте:

— Электричество бежит по проводу,
загорается фонарь без всякого повода,
светит всем, кто решился вспомнить,
как строил инопланетный велосипед
из диванных подушек,
летал на стрекозе в сказочном мире,
готовил самый вкусный омлет.
— Как бабу из старой юбки шила игрушки,
угощала детей сахарком.
Как щенок пил из миски кефир,
у него была вся мордочка в этом кефире.
Как ты однажды ночью читал тайком
и лампой прожег кровать.
— Как узнал про типы небесных тел,
бежал изо всех сил за автобусом и успел,
выиграл девять бойцов за день,

а еще дракона из листьев нашел.
— Как смотрел на другой берег
и боялся ступить на тень,
а потом пошел,
как становится чуть светлей в конце
декабря.
Ну а гном?
Растворись, гном, в отсвете фонаря!
Тут слышался тихий писк,
а его заглушил всплеск.
Каждый понял: туман исчез,
и в лесу испарился дом,
вместе с ним растворился гном.
Ни следа не осталось от них,
только вырос маленький гриб
подболотник.

Письмо любимому писателю

Creative Writing School

В сентябре 2023 года мы провели конкурс «Письмо любимому писателю» и предложили всем желающим написать послания авторам, которые особенно повлияли на их жизнь, будь то классики или современники. Представляем лучшие образцы эпистолярного жанра, присланные на конкурс, начиная с письма победителя.

Светлана Кургрякова. Письмо Антону Чехову

Я вас просто ненавижу. Ведь никогда, слышите, никогда не смогу так же. Каждую осень перечитываю ваши произведения. Зиму. Весну. Лето. Могу пересказать любимые моменты. Симпровизировать и обыграть. А вот написать так не могу. Мечтаю о вашем наставничестве, менторстве. Ну хотя бы вебинаре на 1,5 часа. Только вот разделяют нас с вами нет, не километры... Века. Может быть, всё дело в том, что сейчас у воздуха другой состав? Вы, наверное, сейчас засмеялись бы и спросили: а разве он меняется? Не знаю. Я ведь филолог и изменения могу увидеть разве что в размерах стихотворений. А тут воздух. Но хочется мне верить, что именно это мешает мне творить так же, как и вы. Паузы. Юмор. Расставленные в пьесах акценты. Ну как? Как вы смогли этого добиться? Читаю и плачу. Наслаждаюсь и верю. Знаете, Антон Павлович, вы бы хотя бы во сне мне подсказали, как можно ТАК творить.

Однажды села изучать ваш рассказ. Всё же специальность позволяет. Разобрала на слоги, буквы, звуки. Думала, что разгадала вашу

тайну. Нашла рецепт эликсира бессмертия. В данном случае литературного. Решила написать что-нибудь по выведенной формуле. Перечитала наутро — так ведь это ваш «Хамелеон». Хотела в печи сжечь. Но нет, не тот формат.

Что я теперь буду делать?

1. Попыток своих не брошу.
2. Всё ещё раз перечитаю.
3. Продолжу искать ваш секрет.
4. Попрошу вас явиться, хотя бы во сне.

Томить долго не буду. Про краткость помню. Надеюсь, с её сестрой всё же породниться.

Погода сегодня не очень. В провинции ничего не меняется.

Восхищаюсь.

Света

Наталья Гужвина. Письмо Владимиру

Набокову

«Я в аду, я в бреду...»

Владимиру Владимировичу Набокову

Когда-то, Владимир Владимирович, я тоже была Лолитой в голубом платье и белых с рюшем носках. Читала Дрюона, не спала по ночам, и даже Гумберт — представляете? — у меня тоже был. Нет, писали Вы вовсе не о любви, но об отчаянии и обречённости, о нежности и фатальности, об ужасающем, которое трудно принять. И раз за разом, чтобы познать неизбежность, я возвращалась к «Лолите», истории только моей любви.

Когда-то, Владимир Владимирович, я тоже была Машенькой — отзвуком прошлого, эхом и ностальгией, забытой тихой гаванью, к которой не причалит больше ни настоящее, ни будущее. От которой бежать, бежать, не оглядываясь, как бежал Ганин, на северо-запад.

Когда-то, Владимир Владимирович, я тоже была Цинциннатом. Была непрозрачной в прозрачном мире и видела во сне те далёкие Тамарины сады, словно бы ощущая на языке горечь этого странного «Там». Там-там-там... Там будет покой. Там-там-там... Там будет жизнь. Там, но не здесь. И я брала себя в руки, чтобы вот так же отнести в укромное место, подальше от всех ненавистных «Тут».

Когда-то, Владимир Владимирович, я тоже была В. Была одержима идеей, желанием, целью. Протяни руку — так близко, но вновь не достать. И пока менялись попутчики, менялась и я, и В. становился Себастьяном, и подлинная моя жизнь становилась фарсом.

Когда-то, Владимир Владимирович, я пряталась в ваших текстах, как Алиса — в Стране чудес. И теперь, возвращаясь к ним, быть может, пытаюсь о чем-то вспомнить.

Но смерть, конечно же, неизбежна.

Ваша.

Моя.

Когда-то, Владимир Владимирович, я тоже была каждым из ваших героев.

Когда-то, Владимир Владимирович, я тоже была.

Иван Ермаков. Письмо Чаку Палануку

Привет, Чак!

Надеюсь, ты не засунул в задницу своего очередного персонажа снова какую-нибудь гадость?

Первое правило Клуба Писем Любимому Писателю — никому не отправлять эти письма. Даже тебе, Чак! Да, я знаю, звучит абсурдно, но что поделаешь — в наш век широких возможностей необходимо предохраняться.

Благодаря тебе я понял, что мир вокруг каждого из нас — это большой презерватив. И только если прорвать его, наружу может хлынуть что-то живое и настоящее. Только если прорвать его, может образоваться жизнь. Такая же скользкая и липкая, как твои произведения. Но, наверное, такой она на самом деле и должна быть.

И пусть в наш век широких возможностей за пределами латексного кокона раскинулся огромный шведский стол, не обязательно запихивать в себя всё подряд, как это делала Касси Райт на съемках своего последнего порнофильма. Ведь чем больше всего вокруг,

тем меньше удастся распробовать это всё по-настоящему, уделяя внимание каждой детали. А ведь детали, сам знаешь, важны.

Наш клуб, Чак — это вагон метро. Нас много, и мы постоянно куда-то спешим, даже стоя или сидя на месте. И здесь у нас каждый мечтает написать что-то, что будет разлетаться по свету, как те открытки, что ты разбрасывал вместе с Шеннон с башни Спейс Нидл в Сиэтле. Здесь у нас каждый где-то внутри себя мечтает написать шедевр, а снаружи, держась за поручень одной рукой, скинув рюкзак со спины на плечо, чтобы никому не мешал, другой пишет кажущееся в этот момент значимым письмо. Но ведь письма — это лучше, чем ничего, согласись!

Ладно, знаю, занудство. Нужно было просто написать, что мастурбировать иногда тоже полезно. Ну а как иначе?

Помнишь, ты писал, как каждый может открывать свой мир заново, называя новые вещи своими именами? Своими — значит такими, какими захочешь сам. Помнишь, Виктор Манчини, до того, как стал сексоголиком, в детстве развлекался именно так, и у него неплохо получалось?

А вдруг открывать для себя мир — это как раз и есть искать компромисс между временем и возможностями? И те, у кого это получается, дают своим шедеврам уникальные имена, а те, у кого не очень, пока просто пишут письма тем, у кого получилось.

Ты, наверное, сейчас подумал, что это про тебя и меня, но знаешь, вообще-то мне совсем не хотелось бы, чтобы ты это письмо получил. Но если вдруг всё-таки получил, знай, что его на самом деле написал Тайлер Дерден, пока я читал твой новый роман. А может быть, даже писал свой.

Впрочем, это совсем неважно, ведь мы созданы для того, чтобы нарушать правила и уж тем более правила каких-то воображаемых

клубов. Иначе зачем вообще эти клубы нужны?

Ладно, Чак, скоро моя остановка, и, похоже, тут образовалась нехилая очередь из желающих вернуться в мир, где возможности настолько широки, что слишком трудно найти для них так бесконечно нужное время.

И знаешь, Чак, неважно, дойдут до тебя эти строки или нет. Главное, что я всё-таки слегка прорвал свой презерватив и попробовал выдавить из себя чуточку настоящего.

Главное, и ты не забывай писать!

Кристина Игазарян. Письмо Станиславу Снытко

Как из всех прочитанных книг выбрать что-то одно?

Когда у меня бессонница, я включаю аудиокнигу по «Гарри Поттеру». Любую часть в озвучке Александра Клюквина. Я позднее всех начала читать ГП, лет в 13. Мамин тогдашний парень в начале декабря подарил мне первую часть. А на Новый год — все остальные.

1 января мы отмечали в небольшом загородном отеле. После ужина я вернулась в номер, переоделась в пижаму, и до начала нового эпизода «Шерлока» (который традиционно показывали в час или два ночи) я начала читать «Тайную комнату». Эти книги стали безопасным местом, в которое я сбегала от всех проблем. Но к писательству меня привели не они.

Я вела дневники и мечтала, что изобрету новый жанр, акцентирующий на чувствах.

Я впервые пришла в «Фаланстер» и нашла книгу в серой мягкой обложке. Тонкую, грустную и одинокую. Это были «Финские ночи» Станислава Снытко.

Меня привлекло название и обложка. Я была в Финляндии давно, ещё ребенком, и очень скучала. До «Финских ночей» я не знала об автофикшне.

Если бы я могла говорить открыто, я бы написала С. Снытко:

Я не знала, что ищу. Но в «Финских ночах» нашла все, что так долго искала. Сон наяву.

Я плохо помню сюжет. Когда переезжала, оставила все книги в деревенском доме. Сейчас я могу говорить только про чувства.

Как возможно, чтобы мужской персонаж был так близок? Кажется, это была первая проза, написанная мужчиной и не вызывающая во мне отторжения. Может, прозвучит по-сексистки, но я не верила, что мужчина может почувствовать то же, что и я, пока не прочитала эту книгу.

С «Финскими ночами» и главным героем я разделила потерянную и тоску, как ее разделяют с близким человеком. Эта книга пропитана холодом, но всё, что я о ней помню — это тепло.

Евгений Каравайцев. Письмо Сергею Довлатову

Здравствуйте, Сергей Донатович!

Пишу Вам из славного города Свердловска... Наверное, с таких фраз начинались письма, адресованные Вам, когда

Вы еще имели физическое воплощение. Сейчас культура письма практически утеряна, «упразднена за ненадобностью».

Не знаю, насколько хорошо Вы информированы о происходящем в мире, надеюсь, что на том свете есть вещи поинтереснее. Расскажу Вам, дорогой Сергей Донатович, несколько ироничных случаев, связанных с Вашим именем и произошедших уже после того, как Вы нас покинули.

«Гласность» и «перестройка» Горбачева победила красных. Союз пал. Вас стали печатать — сначала мелкие издательства, потом острый взгляд капитализма рассмотрел в Вашем имени, спешу заметить, имени, золотую жилу и поставил произведения на поток. Про Вас пишут диссертации и курсовые, некоторые книги вошли в рекомендованный список произведений для школьников. Смешно получилось, что сначала запрещали, делали вид, что не существует, а теперь Ваши труды носят гордый ярлык «Министерство образования и науки России рекомендует». Но не спешите радоваться и думать, что все образумилось. Цензура существует и сейчас. За оттепелью пришли заморозки.

Ну, не будем о грустном. За последние тридцать лет Ваше имя обросло мифами, многие из которых приобрели научные обоснования. Не знаю, что из этого появилось раньше, мифы или обоснования, расскажу Вам немного, посмеетесь.

«Довлатов собственным стилем не обладает... явление не характерное... с западной стилистической техникой». Такой фигурой Вас выставляют критики, литературные обозреватели, Ваши соратники. Однако у масс другое мнение. Сын еврея и армянки, заклеянный эстонским националистом, Вы по-настоящему русский писатель. Молодые люди с возбуждением и юношеским рвением читают Ваши произведения, Ваш язык считают близким и понятным. Так что можете быть спокойны за свое наследие: оно еще долго будет находить отклик в сердцах читателей.

Кстати, немного потешу Ваше самолюбие: про Вас даже сняли фильм, ну как про Вас — про несколько дней Вашей жизни в Ленинграде. Но кинолента носит гордое название «Довлатов». Был на премьере, удивительно, но по окончании сеанса зрители аплодировали стоя, сейчас такое и в театрах не всегда случается. На самом деле я Вам пишу вот с какой целью. Мне бы хотелось попросить у Вас прощения. Просто и по-человечески. Прощения от лица страны, от лица неблагодарных читателей и прочих. Прости им, ибо они не ведают, что творят. Как писатель, да и как человек, Вы заслуживали куда больше при жизни. То, как беспощадно перемальвала Ваш талант советская система, искореняя одного из самых «русских» авторов, когда-либо существовавших, приводит в ужас. Надеюсь, мое письмо не расстроило Вас. В конце концов, с Вами не случилось худшего: Вы не стали частью программной литературы для школьников. В строчки Ваших произведений не тыкает пальцем грузный учитель с криками: «Что хотел сказать автор?!» А сейчас я прощаюсь с Вами до лучших времен, с благодарностью, Ваш Читатель.

Мария Логинова. Современному писателю

Уважаемый писатель современности!

Пишу Вам я, Ваш читатель из прошлого. Обстоятельства сложились таким образом, уважаемый писатель, что все человеческое развитие во мне и моих современниках одним днём было перечеркнуто, отброшено назад на долгие годы или, кто знает, даже на десятилетия. Хотя не одним днем вовсе, но что уж теперь. Кто-то говорит, что мы снова в лихих и голодных, а кто-то — что впору нам взять палку в руки и научиться ей, наконец, пользоваться во имя доброго и созидательного, а не во имя смерти. Как бы то ни было, дорогой писатель, современностью реальность нашу никак не назовешь. Язык уж не поворачивается.

Понимаю, Вы, благородный писатель, еще даже не начинали свой роман (или поэзией Вы решитесь достучаться до столь закостенелых сердец?), может, Вы даже еще и не открыли в себе решительности к писательству.

Но я заявляю, господин современный писатель, что без слов жизнь современников Ваших никак, решительно никак невозможна. Не считайте меня пророком или, не дай бог, коллегой многоуважаемого мною Марти Макфлая, просто реальность оказалась до ужаса банальной — хоть кому-то должны быть по силам слова. Нам, предшественникам Вашим, как никому пришлось прочувствовать на себе молчание. Поэтому начинайте уж поскорее, пожалуйста, ради тех, кому голос Ваш станет лекарством для израненного сердца (или же едким ядом, тут уж как карта ляжет).

И, если быть совсем откровенными, не сочтите уж за наглость, есть в этом письме и мой корыстный интерес. Не могли бы Вы, дорогой писатель, в будущем замолвить словечко и за нас, людей прошлого? Как-нибудь спрячьте, пожалуйста, среди букв Ваших мысль, что были среди нас и те, кому слова тоже жгли горло, да только смелости закричать не находилось. И совсем уж нечестно будет забывать, дорогой писатель, что совсем безумцы среди нас тоже бывали, те, кому удавалось вдохнуть полной грудью. Правда, всего единожды.

Слов не находится передать, дорогой писатель, в какую мышеловку мы сами себя загнали, и черт его знает, как теперь выкарабкиваться (говорят, только он, рогатый, нам теперь товарищ). И смелости нет рассказать, как заходится в немом крике сердце, пристыженное совестью, когда видишь на мемориальной табличке знакомые глаза. Лицо погодки, который смолчал и не выбрал сторону. Или выбрал, да только себе на погибель. Одни нам твердят, уважаемый писатель современности, что верили мы не в то и не тем, а те самые «не те» утверждают, что мы виноваты, потому что верили недостаточно. А как понять, уважаемый писатель, достаточно — это сколько? Сколько

может вместить измученная вера, если больно всем одинаково?

В общем, ради нас всех донесите как-нибудь, дорогой писатель, что в мире этом важнее всего любовь, а если не будет ее, то и современность никак невозможна. Только берегите себя, пожалуйста, не дай бог кто из «осторожных» разберет...

Искренне Ваш,

Несмелый человек.

Полина Негелько. Письмо Евгению Шварцу

Здравствуйте, Евгений Львович!

Знаете, мало какие тексты задевают меня за живое. Конечно, я понервничаю на особо напряжённых моментах, всплакну немного на грустном финале — хорошо прописанном, — порадуюсь, если для героев всё хорошо кончилось. А потом отложу книгу, за пару дней переварю и благополучно забуду.

С вами же всё по-другому.

Вернее, первое ваше произведение я восприняла довольно холодно. Но что взять с маленькой несмышленной девочки, которая бы лучше почитала сказки о принцах и принцессах, а не всяких потерянных «временях»? Тут только понять и простить. И порадоваться, что у неё вообще интерес к чтению есть.

Второй раз я на вас наткнулась совершенно случайно. Дело было на теории литературы: нужно было проанализировать какую-нибудь художественную реальность. Произведения разрешили брать любые. От

школьной программы меня тогда, если честно, подташнивало, ничего объёмного брать не хотелось — лень-матушка не щадит даже филологов, понять и простить, опять же, — поэтому я решила поискать какой-нибудь новый, ещё не читанный мной рассказ. Уж не помню, что это был за сайт (долго объяснять, что такое сайт, надеюсь на ваше воображение) и что за подборка, но там среди прочего была упомянута ваша пьеса. «Дракон». Герои и сюжет показались мне необычным для советского времени, так что я из банального любопытства решила на пьесу это взглянуть.

Вот бывают такие книги, которые приходят именно тогда, когда нужно. Но при этом так неожиданно, так застигая врасплох! Меня глубоко поразила пронизывавшая ваш слог смесь остроумия, задора и простейшей, искренней веры в лучшее. И продолжает поражать до сих пор, будь то «Первоклассница», «Обыкновенное чудо» или тот самый «Дракон», о котором я временами вспоминаю и который иногда перечитываю, чтобы насладиться гениальностью реплик.

Недовольна я лишь одним: больше вы не пишете. Звучит эгоистично? Так оно и есть. Читатели — самые большие эгоисты. Найдя жертву в лице понравившегося писателя, они не готовы уступить даже Смерти.

Ведь когда писатель умирает, вместе с ним умирают и его нерождённые дети — все те идеи, мысли и образы, что не успели появиться на бумаге. Поэтому, Евгений Львович, я тоскую не только по вам, уж простите за читательский эгоизм. Я тоскую по тому, чего никогда не было и быть уже не может, но что несомненно не помешало бы этому миру.

Я это всё к чему... К тому, что задеть за живое — это ведь не про слёзы, страдания и аристотелевский катарсис, как мне почему-то казалось. Задеть за живое — это найти точки соприкосновения. Те точки, при нажатии на которые маленький молоточек ударяет по запутанной струне мысли, и та выпрямляется. С ней выпрямляется шея, и читатель, до этого хоть смеявшийся, хоть плакавший, хоть

никаких эмоций не проявлявший, останавливается и думает что-то вроде: «И правда».

И правда, Евгений Львович. У вас задевать за живое получается очень хорошо. За что большое спасибо. Как и за то, что помогли мне заново влюбиться в книги.

Навсегда ваша преданная читательница,

Полина.

Мария Орлова. Письмо Эдуарду Лимонову

Приветствую вас из 2023 года, Эдуард Вениаминович. Хотела написать Салли Руни, но тренды трендами, а сердцу не прикажешь. Правда, говорить о том, что всем сердцем любишь Лимонова, сейчас диковато. По крайней мере, если ты не исповедуешь радикальные взгляды старика. Я чётко поняла это, когда в тбилисском книжном для русских эмигрантов спросила ваши книжки. Схожее чувство испытала, когда за сущие копейки покупала «Подростка Савенко» и «Укрощение тигра в Париже» у питерской активистки — как же она хотела от вас избавиться! Да, прогрессивная молодёжь не хочет смотреть на мир так, как смотрели вы. И слава богу.

Я люблю вас не за взгляды. В левом уголке моего сердца — бессрочная бронь на вашу прозу. Согласитесь, удачное место: вас всегда тянуло влево и частенько — под блузку девушкам. Простите за пошлость, обычно я не веду себя так. Может, мне хочется быть похожей на тот тип женщин, что всю жизнь сводили вас с ума? До чего же глупо. Позвольте я начну заново.

Эдуард Вениаминович, я впервые полюбила в 28 лет. И с тех пор любовь ассоциируется у меня с моим мужчиной. До

встречи же с ним олицетворением слова любовь для меня был Эдичка. То, как вы описали это чувство в своём первом романе, для меня, простой девчонки из Омска, превосходит творения классиков. Не зная любви, я вам поверила. И непременно захотела узнать вас поближе.

Дальнейшее знакомство только углубило мою симпатию и подарило десятки упоительных часов. Читая вас, я не только наслаждалась. Частенько злилась, морщилась, в сердцах бросала книгу под кровать и уходила наматывать круги вокруг дома — все средства хороши, когда хочешь абстрагироваться от цинизма, с которым вы описывали насилие и жестокость. Когда остывала, без каких-либо усилий продолжала читать. А как ещё с вашей прозой?

«Зачем же ты, Машка, пишешь это письмо, если знаешь, что я его не получу?» — с прищуром спросите вы. Да затем же, зачем и вы писали свои стихи, будучи подростком. Чтобы выиграть в конкурсе. Только вот субтильному Эди бэйби нужно было немного наличных, чтобы покорить салтовскую зазнобу Светку. Мне же хочется сэкономить на обучении писательскому мастерству. Представляю, с каким лицом вы отреагировали бы на весть про литературные курсы. Впрочем, от старого панка другого ждать и не приходится. А я, пожалуй, поучусь.

С любовью и уважением,

Маша

Елена Ростовская. Письмо Шолом Алейхему

Мир Вам, мой дорогой Друг и Учитель, реб Шолом Алейхем!

Я совершенно и постоянно занята так, шо нет у меня времени ни на что, кроме работы. Вот, выкроила пару минут, шоб написать Вам. Сами понимаете, шо расписывать долго у меня таки времени нет, ведь я совершенно и постоянно занята так, шо нет времени ни на что, кроме работы. Поэтому спрощу Вас коротко и быстро: «Шо вы собираетесь кушать на этот Новый год?» Оно ж ясно, шо из Вашего ответа я сразу все пойму: и как Ваше здоровье — по тому, какую пищу Вы будете кушать в этот праздник, и как у Вас обстоят дела с работой — если продукты подороже, то и доходы Ваши (с Божьей помощью) растут, а значит, все хорошо.

Недавно довелось мне почитать ваши «Пестрые рассказы». Действительно... пестро. Шо я Вам за это могу сказать? И сегодня мало шо у нас изменилось. Та пестрота так пестрит, шо аж в глазах от нее искрит. Вот у Вас там как было: люди хоть и жили в грязи и нищете, но душой оставались чистыми. А сейчас-то грязь с наших местечковых улиц ушла, ушла... Но не исчезла, а осела в душах людей. То взбаламутится вся там, то осядет. И когда эта грязь в душе взбаламучена, так и творят люди поступки грязные, не людские вовсе, готовы жрать друг друга. А как осядет — так глядишь и человека в них видишь. И шо же, дорогой реб Шолом, надо сделать, шоб вычистить, отмыть души людские от той грязи? Какие засовы поставить, шоб человек отдельно и грязь отдельно?

А еще ответьте мне, дорогой реб Шолом, в чем таки правда? Вы видели все. Царизм, капитализм, империализм, демократия. Погромы, тотальное уничтожение, создание еврейского государства. А вот поедет еврей из России в Израиль, и станет он там для всех русским. И замучает его там ностальгия по России. Так в чем же правда? И делать шо?

Ну да ладно, раз уж пишу Вам, так надо ж и за себя рассказать. А шо тут расскажешь? Я таки совершенно и постоянно занята так, шо нету меня времени ни на что, кроме работы. На том прощаюсь с Вами, мой дорогой Друг и Учитель. И не сочтите за труд передать привет всем моим родным и близким, а также

знакомым и незнакомым, тем, чьи души, как и Ваша, пусть будут завязаны в узле жизни.

Мария Рыкова. Письмо Рэю Брэджерри

Добрый день, Рэй!

Меня зовут Маша, я из России, и это мое письмо благодарности.

Ты позволишь мне фамильярность — обращаться на «ты»? Мы не так долго прожили в мире вместе, но ты создал для меня целый мир. Знаешь, я долго формулировала это письмо на английском, с учетом совсем других обращений, форм, и грамматики, и методологии игр со словами, а потом поняла — ты меня и на русском поймешь.

Мне бы хотелось писать тебе — молодому и яркому — за то, как много раз, не однажды, ты меня научал дышать. И тебе — такому мудрому, которому я пишу благодарность за «Дзен в искусстве написания книг» — самую тайную и неизвестную в наших краях твою книгу. А еще за спокойствие, которое слышится и звенит.

Не знаю, как так вышло, что моей школе — в библиотеке — мне выдали «Марсианские хроники», но я не помню сейчас ни одной истории из этой книги, зато у меня до сих пор по шее скачут мурашки, когда я вспоминаю рассказ «И были они смуглые и золотоглазые». Ты знаешь, я немного опасаясь снова его читать — боюсь упустить то самое детское, яркое, четкое понимание, что по кругу в жизни идет и повторяется все.

Я знаю, что читала ночами в ванной «451 градус по Фаренгейту», пока родители не выгоняли двенадцатилетнюю девчонку-меня

спать, не помню ни слова из этой книги того прочтения, но знаю, почему я снова и снова к ней возвращалась.

Потому что в шестнадцать мне в руки попало «Вино». «Вино из одуванчиков», то самое, терпкое, хлесткое, такое непривычно-уютное и так внезапно родное, такой удивительный общественный Иллинойс. Мы читали его с любовью всей моей жизни — таким же вихрастым, солнечным и серьезным юным мальчишкой, который кричал мне твоими словами «старые билеты — обман», а я тогда крепко-крепко за эти билеты держалась. Очень люблю эту девчонку, которую мне в этом подарил ты — она тогда и не знала даже, как много накопит билетов, но именно тогда научилась видеть сегодня. А еще она училась готовить, вспоминая бабушку Дугласа и до сих пор мечтает однажды поставить бочку для дождевого сбора и прятать в сарай вино.

А потом я выросла и будто бы все самое главное позабыла — а этим летом снова нашла. «Дзен в искусстве написания книг» ждал меня на стеллаже в офисе друга. И как было именно в тот день его не украсть! И знаешь, что самое для меня в этой книге отчаянно-важное? 1000 слов в день и твоя иллюстрация про душевный покой.

Ты знаешь, именно за этой книгой я поняла, что я тоже из этих. Из тех, кто сходит с ума без этой тысячи слов, кого разрывает реальность, призванных самим реальность собой разрывать. И вот сегодня эта тысяча пишется для тебя. Доза мышьяка, поднятая за твое имя.

У меня кончилось право добавлять буквы в текст: говорят, 3000 символов — это все, что сейчас доходит. Я не успела столько тебе рассказать, но это значит, так надо здесь и сейчас. Ты хорошо меня (и таких, как я) научил — теперь все мы знаем, что делать. А куда это приведет, знать уж не нам. Спасибо!

С благодарностью и почтением, Маша, Москва и немножечко все еще Иллинойс.

Наталья Чечулина. Письмо Алексею Иванову

Для чего пишут письма? В наши дни — как правило, имейлы. Что-то попросить? Рассказать о себе? Моя цель чуть менее популярная, но банальная — поблагодарить.

Поблагодарить за удовольствие читать и слушать, за лёгкость читать и слушать. Лёгкость, которая даётся огромным трудом. Сужу по себе.

Мы часто судим людей по себе. Это настолько привычно и естественно, что об обратном надо напоминать специально. «Ты не репрезентативен», — пишут на футболках новичков-исследователей и продуктологов в «Яндекс», напоминают. Моя футболка много лет назад перешла сначала в спальный комплект, а потом была назначена в половые тряпки. Теперь я снова сужу по себе. Мне больно не получать отклика, поддержки своей работы, мне это кажется неправильным. Поэтому я и думаю: а может, и Вам нужно.

1997 год. Ещё не написан «Ёбург», а я в этом городе живу. Только-только закончила школу, родила дочь — «загубила себе жизнь». Беллу Немыкину убили на соседней улице, её дочери шесть месяцев — моей шесть недель. Жизнь, о которой было стыдно рассказывать — обыденная, беспросветная. Жизнь, о которой оказалось интересно читать спустя семнадцать лет. Странно, но приятно. Перечитывала. Дарила друзьями. Смотрите, через что мы прошли! И я тоже выжила. Читайте: наше время — история!

2023 год. Я впервые во Владивостоке. Душно, и вся приморская влага у меня в волосах, на футболке, течёт по ногам. До гостиницы час тридцать пешком или двадцать минут на общественном. Конечно, пойду пешком — кто-то написал донос на капитана Нерехтина, и я не могу, не хочу отпустить

книгу «Бронепароходы». Мне самой надо писать, но не получается остановиться слушать. Где Пермь, Сарапул, Уфа, Самара, и где Владивосток? А для меня теперь связаны. И как когда-то в «Война и мир», я больше хочу про мир, но уже не пропускаю про войну, я уже ничего не пропускаю.

Университетская набережная на острове Русский в августе — студенческий и семейный пляж. Жарко, плюс двадцать шесть. Можно искупаться, но жалко терять время — Ивану Диодорычу, Алёшке, Хамзату Мамедову, Кате, Стешке тоже жарко — корабль горит, а команда заперта в кубрике. И я хожу босиком по воде вдоль компаний студентов, песочной крепости, мужчин с удочками, люблюсь морем, университетом и набережной. Той самой, на острове Русский, где выжила команда «Лёвшина».

Я записываю некоторые фразы и предложения себе в заметки. Работает точно психотерапия, хотя та лишь сбрасывает до базовых настроек, а эта ещё и наполняет, раскрывает глаза, делает их несоразмерно большими, как у нарисованных моей младшей дочерью людей:

«Катя не рыдала – она глухо молчала»,

«Пространство вокруг раздвигалось, словно весь мир делал огромный вдох»,

«Птицы возвращались, значит, было зачем».

Для чего мы пишем письма? Для чего я пишу это письмо?

Конечно, я пишу и для себя тоже. Чувство благодарности — одно из немногих, которое нелепо держать в себе, им важно поделиться. И тогда приходит ощущение, что всё сделано правильно.

Мария Шушпанова. Оксане Васякиной

Это был апрель двадцать первого. Мое тело тяжело от таблеток, и я еще не знала, что эта тяжесть останется во мне навсегда. Я почти все время спала. Ходила по общежитию в нарукавниках. Отстирывала кровь с наволочек и футболок. Разочарованная в своих знаниях и своем письме, я видела в себе перехваленного ребенка, запертого в горящей колеснице.

К. С. подарил мне на годовщину разные книжки. Нож не слушался моей руки, когда я снимала с обложек пленку: я побаивалась всего, что нельзя купить в «Читай-городе», мне казалось, что такая литература не примет в свой английский клуб кого-то вроде меня. Но я должна их прочесть, чтобы хоть немного стать похожей на ту, какой ты хочешь меня видеть. Так я думала.

В то время мы с К. С. встречались только по выходным, раз в две недели. Я приезжала к нему в пятницу или субботу вечером; весь следующий день мы читали — каждый свое. Так я открыла «Рану».

Лучшая книга — это та, что говорит словами, которые ты не смог подобрать сам. По-моему, это цитата Моэма — разумеется, очень неточная.

Я вскакиваю с кровати и вскрикиваю: «Это мое! Мое!». От моего прыжка страницы кружатся, белеют, как само солнце, и буквы становятся четче.

В дни, когда со мной перестали разговаривать соседки, когда я забыла, как говорить по-французски и по-русски, когда я проглотила всю свою аптечку, заедая ее конфетами «Счастье» —

— я познакомилась с человеком, который точно знал, что я чувствую и где у меня болит. И это были Вы.

Мы родились в разных семьях, в четырех тысячах километрах и двенадцати годах друг от друга. Но я узнавала в Вашей матери свою мать, в Вашем городе — свою родину, в Ваших текстах — свою болезнь. Я думаю иногда осторожно, что где-то и когда-то мы могли быть сестрами.

Пусть у меня больше нет той постели, где я впервые прочитала «Рану», нет той комнаты, где я стала учиться писать заново — я знаю,

что у меня все еще есть ваши книги. Когда мне пришел экземпляр «Розы» с автографом, я была по-настоящему счастлива: я как будто вернулась в квартиру в провинции, где собираются уставшие женщины и долго-долго курят на балконе. Вернулась домой.

Вы помогли мне стать тем человеком, которым я могу гордиться.

Без Вас не было бы моих текстов. А я их очень люблю.

И за это я хочу сказать Вам спасибо.

Face to face

Ирина Виноградова

Максимлеонидыча преследовали глаза. Это нарушало личное пространство и вообще было жутко неприятно.

Сначала глаза появились ночью, во сне. Скользнули по голой человеческой сущности, закрученной в одеяльный кокон, прищурились и, недовольные увиденным, захлопнулись.

Следующий глаз появился утром. Один. Представ в обличии уличного фонаря, хитро прижмурившись сквозь тюль, он испачкал растекшимся желтком света чашку с кофе, бутерброд, банку с витаминами, заляпанный стол. Пришлось задергивать шторы, дожевывать завтрак под тусклой гроздьёю потолочных лампочек.

Потом глаза появились в коридоре. Уставились недовольно, ощупали живот, расходящуюся на нем рубашку, впуклую грудь. Ааа, это зеркало. Пора худеть, пора. И рубашку новую купить.

Дверь, лифт, «здрассьте» через плечо соседке, пинок под зад ее дебильному мопсу. Улица. Пятнадцать минут до электрички.

Февральское утро прожевало прохожих, словно корова жвачку. Отрыгнув к стеклянным дверям вокзала, погрузилось в равнодушный сон.

За дверьми снова глаза. Лысые, без ресниц, они влезли в личное пространство, поелозили по новенькому пуховику

Максимлеонидыча, с надеждой уставились на его руку в перчатке.

Похожие на застывшие капли нефти, глаза принадлежали распространителю газет, почти ребенку. К глазам прилагались тонкие, словно выщипанные брови, одутловатые щечки и маленький обиженный рот с запекшейся в уголке слюной. Смотреть в эти лысые нефтяные капли неприятно и почему-то стыдно. Поэтому быстрее, быстрее мимо, уставившись в прошарканный, проплеванный пол.

Но мальчик хитрит, встает у турникета, мимо не пройдешь, зацепишься перчаткой за протянутую газету. Взять — это правильно, это по-человечески.

Объявления, крики о помощи, пошленькие статейки раскатаны по шершавой бумаге, как маргарин по сухарю. После турникета будет урна. Сложить, еще раз и еще, смять, утрамбовать в комок, выкинуть чужие проблемы. А вдруг лысоглазый мальчик смотрит в спину? Неудобно. Придется нести до следующей.

Вытаращенный глаз электрички заносчиво зыркнул поверх голов, разрезал ночь на две части: томную, уходящую в небесное никуда, и приземленную, прошитую стежками рельс, с перроном, Максимлеонидычем и газетой.

Осторожно, двери закрываются...

«На постоянную работу требуется
водитель...»

Следующая станция...

«Куплю двухкомнатную квартиру...»

Следующая станция...

«Белый миниатюрный шпиц предлагается
для вязки...»

Следующая станция...

«Хотела бы познакомиться с приятным и
не скучным мужчиной 20-50 лет...»

Следующая станция...

Ч-чёрт, чуть не проехал.

Двери, торопясь прищемить, клацнули за
спиной. Не успели. Распахнулся турникет.
Ступеньки. Переход. Ступеньки. Голый бок
улицы. Метро. Турникет. Проездной в сумку.
Поезд. Душно. Волосы. Шапки. Плечи. Шатает.
Переход. Поезд. Душно. Шатает. Шатает...
«Куплю двухкомнатную квартиру...» Не спать!
На следующей выходите? Ступеньки.
Турникет.

Впереди маячит блеклый, безнадежный
выход на поверхность.

— Да куда ж ты прешь, родной?

Задумался Максимлеонидыч, задумался.
Всем корпусом наехал на желто-зеленый
жилет. Снизу черное, по бокам черное, сверху
черное. Пальто с капюшоном. А в нем
старушка кособокенькая. Газеты сует, смотрит
искоса.

...Низко голову наклоня-я-я-я... «Белый
миниатюрный шпиц предлагается для
вязки»... Трудно высказать.

У старушки газеты в руках и горбик на
спине. Ох, горбик-то какой. Неудобно. А вдруг
подумает, что ее рассматривают? А вдруг
обидится? Не в глаза, не в глаза, мимо, в пол,
на двери. На бегу хватать газету и к выходу, к
выходу... Да как же вы задолбали со своими
газетами! Уф-ф-ф... Воздух.

На улице уже светлеет. Болезненно
кончается зима. Рассыпает на прохожих белую
перхоть, нате вам, нате! Сквозь седые лохмы —
сиротливое солнце на полированных
проплешинах крыш. И голуби под выступом
как ожившие горельефы. От проснувшегося
восторга любви птиц выворачивает белым
пометом на человеческие плечи.

Перекресток. Двери. Охранник. Пропуск.
Лифт. Грудь Елены Николавны. Души Танечки.
Ноги Светочки. Марина, губы.

— Здравствуйте. Как оно, ничего?

— Совещание перенесли.

— Кофе попьем?

Третий этаж. Ноги. Ноги. Ноги. Каблуки,
туфли. Шнурки, ботинки. Дресссс, дресссс...
Код... Ком... Кому? Это Валере. Кот.

— Ты смотришь, как мартовский кот.

— Весна через неделю.

— Торопишься.

...И жить торопится, и чувствовать
спешит... Голуби, б...б-б-б-блаженные в
неведении птички. Испачкали все-таки.

— Олечка, а что мимо?

— Макс, сорри, некогда.

— И в глаза-то не посмотрит, и по головке-то не погладит.

— Реально некогда, сорри.

Ну, чего там у нас? «Предоставление каналов связи для филиала...», «Технологическое обслуживание и метрологическое обслуживание коммерческих узлов учета газа...» Не спать, Максимлеонидыч, не спать. Десять часов. Пора уже включиться. А нефига бухать до двух. Арбайтен, геноссе, арбайтен до обеда.

Отлаженно суетится офис, нигде нет узкого горлышка. Совещание по расписанию, туалет по скудному желанию, лифт до вечера не нужен, кофемашинка отпускает стаканчики с загадочной жидкостью в человероруки сообразно установленной программе, невзирая на климатические условия.

— Олечка, ты почему глазки опускаешь?

— Макс, продолжения не будет, сорри.

И почти бегом в свою стеклянную ячейку, за пластиковую перегородку, к угловатому монитору. Только макушка на поверхности маячит, как островок. Сорри так сорри. Может, и к лучшему. Романы на работе последнее дело. А глаза могла бы и поднять. Игнор включила. Овца.

«Создание автоматизированной рабочей системы...», «Получение комплексного экологического разрешения...» Чухня какая. Глаза бы не глядели!

Рука лезет в куртку за платком, пальцы ощупывают бумажный комок. Ё-моё, не

выбросил! Слипшаяся газета болтается в кармане. «Все виды массажа, кроме интимного...», «Гостевой дом “Гвидон” приглашает...», «Любые виды перевозок...»

А почему у него гляделки нефтяные такие лысые? Бедный парень. А вдруг он и вечером газеты раздает? Надо будет подальше пройти, с другого угла. Главное, в глаза не смотреть. А вдруг меня старуха запомнила? Будет теперь буравить: «Возьми газетку, возьми! Ты меня пихнул, мне больно, вон я какая! С горбом! А ты лось здоровый! Возьми газетку...» Фу-у-у, с другого входа проскочу. Завтра забудет. Должна забыть. Главное, в глаза не смотреть. Неприятно.

Кафе, одетое в запах комплексного обеда, перебирает четки из офисных сотрудников. Суп, картофельное пюре с гуляшом, салат, компот и булочка. Не так, чтобы ах, но до четырех протянуть можно. На работе все привычно. Глаза доброжелательно-холодные, не лысые. Горбиков ни у кого нет. Можно спокойно смотреть. Но не хочется. «Продаю щенков лабрадора...» Собаку, что ли, завести? Хм... а гулять? А если уехать надо? Может, кота? Мебель в хлам, ботинки тоже. Может, рыбок? Сдохнут через неделю. Тогда уж лучше хомячка, Максимлеонидыч, хомячка.

Кофе. Сочник. Совещание. Подготовить отчет. Переслать протокол. Две недели на выполнение... Скорей бы пятница... Интересно, а он где-то учится? Почему у него такие лысые глаза? И слюни на губе. Жалко. Он перед школой газеты раздает, что ли? А может, ему уже много лет? Вот как такому жить? Может, у него мать алкоголичка? Или отец? Вот-вот, посмотри на него, посмотри. А то что-то активно бухать стал в последнее время. Детей еще нарожать надо. Когда? Не когда. Потому что некогда. Время несется. Упс, уже семь!

Зима притаилась, ждет ночи. Выспавшись за день, открывают желтые глаза фонари, недовольно смотрят вниз, на людские головы. Метро красным светом сигнализирует: «Сюда, сюда!» Под ногами тротуар волнуется плиткой. Оттаявшая за день грязь замерзает ледяными

прыщами, вокруг плещутся озера
растекшегося реагента. Как женщины
умудряются на каблуках ходить по этой
поверхности? Магниты у них в шпильках, что
ли?

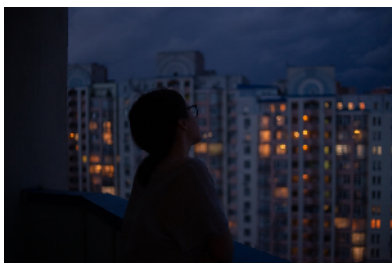
Красная буква «М» пошатнулась,
мелькнула кометой и пропала. Вверху
поплыли головы. Рядом затопали чужие
ботинки. Как, оказывается, они громко стучат.
И больно наступают. Приблизилось приятное
лицо, нахмурило брови, отвело глаза. Стало
неприятным, ушло по своим делам. Люди,
алле! Прикиньте, лежать на тротуаре гадко и
сыро. Почему вокруг столько ног? Черт, как

башка болит. В ушах шумит. А они обходят,
обтекают, обтопывают. Не останавливаются.
Боятся. А если человеку помощь нужна? Ну
обратите внимание! Люди, ау! Я здесь! Ну
посмотрите в глаза!

Тысячи ног вокруг и ни одного человека.

«...Восстановление после травм,
качественно, быстро, недорого. Телефон...»

«...Центр лазерной коррекции — то, что
нужно для отличного зрения!..»

Hard Day's Night

Дина Якушева

Сегодня вечером в «Иль де ботэ», где Таня работала продавцом-консультантом, случился особенный наплыв, что было довольно необычно, потому что никаких праздников в ближайшем будущем не предвиделось. Таня едва успевала лавировать между тремя, а то и четырьмя покупательницами одновременно, в глазах рябило от разноцветных флакончиков, тубиков и палеток.

Когда основная толпа схлынула и подошла *та женщина*, Таня уже еле держалась на ногах. Женщина перепробовала все мужские парфюмы, допытываясь об особенностях звучания всевозможных компонентов, о том, какому возрасту какие запахи подходят, рассуждала об уместности того или иного аромата. Таня недоумевала: как ей не надоест ходить по кругу? На мужа покупательницы было практически собрано досье, и получилось что-то среднее между Джеймсом Бондом и Штирлицем. Оставалось удивляться, что такой супермен делает рядом с этой занудой с одутловатым лицом, землистый оттенок которого ещё больше подчёркивали серьги с искусственным жемчугом. «Да она такая же, как я! Фантазёрка!» — вдруг осенило Таню. В этот момент женщина в сотый раз спросила, что же подходит именно для её мужа, и Таня молча протянула флакончик «Балдессарини». При виде цены покупательница поджала губы и пустилась в рассуждения, что продавцы всегда втюхивают самое дорогое. Она распалась всё больше и больше, и Таня не сдержалась. В итоге эта мымра накатала жалобу, и теперь премии не видать как своих ушей.

Возвращаясь с работы, Таня зашла в «Пятёрочку». Она была так вымотана за день,

что уже ничего не хотелось, только бы доползти до дома. Но вспомнила, что кончился кошачий корм. Чтобы избавиться от послевкусия инцидента на работе, она, немного поколебавшись, взяла бутылку недорогого вина «Душа монаха». Тридцать три года, работа, высасывающая всю энергию, мама, вечно попрекающая отсутствием внуков... Теперь вот ещё бутылка добавилась.

Как назло, у кассы скопилась очередь. Кассир нажала на кнопку вызова, но никто на соседнюю кассу не приходил, только слышно было, как кто-то переругивается в закоулках продуктовых стеллажей. Мужчина, за которым стояла Таня, начал выкладывать продукты на ленту, Таня подошла ближе, чтобы поставить рядом корзину, и почувствовала исходящий от него аромат парфюма. Опять этот «Балдессарини». И мужчина лощёный, в дорогом костюме, такие в «Пятёрочку» не ходят.

Что так долго-то? Таня заметила, что кассир безуспешно снова и снова подносит к терминалу бутылку пива.

— Штрих-код не считывается, — заявила она, — я схожу поменять.

Таня начала закипать: из-за какого-то пивососа! Кассир принесла другую бутылку.

— Это же не то! — возмутился лощёный мужчина.

— Это «Будвайзер», вы его и брали, — возразила кассир.

— Да нет же. Я брал чешского производства, — раздражённо ответил мужчина.

— Не берёте? — хладнокровно спросила кассир.

— Да нет же, возьму, только чешское, — не унимался мужчина.

Таня смерила его неприязненным взглядом, брезгливо подметила намечающееся брюшко. Кассир снова понесла бутылку обратно. В очереди вполголоса завозмущались, и Таня взорвалась:

— А ничего, что столько народу в очереди? Какая разница, чешское — не чешское?

Мужчина обернулся, вскинул брови, смерил взглядом Таню, потом содержимое её корзины.

— Ну, разница примерно такая же, как между «Кьянти» и «Душой монаха». — Он красноречиво кивнул на бутылку вина.

— Что же такой крутой в «Пятёрку» пришёл? — язвительно спросила Таня.

Он промолчал, но на лице заиграли желваки.

— Чешского «Будвайзера» больше нет! — вклинилась кассир. — Будете это брать? — спросила она, поднимая бутылку.

— Нет! — отрезал мужчина и достал карту.

Таня посмотрела на него — усталое лицо, тёмные круги под глазами, — и где-то глубоко шевельнулось чувство вины.

По дороге домой Таня не могла отделаться от неприятных мыслей о скандальной покупательнице и об этом снобе в очереди. Дома она скинула босоножки и в изнеможении опустилась на банкетку в прихожей. Она сидела и думала о нём, друге в доме напротив. После развода Таня создала себе безопасную и комфортную личную жизнь прямо здесь, на лоджии шестого этажа.

Оазис. Так Таня назвала свой «субтропический» балкон. Передвигаться по нему было не так просто. Попасть на наблюдательный пункт, где стояли столик со стулом икеевского происхождения, можно было по узкому проходу, раздвигая гигантские многопалые листья монстеры и нависающие ветки лимонного дерева.

Только здесь Таня может расслабиться, побыть собой и помечтать. Мужчина из дома напротив каждый вечер около девяти выходит на балкон. Он курит, она тоже, черты его лица неразличимы, но ей кажется, что он смотрит именно на неё. А что, если... И история их взаимоотношений — диалоги, признания, встречи, — сочиняется сама собой.

Так он и стал другом, этот мужской силуэт со светящейся точкой зажжённой сигареты. Недавно он первый раз помахал Тане, она ему ответила. От этого их совместный перекур стал ещё интимнее, а её фантазии ещё ярче.

Вчера Таня получила очередной видеосшедевр от подруги Лены. Лена улетела в отпуск в Крым и за несколько дней, вооружившись новой камерой, успела отснять и смонтировать небольшой фильм. Таня поставила на балконный столик свечи, установила ноутбук, сделала видео во весь экран, помахала своему другу, надела наушники. Она слушала вкрадчивый шелест гальки, перебираемой на мелководье небольшими волнами, похожими на подплавленное гнущее стекло, смотрела через

двор на тёмный широкоплечий силуэт, и этого было вполне достаточно. О том, как бывает всё по-настоящему, о неумолимой последовательности стадий — от трепета влюблённости до раздела имущества — Таня предпочитала не думать.

Вот и сегодня Таня вышла на балкон, раздвинула окно, облокотилась о подоконник и закурила. Друг поприветствовал её, она хотела было ответить, но тут рядом с ним встал еще один человек. Таня прищурилась. Хрупкая фигурка, яркий принт на футболке, длинные волосы. В голове пронеслось: «Не может быть!» А потом почему-то: «Только не сегодня!» Она рывком опустила жалюзи, выскочила с балкона и рухнула на диван.

Проревевшись, Таня встала и подошла к зеркалу. Теперь и свечи, и плеск прибоя, и приветствия — всё казалось пошлым и фальшивым, как в низкопробной мелодраме. «Ну почему же низкопробной? Это киноклассика», — опровергла сама себя Таня. Всклокоченные волосы, затравленный взгляд мокрых глаз, извилистые неряшливые дорожки от потёкшей туши — вылитая Джульетта Мазина в знаменитой сцене из фильма «Ночи Кабирии». «Мазина из магазина», — мысленно обозвала себя Таня. Губы дрогнули, уголки поползли вверх, ещё больше приближая её к образу Кабирии в финале фильма.

Теперь её балкон — никакой не Оазис, а всего лишь захламлённая зона, беспорядочно заставленная цветочными горшками. А как же не хочется возвращаться в реальность!

Таня только вышла из душа, когда позвонили в дверь. Она вспомнила, что соседка обещала сегодня отдать долг, а учитывая потерянную премию, эта сумма была как нельзя кстати. Таня поспешно накинула халатик и побежала открывать.

На пороге стоял мужчина из «Пятёрочки».

— Вы?! — оторопело воскликнул он и слегка попятился.

Несколько секунд они ошарашенно смотрели друг на друга.

— Вы, наверное, ошиблись? — наконец выдавила Таня, приглаживая мокрые волосы.

— Наверное, — проговорил он. — Извините!

Он повернулся и медленно пошёл к лестнице.

— Подождите! — вырвалось у Тани.

Он обернулся, Таня сделала к нему несколько шагов.

— Извините за сегодняшнее, — выпалила она. — Не знаю, что на меня нашло. Трудный день на работе.

Мужчина улыбнулся:

— Hard Day's Night.

— Что-что? — не поняла Таня.

— Вечер трудного дня. «Битлз», — пояснил мужчина. — И у меня трудный день был.

Таня вспомнила, ну конечно, именно эту песню передавали по радио, когда она пошла к балкону.

— Тоже «Радио семь» слушали? — спросила Таня.

— Да, — он замялся, — вы тоже меня извините.

Опять повисла неловкая пауза.

— Так вам кто нужен? — спросила Таня. — Может, я подскажу?

— Получается, вы, — улыбнулся мужчина. — Вы мне сегодня не помахали. Я ждал, когда вы снова выйдете, и вот...

Так он и есть мой друг?! Вот так сюрприз!

Она почувствовала, что краснеет. Приложила руки к пылающим щекам, не смогла ничего выговорить: подступила дурнота.

Он протянул руку:

— Игорь!

— Татьяна!

Она неуклюже ткнулась пальцами в большую тёплую ладонь.

А он ничего, симпатичный. Особенно когда улыбается. Таня опять неловко провела рукой по волосам.

— Ну, я пойду, меня дочка ждёт. Я завтра позвоню. Окей?

Он достал телефон и выжидательно посмотрел на Таню.

— Девятьсот девятнадцать... — Таня диктовала, а в голове стучало: «Дочка-дочка-дочка!»

На балконе Таня наполнила бокал, включила видео. Море шуршало прибрежной галькой, на горизонте мелькали чайки, но почему-то не мечталось, она не погружалась в это по-настоящему, как вчера. Вместо романтического незнакомца нарисовался вполне себе реальный Игорь. Радоваться этому или огорчаться, Таня ещё не решила.

Она подняла жалюзи и сразу увидела тёмный одинокий силуэт с красной точечкой. Этим вечером они поприветствовали друг друга на полтора часа позже, чем обычно.

Spiritus delicti

Константин Анкилов

Децим Метилий, первый центурион гастатов, готовился к еженедельному совету командующих и как обычно репетировал речь, пока я помогал ему одеваться. Сегодня случай предстоял особый: на встрече будет присутствовать сам легат. На днях в Лондини произошло убийство — событие для такого большого города заурядное, если бы покойником не был один из клиентов легата. Человечек для мелких поручений, редкостный, по рассказам, говнюк, но все же один из его людей, а, как говорят римляне, с возвышением господина возвышается весь его дом — включая родственников, кормящихся с его стола клиентов, да что там, всей челяди чуть не до последнего раба. Разобраться в деле было поручено моему хозяину.

— Итак, — пробасил он, — с самого начала было понятно, что убийца, увы, не из гражданских: удары нанесены глубокие, почти насквозь, явно гладиусом, а не ножом, какой обычно используют местные банды. Далее... — Он слегка кряхтит, когда я затягиваю его пояс, скоро придется делать новую дырку. — В увольнении в тот вечер было полсотни человек. И я должен еще раз поблагодарить тебя, мой дорогой Антигон, за твою проницательность. — Я склоняю голову, но ничего не говорю, его не надо перебивать. — Если бы не ты, мы бы сейчас все еще вели дознание. Огрызок яблока — кто бы мог подумать! Легионер со сломанным зубом, конечно, не редкость, но чтобы вот так, сразу три, кусать пищу приходится клыками — такой нашелся среди них только один. Он мне сразу не понравился, видно, что нрава неумного. Отнекивался, конечно, да что там, пьян наверняка был, сам не помнил, что натворил. Ну да он подчиненный Гая Силия, уж тот из него признание выбил — тут кто угодно

сознался бы. Да еще и туника у него нашлась со следами крови.

Хозяин замолкает. Я встаю на колени и завязываю шнурки на его калигах: на правом, затем на левом. Всегда в этой очередности.

— Вот что, про яблоко я умолчу, на смех поднимут. Допросил всех как положено, нашел виновного. Но ты молодец, Антигон. Только ты не думай, что умнее меня, слышишь? Раб не должен быть слишком умным.

— Конечно, господин. — Встаю, осматриваю его, поправляю складки на тунике, киваю, все хорошо.

Уверенной неспешной походкой, позвякивая наградными знаками и украшениями на поясе, он выходит из нашей казарменной комнатки навстречу новому успеху — гораздо большему, чем он ожидает.

Я же, выждав немного, отправляюсь на легионный продуктовый склад. Надо пополнить наши запасы оливкового масла, но это только повод. Так сложилось, что для личных рабов склад стал местом коротких встреч. К вечеру служащие здесь легионеры уже уходят отдыхать, на хозяйстве остаются рабы. И это возможность несколько минут побыть самими собой, среди равных, немного посплетничать, обменяться новостями.

Вхожу в плохо освещенное, пропахшее кислым вином и прогорклым маслом

помещение. Завсегдатаи уже здесь, даже присели за стол, по случаю собрания командиров можно не сильно торопиться. Старый Бартл скрипит про то, как хорошо ему будет жить в Испании: его господин, первый центурион триариев — старший центурион всего легиона — уходит в отставку. Он рассказывает нам про это всю неделю, и мы рады, когда его прерывает Деорса:

— Хоть бы сегодня об этом уже объявили, и вы поскорее уехали, нет мочи тебя слушать.

Все угодливо смеются, и я тоже. Деорса — раб самого префекта лагеря и, сообразно старшинству господ, считает себя выше остальных собравшихся. Я не против, скорее наоборот, ищу возможности поближе сдружиться с ним. Деорса отпивает из деревянной кружки — вода, никакого вина, не то хозяин учует, — делает рассудительное лицо и продолжает:

— Уйдет хозяин Бартла, место освободится. Кто займет, знаете? Думаете, Гай Силий? — Он делает паузу, поочередно смотрит на каждого. — А вот и нет. Тот, конечно, следующий по рангу, но не видать ему должности! А почему? Все из-за того убийства! Господин легат будет в ярости, когда узнает, что убийца служил в центурии Гая Силия!

Собравшиеся согласно кивают, впрочем, не то чтобы эти умозаключения были им особо интересны. Как и мне.

— А значит, кто станет новым старшим центурионом? Следующий за Гаем по званию, господин Децим Метилий, твой хозяин, Антигон!

У меня уже заготовлено изумленное выражение лица. Деорса с достоинством, многозначительно кивает, а я в который раз пытаюсь разгадать: правда ли он не так уж умен или столь убедительно разыгрывает такую роль. Скорее, все же первое — хороший раб и правда не должен быть умнее господина,

а его хозяин заслужил свой пост за счет благородного происхождения, вовсе не за ум или другие таланты. Но я буду учтив и продолжу с ним сближаться. Теперь его господин будет непосредственным начальником моего Децима, и так я смогу узнавать много полезного. Как полезен был старик Бартл — вот уж чья болтовня оказалась драгоценным подарком.

Деорса продолжает смотреть на меня, мне надо сказать что-то, соответствующее его ожиданиям. Пока быстро размышляю над ответом, меня выручает один из служащих на складе рабов.

— Ба, убийце-то ужин пора отнести. Другого-то, поди, сослуживцы подкармливали бы, а этого — ой вряд ли, говорят, не шибко его любили, больно злоблив был.

Он кладет в корзинку ломоть хлеба и головку чеснока, ставит туда же кувшин воды. Я поворачиваюсь к мешкам с провиантом, достаю яблоко и подкидываю его в корзинку.

Сам не знаю, зачем я это сделал. Это похоже на издевку над несчастным, которую тот, к тому же, вряд ли поймет, но на самом деле мне его даже немного жаль. Болван, разумеется, к убийству не имеет никакого отношения. Ему просто не повезло служить не у того командира и быть достаточно приметным. Сгодился бы любой с парой сломанных зубов, таких среди легионеров каждый пятый, а у этого, когда мой господин первый раз собрал всех бывших в вечер убийства в увольнении, имелась еще и ссадина на скуле да сбитые в драках кулаки — в вину такого легко поверили. После этого оставалось неприметно покопаться в пищевых отходах, а позже сопровождать господина при осмотре места убийства. Что до крови на тунике — тут просто удача, жест богов, хотя это и неудивительно — скорее всего, это его собственная кровь, поранился на тренировке или во время какой-нибудь потасовки в таверне. Никто не стал особо разбираться: нашелся виновный, из него выбили признание, на это и был мой расчет.

Вслед за ушедшим расходимся и мы. Даже в лагере, полном вооруженных людей, рабам не следует собираться вместе надолго. Спешу к себе: октябрь, и сумерки наступают рано. Уже выставлены вечерние караулы, и, хотя меня хорошо знают, в это время рабу по лагерю лучше не разгуливать.

Вернувшись, зажигаю сразу два светильника, нет, пожалуй, зажгу все четыре — два настольных, включая один большой — на три фитиля, и оба подвесных. Люблю, когда светло.

Подхожу к домашнему алтарю, воскуряю ладан перед статуэткой Минервы. Господин позволил держать ее у себя среди других богов. Хоть и не Марс, которому он, конечно, поклоняется в первую очередь, она для него тоже божество войны. Для меня же она Афина, богиня мудрости. Она помогала мне до сих пор, и еще больше мудрости мне понадобится в дальнейшем. Дециму Метилию всего тридцать шесть, он неглуп, смел и энергичен. Новая должность станет для него, если боги будут благоволять, не последней. Это значит — шанс войти во всадническое сословие, стать элитой Рима, а там — как знать, каких высот он достигнет. Сам и с моей скромной помощью.

Но сейчас нужно решить насущные вопросы. Господин скоро вернется, и надо приготовить ему ужин и воду для умывания. Ужинает он просто. Хлеб, оливковое масло, разбавленное вино, кусок сыра. От лука, наверное, откажется, но на всякий случай положу. За годы рабства я в какой-то степени полюбил простые монотонные действия, выполняя которые можно одновременно размышлять.

Подумать было о чем. Чтобы к господину в будущем не возникло вопросов, нужно решить, как поступить с настоящим убийцей. Одному Аиду известно, кто это, но загадка не слишком сложная.

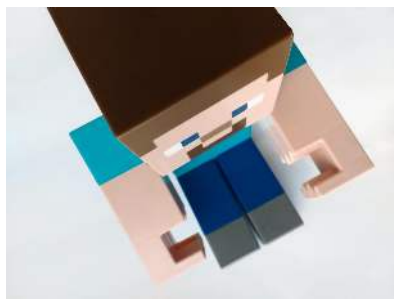
Это кто-то из гражданских жителей города. Легионер не стал бы пользоваться гладиусом, почти у каждого при себе есть кинжал, он куда сподручней для городской стычки, да и нанес бы опытный воин всего один удар, ну, может, два. На что еще я обратил внимание, когда господин осматривал труп: колотые раны были слишком уж широкие. Современные мечи узкие, такую оставил бы широкий гладиус, такой был в ходу лет пятнадцать назад.

Скорее всего, убийца — сын одного из ветеранов, после отставки поселившегося в городе. Покойник оскорбил его или, скорее, его жену или возлюбленную, и тот подстерег его с отцовским оружием, молодая горячая кровь. Все это несложно было бы проверить — порасспрашивать городских на рынке и по тавернам... Но пожалуй, лучше будет вообще ничего не предпринимать. Если убийце хватило ума не попасться за эти дни, вероятно, он достаточно благоразумен, чтобы и дальше хранить свою тайну. Скорее всего, он даже скрылся из города — обычное решение в таких ситуациях.

Стало быть, буду считать дело законченным.

Поднимаю тяжелое дубовое ведро, плескаю воды в бронзовый тазик для умывания. Смотрю, как рябь мечется от стенки к стенке, наконец, успокаивается. Вглядываюсь в отражение — лицо сорокалетнего худощавого мужчины, в полумраке выделяются большие глаза, живые, но немного усталые. Зачем все это мне, не обделенному умом, но безродному греку, волей богов ставшему рабом? Здесь все очевидно: с возвышением господина возвышается весь его дом.

В отражении появляется улыбка. Широкая. И еще шире.

Ag

Анастасия Шелестова

Дима увлёкся Лизой с первого взгляда. Нет, даже раньше. Сначала услышал голос. Подъездное эхо разносило его — сладкий, ласковый, жизнерадостный. Дима тогда вернулся с мамой из супермаркета, уже выгрузил в коридор дутые пакеты и должен был вот-вот защёлкнуть замок, но не удержался. Спрятался за приоткрытой дверью и смотрел в щёлочку, кто это там поднимается по ступеням.

Лиза была в весёлой плиссированной юбке и белоснежной блузке, её длинные тёмные хвостики кудрявились на концах. Проходя мимо Диминой двери, она бросила взгляд в темноту, где он притаился. Сердце кольнуло. Глаза у Лизы оказались синими — не голубыми, а синими, как море. Дима видел похожую девочку в аниме, но Лиза была красивее.

Осторожно, через маму он выяснил, что Лиза недавно переехала. Ей девять, учится в той же гимназии, куда и он ходил, но потом перевёлся. Родители Лизы работают допоздна, она сидит одна дома.

— Отличница, — восхищалась мама. — Все уроки делает сама, ещё и на кружки успевает. Не то что ты. Бутерброды порезать и то не можешь. Хоть бы раз к моему приходу пыль протёр.

Дима смиренно принимал критику. Он действительно ничем толковым не занимался, только в компьютер играл и смотрел Ютуб.

Лизу он видел ещё несколько раз. В глазок. Сначала сердцем чувствовал, когда она поднимается, потом запомнил, во сколько она убегает на кружки и возвращается.

Однажды решил выйти к ней. Сделал, конечно, вид, будто по своим делам направляется, но, поравнявшись на лестнице, смело сказал:

— Привет. Я Дима.

Она окинула его взглядом — будто морской волной окатило. Несколько мгновений молчала. Горло уже успело налиться горечью: не ответит!

— А я Лиза.

Тон был недоверчивый, серьёзный, но голос всё равно звенел ласково. «Давай, — велел себе Дима, — скажи ещё что-нибудь». Ладони вспотели, щёки раскалились.

Опустив голову, он вылетел из подъезда.

В следующий раз встретились в лифте. Обычно Дима им не пользовался, жил на втором этаже. Но тогда тащил тяжёлые сумки. Продукты на неделю, по списку. Мама отправила одного.

Продрогший и запыхавшийся, он стоял, дожидаясь, когда медленные двери захлопнутся, как вдруг в узкую щель заскочила Лиза. Она тоже обычно не ездила в лифте. Дима предположил: юркнула из азарта, хотела проверить, успеет ли.

Лиза была взмокшая, распаренная. Курчавые волосы выбились из-под шапки. Наверное, гуляла неподалёку, а родители погнали домой. Она оттянула шерстяной шарф, расстегнула куртку и подула себе на оголённую кожу. Дима увидел кусочек рисунка на её футболке и выдал совершенно против воли:

— Майнкрафт. Тоже играешь?

Лиза вновь взглянула недоверчиво. Может, не узнала? Или не ожидала, что он знает эту игру?

— Ну да, — наконец ответила. И вдруг улыбнулась: — Обожаю.

Лифт раскрылся на Димином этаже. С режью в сердце он подхватил пакеты и, едва не кривясь от боли, двинулся к выходу. Нельзя ехать с Лизой. Ей это не понравится. Время вышло. Шаг к своей квартире. Нет!

Дима поймал за хвост улетающую секунду и протиснул вопрос сквозь ползущие друг на друга двери:

— А ты знаешь, как найти крепость?

Несколько следующих дней он корчился, закрывая лицо руками. Стыд пронизывал лихорадкой, швырял то в жар, то в озноб, когда он вспоминал выражение лица Лизы. Разочарованный взгляд из-под полуприкрытых век.

— Конечно. Все это знают.

Ужас. Как можно было спросить такое? Любой, кто хотя бы немного играл в Майнкрафт, знает, где найти крепость. Ты думал, Лиза дурочка? Она отличница! И в Майнкрафте наверняка шарит покруче многих. У тебя полно впечатляющих знаний на эту тему, но теперь она уверена, что ты... Боже. Так оставлять нельзя.

Дима весь день простоял у глазка, поджидая Лизу.

Она ещё даже не взойшла на лестничную площадку, когда он выскочил, перекрыв ей проход, и спросил:

— А ты знаешь, как найти крепость... в аду?

Лиза замерла. Недоверие плеснулось в её глазах, но быстро сменилось другой эмоцией. Сложной, смешанной. Интерес и смущение.

— Да. — Голос дрогнул, как при вранье.

— А ты в ней хоть раз была? — ехидно уточнил Дима.

Тут Лиза и сломалась. Знать — это одно. Ты попробуй найди. Ад — запутанная, бескрайняя локация. Навигация и компас не работают. На крепость можно набрести по чистой случайности, но потом ведь и домой надо вернуться...

Не дожидаясь ответа, Дима заявил:

— Я могу за пять минут попасть туда. Из любой точки ада.

— Не бывает такого, — тотчас отозвалась Лиза.

— Ну и не верь. — Дима пожал плечами и подался к своей двери. — Но вообще-то с картой всё возможно.

Лиза охнула. Кажется, догадалась.

— Где взять карту?

— Могу подарить. — Дима потянулся на пороге своей квартиры, готовый в любой момент уйти. — Скажи, на каком серваке играешь. Я сегодня карту сделаю и тебе передам на спавне.

Лиза назвала сервер и в заметках его смартфона напечатала свой никнейм.

— Там такой маяк красивый. — Речь её ускорила, улыбка рвала губы. — Можем возле него часов в семь встретиться.

— В семь не могу, — отмахнулся Дима. — Давай в восемь.

Он оставил карту в деревянном сундуке. Мог бы просто передать, но так наряднее. Настоящий подарок.

Благодарности от Лизы не последовало. Дима не обиделся, но удивился. Странная отличница. Первая не здоровается, спасибо не говорит. Знает, видимо, что и так всем нравится. Наверняка учителя её обожают, а все в классе хотят дружить. У Димы никогда такого не было. На него смотрели только с раздражением, а девочки вроде Лизы — энергичные, уверенные в себе, — вовсе не замечали.

Ну и ладно. Он не грустил и никому не завидовал. Только периодически прижимал к щеке экран смартфона, по которому совсем недавно скакали Лизины пальцы.

Когда спустя пару дней в дверь позвонили, Дима испугался. Мама не могла вернуться так рано. Он посмотрел в глазок, и сердце замерло.

— Не получается у меня добраться до крепости. Даже с картой. — Лиза снова не поздоровалась. — А я уже с мальчишками поспорила, что пройду игру за две недели.

— Замахнулась на всю игру, когда даже с одной локацией не справляешься? Ну даёшь, — усмехнулся Дима.

Лиза насупилась. Её отличническое нутро ныло и саднило от понимания, что некоторые вещи ей не по силам.

— Надоело умирать и терять инвентарь, — пожаловалась она.

С наслаждением Дима вообразил, как эта заносчивая девчонка гибнет десятки раз по дороге в крепость. Падает с высоты, утопает в кипящей лаве, пожирается стаей голодных мобов, горит в огне, а в аду его не потушишь...

— Даже не знаю, чем тут помочь. — Дима сделал вид, что задумался. — Если только сесть за твой комп и самому сбегать.

— За пять минут? — припомнила Лиза его хвастовство.

— За три, — уверил Дима. — Без шмоток даже. Голый.

— Тогда, — она дёрнулась в нетерпении, вьющиеся хвостики подпрыгнули на груди, — пойдёте прямо сейчас? Я уже у портала в ад, осталось только шагнуть!

— Ладно, — с притворной неохотой заявил Дима, с трудом сдерживая улыбку.

Лиза бросилась вверх по лестнице. До
слуха донёлся щелчок двери — открыла, вошла.
Ждёт его.

Дима пригладил волосы, прикрывая
лысину на затылке. Натянул футболку на
живот. Проглотил горькую пивную отрыжку. И
пошёл к Лизе.

Аура

Даниил Лысухин

— Опишите вашу ауру, — говорит мне женщина в белом-белом кабинете.

Говорит она это без улыбки и без намека на иронию. Мне, читавшему Бертрана Рассела, Стивена Хокинга и Ричарда Докинза. Ученому с кандидатской по астрономии, который за все годы работы не обнаружил ни малейшего статистически значимого влияния ретроградности Меркурия на настроение землян. Зануде, с трудом сдерживающему себя от едкого комментария под рекламой очередного предприятия по раскрытию чакр.

Услышь я эти слова в любой другой ситуации, поднял бы говорящего на смех. И тем не менее услышанному я несказанно рад. Я почти что улавливаю в голове щелчок, сопровождающий отворение долго не поддававшегося замка. Вниз по спине сбегает волна приятного возбуждения, прямо как при виде экспериментальных точек, аккуратно падающих на график в скрупулезно подготовленные для них места; располагайтесь, уважаемые точки!..

Это — чувство открытия, совершенного тогда, когда никто в него уже не верил.

Меня спросили про ауру, и я, закрыв глаза, начинаю вызывать в памяти ее ужасный узор. Он появляется всегда в одном и том же месте: если смотреть прямо вперед, то узор возникает сильно левее и чуть к низу. Сначала он выглядит как застывший разряд молнии или как яркое пятно после неосторожного взгляда на разряд дуговой сварки. Узор не двигается, и может показаться, что кто-то

очень искусный вырезал в глазу дырку странной формы, и теперь вместо привычного вида окружающего мира через нее сквозят шипящие телевизионные помехи. Узор живет словно в своей системе координат, безразлично повиснув в воздухе; но стоит повернуть голову или хотя бы едва ее наклонить, и становится понятно, что эта штука способна двигаться. Но движется она не так, как разбившаяся о лобовое стекло мясистая муха или саранча, а как жирное пятно на поверхности воды в отмокающей сковородке, немного лениво и едва-едва повторяя движение своего носителя. Такое плавание перед глазами сильно кружит голову, и в это время хорошо бы где-то сесть или лучше прилечь. Мой опыт наблюдений говорит, что спустя десять-пятнадцать минут от момента появления узора он начнет смещаться в поле зрения еще левее и ниже, стремительно разрастаясь и занимая в итоге почти половину обзора. Я называю это первой фазой.

К концу первой фазы вдобавок к богатым визуальным эффектам появится еще и паника, вызванная приближением следующих фаз. Узор, прежде медленно увеличивающийся, за считанные минуты полностью рассасывается. Это вторая фаза. Можно проморгаться и покачать головой, стряхивая видение и проверяя, точно ли оно прошло. И верно, узор не возвращается, и впору почувствовать облегчение.

Если узор исчез, то это значит, что до третьей фазы остается приблизительно десять минут. До фазы, когда тело наполнится тяжестью и тошнотой, и в голову ударит

мучительная боль, знаменующая начало долгой, многочасовой мигрени.

В Википедии найдется не меньше десятка статей с заголовком «аура»: это и оптический феномен (круглый ореол вокруг Солнца в зимнее время), и мистическое сияние вокруг человека, и даже искусственный спутник Земли. Но аура, которая уже много лет вместе со своей подругой мигренью сопровождает меня — это «невропатологический симптом, который часто предшествует эпилептическому припадку». Про это, разумеется, статья тоже есть.

Я заканчиваю говорить и открываю глаза. Ольга Николаевна, врач-невролог, понимающе улыбается (А у вас тоже это бывает? — Еще как!). Затем она что-то быстро и очень громко вбивает на клавиатуре рабочего компьютера и поворачивает ко мне монитор.

— Это? — спрашивает она.

Я смотрю в экран и немедленно ощущаю, как снизу к горлу поднимается тошнота. Я отворачиваюсь, пораженный точности изображенного узора, и бормочу, что, мол, да, оно. Зажмуриваю глаза и глубоко дышу, пытаюсь отогнать образ. То, что связь нашего мозга и чувств может быть двусторонней, факт известный. Поэтому я изо всех сил концентрируюсь на том, чтобы не допустить появления уже настоящей ауры при одном виде ее изображенной на экране копии.

— Уберите, пожалуйста, — говорю. — Неприятно.

Первый приступ пришел ко мне двенадцать лет назад. Был июнь, когда школьникам уже положено было отдыхать, но мне, выпускнику одиннадцатого класса, отдыхать было рано. Вовсю шли экзамены, от результатов которых зависела моя и моих ровесников дальнейшая судьба (по крайней мере, в этом нас убеждали все взрослые, и так оно, пожалуй, в результате и вышло). И пусть окончание испытаний уже маячило где-то на

горизонте, это не приносило облегчения, ведь за ними должно было случиться поступление в институты и университеты, которое для многих из нас означало переезд в другой город и прощание с родительским домом.

Оставалось около недели перед последним экзаменом, когда стали известны результаты всех предыдущих. У меня оказались очень хорошие баллы, которые уже позволяли мне поступить во многие столичные вузы: нужно было только сдать оставшийся экзамен не на двойку. Словом, повод открыть шампанское у моих родственников решительно был, ведь они видели во мне то ли надежду отечественной науки, то ли еще бог знает что. Главное, что грезили моим переездом в Москву или Санкт-Петербург именно они, а не я, которому этот переезд был, честно говоря, поперек всех планов.

Тогда я был влюблен (сейчас бы сказали: «в отношениях», но тогда это звучало как-то слишком серьезно) в девочку из другой школы, попроще той, где учился сам. Девочка эта занималась пением и бадминтоном, и в том, и в другом была хороша; куда более хороша, чем в школьной учебе, но даже близко не так хороша, как в умении морочить мальчикам голову. К тому же родители ее были весьма традиционных взглядов и никуда от себя ее отпускать не собирались, отчего мой переезд из родного города естественным образом становился бы причиной нашего с ней расставания. Поэтому, как и любой другой разумный юноша, который только недавно вкусил прелесть полового созревания, между крушением семейных надежд и разбитием собственного сердца я собирался выбрать первое.

Собравшаяся в выходной день на дедушкиной даче семья была не готова к тому, что на закономерный вопрос, куда я все-таки хочу поступать больше — в Питер или Москву, я отвечаю, что у меня, вообще-то, отношения, поэтому, собственно, никуда... После недолгой паузы, взятой на осознание моих слов, семья мощным хором возопила о моей незрелости, безалаберности и наивности. Рты брызгали шампльчным жиром, локти опрокидывали

бутылки с лимонадом и хреновухой. Это было даже немного весело.

Но совсем не весело было на вечернем разговоре с глазу на глаз с матерью, которая пролила много слез, чем меня одновременно и раздосадовала, и тронула. Она качала головой. Смотрела себе под ноги. Держала меня за пуговицу на рубашке. Говорила очень тихо. О редком шансе, возможностях, большом будущем и своих собственных мечтах уехать, которым уже вряд ли суждено сбыться. Я не смог ничего выдавить из себя в ответ, мы только обнялись и разошлись по своим комнатам.

Всю неделю до последнего экзамена мы с родителями почти не разговаривали, потому что каждый разговор грозил новыми криками и слезами. Со своей девчонкой я тоже почти не виделся, ссылаясь на подготовку, а сам целыми днями напролет гулял по городу и катался на велосипеде по лесу. Явно пониженное внимание к своей персоне не осталось для нее незамеченным, и в конце концов одним вечером она даже позвонила нам на домашний телефон. Трубку взял отец и, несмотря на то, что я был дома, сказал, что меня нет, и добавил в конце что-то грубое. Я разозлился на него, и мы опять повздорили. Это было накануне экзамена.

На следующее утро я проснулся в легком настроении, съел завтрак (хотя обычно перед важными событиями я не мог впихнуть в себя даже кусочек хлеба) и отправился на экзамен. Спустя четыре часа я вернулся домой, молча разулся, надменно увернулся от нетерпеливых взглядов родителей и закрылся в своей комнате. Затем плотно задернул шторы от яркого июньского солнца, в темноте разделся до трусов и залез под одеяло. Я лежал неподвижно, думая об ускользающем настоящем и о туманном будущем. Смотрел в черный потолок, и события сами стали выплывать из памяти, сменяя друг друга как слайды в фотопроекторе. Вспоминал, как мы только что переехали из деревенского дома в эту квартиру. Как я помогал родителям делать ремонт в комнате. И как долго умирала в гостинной собака, пока наконец не пришел ветеринар с длинным шприцем. И тогда,

плывя уже в полусне от одного воспоминания к другому, я впервые заметил слева от себя мерцающее пятнышко.

Следующие восемь часов я буду стонать, держаться за голову, звать маму, неровным шагом трусить с десятков раз к унитазу без какого-либо облегчения, пока не сяду в ванну под струю горячей воды и не просижу там час или два, после чего отец отнесет меня, наконец уснувшего, в комнату, где я просплю всю ночь и почти весь следующий день до вечера. На следующие сутки боли уже не будет, но голова будет чугунной, не способной ни на чем сосредоточиться.

И только на следующий день я проснусь как ни в чем не бывало, первым делом увидев сидящую рядом с кроватью маму.

Еще через три дня придут результаты последнего экзамена. Я получу за него сто баллов и навсегда уеду из родного города.

Ольга Николаевна перечисляет мне фамилии авторов и названия статей, которые мне рекомендуется изучить. Я киваю и одновременно ввожу первую фамилию в поисковик на телефоне. В первом же результате выдачи картинка: карикатурный коллаж с мужским лицом, в глаза которому кто-то вбил два гипертрофированных гвоздя.

— От чего это происходит? — спрашиваю я.

— Если говорить в общем, то механизм возникновения мигренозных болей установлен, причем уже довольно давно, — отвечает доктор. — Но что именно может спровоцировать приступ, зависит от конкретного человека. Триггером может быть любой раздражитель для нервной системы. Для кого-то должны сложиться сразу несколько факторов. Кто-то реагирует на резкие запахи, кто-то на жаркую погоду, ну а кто-то вообще на сыр с плесенью...

Шесть лет назад в нашей аспирантской квартирке сыр с плесенью, безусловно, водился, но плесень в нем была не слишком благородного качества. Хотя допускаю, что в тот вечер, когда меня сковал в своих объятиях второй мучительный приступ, я мог раскошелиться и на настоящий *camembert*.

Шел октябрь, но было еще тепло. Приближался вечер субботы, и я был совершенно счастлив. Институтские проблемы можно было спокойно задвинуть на все выходные, потому что неважные дела (наблюдения по нашей теме) как раз только что закончились, а важные (написание отчетов по грантам) еще не начались. К тому же наша профессура так плотно отметила юбилей завкафедры в пятницу, что новостей от них можно было не ждать до самого вторника. Словом, я был свободен, а главное, была свободна и полностью в моем распоряжении наша съемная квартира на Ленинском, потому что сосед вместе со своим рюкзаком-переростком уехал мокнуть в подмосковных болотах. А это означало, что я наконец-то мог организовать для своей новоиспеченной дамы сердца романтический вечер без посторонних глаз и — в особенности — ушей.

Сильный голос этой особы в (скажем так) утонченных ситуациях становился проблемой для соседей, однако именно благодаря ему произошло наше стремительное знакомство. Был вечер студенческой комедии в институте. Выступить был должен совершенно хрестоматийный для подобных событий состав: трое самоуверенных первокурсников, которые играли в детском театре и наверняка были школьными знаменитостями; легендарный коллектив с некогда остроумным названием, куда входили вечные студенты и выпускники N-летней давности; аналогичный коллектив, но из другого института, приглашенный по бартеру; и один очень живой профессор, уже лет тридцать пишущий монологи, подражая Жванецкому. Студентов средних курсов на таких вечерах можно было увидеть редко, вот и в этот раз присутствовал только один — это был талантливый третьекурсник из нашей научной группы, благодаря которому я и оказался на вечере. Он собирался выступать впервые и поэтому позвал коллег по группе его поддержать; _____

согласились, как водится, почти все, но пришел в итоге я один, поскольку остальные успели придумать уважительные причины.

Вечер проходил в большой учебной аудитории, окна для антуража были завешаны плотным черным бархатом, а на двух облезлых коричневых досках цветными мелками были нарисованы схематичные портреты Чарли Чаплина, Юрия Никулина и еще двоих, полагаю, комических персонажей, изображение которых художнику далось с большим трудом. Свет был выключен, зато сцену подсвечивала пара древнего вида прожекторов, явно переживших не одно поколение студентов. Зрителей было человек двадцать, то есть чуть больше, чем участников, и все были настроены весьма благосклонно. Ведущий тоже был очень добродушен и методично призывал поддерживать выступающих нашими бурными аплодисментами.

Номера были достаточно остроумными, публика часто смеялась. У коллективов старой школы были отрепетированы очень пластичные выходы на сцену и отбивки между номерами. Мой молодой коллега сильно волновался, но, несмотря на это, сумел рассмешить зрителей удачными шутками про пересдачи и отчисление. Громче всех смеялась девушка, сидевшая на дальнем от меня ряду. У нее был очень низкий и очень громкий смех, но это был не тот смех, который раздражает, а тот, что заставляет смеяться всех вокруг. Лица ее в темноте я разглядеть не мог — видел только, что она сидит одна.

После монолога старого профессора (он был в строгом учительском костюме с ярким розовым галстуком) на сцену позвали трио первокурсников. Те объявили, что сейчас мы, зрители, станем свидетелями (так и признались: «сейчас вы станете свидетелями...») импровизационного шоу. Выдержав драматическую паузу, они начали выступление. Сначала они играли в игру, когда зрители предлагают персонажей и ситуацию, а артисты ее показывают, причем зрители могут выкрикивать какие-то указания, и артисты обязаны их исполнить. Получалось у них неважно, хотя казалось, что и собой, и

происходящим они довольны. Закончив с этой ситуацией, они перешли ко второй игре, в которой было все то же самое, но зрители могли крикнуть «это рэп!», и говорящий артист должен был какое-то время изъясняться речитативом. Особо успеха не случилось и в этот раз, и трио перешло к последней игре.

— А для последней игры (тихие выдохи облегчения) нам потребуется зритель из зала! — заявил самый высокий из трех артистов, белобрысый красавец. — Девушка, давайте вы? Вас как зовут? — обратился он к студентке, сидящей рядом со мной.

Та заметно вжалась в сиденье и отчаянно замотала головой.

— Тогда, может быть, вы? — спросил белобрысый теперь у меня, слегка смутившись.

Отказываться второй раз было неудобно, поэтому я под хлипкие аплодисменты вышел на сцену. По пути я бросил усталый взгляд на своего молодого коллегу, который только пожал плечами, мол, старик, я тут не при делах...

— Правила игры следующие, — начал объяснять другой участник трио, чуть пониже и с оформившимся пузиком. — Вы (показывает на меня) будете актером спектакля, который забыл слова. Мы (показывает на себя и на третьего первокура, смугленького и низкорослого) будем вашими партнерами, а наш коллега будет вашим суфлером. Все понятно?

Я неопределенно кивнул, он хлопнул в ладоши («поехали!»), и игра началась. Длилась она минуты три, но мои внутренние часы показали не менее получаса. Оказалось, что я играю Кинг-Конга, а пузатый — бедную девушку, которую я похитил. Смуглый же исполнял роль самолета, который должен был время от времени в меня врезаться.

Это было стыдно, и это было несмешно. Но она смеялась. Она смеялась над тем, как я нелепо переставляю ноги и как грозно рычу, и как пролетает у меня под мышкой бездарный самолет. Услышав этот повторяющийся смех, мои партнеры приободрились и попытались повысить градус абсурда, заменив персонажа-самолет на персонажа-самку для Кинг-Конга, которая появилась бог знает откуда. Смех загадочной незнакомки усиливался, стали посмеиваться и остальные зрители. В финале, когда Кинг-Конг, его самка и бедная девушка образовали любовный треугольник, зал уже вовсю гоготал. Этим все и кончилось.

По завершении вечера я вместе с остальными зрителями вышел в коридор. Она стояла возле стенки и как будто бы ждала кого-то. Я подошел, чтобы поблагодарить за поддержку и похвалить ее незабываемый смех.

— Вы правда хорошо смотрелись в образе гигантской обезьяны, — сказала она. — Не думали о карьере артиста?

Потом мы пару недель встречались, урывками видясь между ее занятиями и моей научной работой, имея возможность побыть наедине только в редкие моменты отсутствия ее соседок по комнате в институтском общежитии. А потом наступила та самая суббота, когда...

...Ее руки расстегивали мне пуговицы на рубашке, в то время как мои лезли ей глубоко под футболку спереди и сзади. На секунду она остановилась, должно быть, обратив внимание на обшарпанные обои у меня за спиной.

— Давай я свет выключу, — сказала она, толкнув меня на диван. Я упал на него спиной, картинно раскинув руки в ожидании продолжения. Она добежала до выключателя и щелкнула им; комната тут же опустилась во мрак, нарушаемый только светом фонаря, висящего прямо напротив окна. Я бросил короткий взгляд на этот яркий и очень раздражающий желтый огонек, в свете которого (тут надо отдать ему должное) ко мне

в объятия возвращалась она, и футболки на ней уже не было...

— Прости, остановись! — вдруг сказал я чужим голосом и отстранил ее от себя. — Тебе, наверное, будет лучше уйти.

— Что ты сказал? — переспросила она тоном, полным непонимания.

Я аккуратно столкнул ее с себя на подушки и сел, уперев локти в колени. Зажмурился несколько раз. Не помогло.

— Я сказал, что нам нужно прекратить. Боюсь, что сейчас мне будет не до романтики.

Было трудно поверить в собственные слова, но издевательски пляшущий в темноте узор не оставлял сомнений. Он висел на прежнем месте: слева и снизу. Я коротко объяснил ей, что именно сейчас будет происходить, и еще раз попросил ее оставить меня одного.

— Не пойду. Ложись, — тихо сказала она.

Я положил голову на ее колени, а она слегка растерла ладони и накрыла мне лоб. Чуда, конечно, не произошло — была и тупая боль, как будто бы по голове сбоку размашисто ударили молотком, и неподвластные слезы из глаз, и вихрящаяся муть в животе, груди и повсюду. И вновь хоть какое-то облегчение пришло только после нескольких часов под слабенькой струйкой горячей воды в гулкой душевой кабинке с облупившейся краской на дне. Но не покинувшая меня будущая жена, несомненно, скрасила эти бесконечные часы; пусть чуточку, но скрасила.

Доктор продолжает увлеченно рассказывать о всевозможных триггерах мигрени, я, в свою очередь, понимающе киваю. В ее голосе слышится некое подобие восторга, что немного меня смущает. Другие врачи, коих я повидал немало, на мои

показания хмурили брови и задумчиво спрашивали, хорошо ли я кушаю. На встречный вопрос о природе галлюцинаций уточняли, хорошо ли я сплю. Все они искренне старались походить на крупных специалистов и не могли себе позволить никаких эмоций по поводу головных болей. Однако именно Ольга Николаевна поставила мне диагноз с пяти слов, чего другие ее коллеги сделать почему-то не смогли. Так что я слушал и не перебивал, хотя восхищаться механизмами боли, моей пожизненной истязательницы, почему-то не получалось.

Итак, теперь я знал, как это называется. Назвать проблему — необходимый шаг для ее решения. Мигрень с аурой. Аура с мигренью. Сначала аура, потом мигрень. Бывает мигрень без ауры. Наоборот бывает редко. Мне же повезло, у меня два из двух.

— Считается, что от ауры с мигренью страдал, например, Ван Гог, — говорит Ольга Николаевна. Тон — натурально лекция в институте. — «Звездную ночь» знаете? Там еще небо такое странное. Так вот, это небо может быть изображением ауры, которую видел художник. Вообще мигрень многие называют болезнью гениев...

С проникновенным взглядом киваю, польщенный, а сам думаю, не было ли мигрени, скажем, у Курта Кобейна.

— Ладно, — говорит доктор после небольшого экскурса. — Вам всего этого знать, наверное, необязательно. Главный вопрос, который, кстати, вы почему-то не задали, это «как обстоит дело с лечением?»

— Как обстоит дело с лечением? — спрашиваю я невозмутимо.

— Дело обстоит хорошо. Я вам выпишу рецепт на три препарата. Первый надо выпить, как только появилась аура. Второй — когда она пропала. Если лечение вам подходит, то эпизод непосредственно боли — по-вашему, «третья фаза», — не наступит вовсе.

Попробуйте тогда лечь спать или хотя бы отдохнуть.

— А третий препарат?

— Третий примете, как проснетесь. Он снимет остаточные симптомы, и вы на следующий день будете не такой вялый.

Благодарю Ольгу Николаевну и обещаю держать ее в курсе успехов лечения.

— Надеюсь, больше мы не увидимся, — говорит она с улыбкой, и я понимаю, что это ее фирменная шутка на прощание.

Я спускаюсь по медленному эскалатору бизнес-центра, приютившего в своих стеклянных недрах спасительный кабинет. В кармане брюк невольно мызгаю тоненькую стопку из трех бумажек, хранящих в себе секреты избавления от страданий. Почему пришлось так долго ждать этого момента? Разве это какие-то тайные знания? Доктор, правда, что-то говорила про то, что эффективные лекарства появились сравнительно недавно, но в конце-то концов... А может быть, я и сам не очень-то искал решение этой болезненной задачи?

Пока лесенка тянет меня вниз, ощущаю, как вибрирует в кармане телефон, и почти сразу же еще раз. Достаяю — и правда, пришло два сообщения, одно от матери, другое от жены. В первом фотография: довольные моськи родителей на фоне свежавыкрашенного забора в деревне, приписка «Приезжайте в гости!». Во втором — напоминание купить в магазине у дома детского пюре и присыпку.

Через вальяжно вращающиеся двери выхожу на улицу в прекрасный летний вечер. Слабо дует свежий ветерок. Телефон в руке вибрирует еще раз — это жена забыла спросить, как прошел прием у врача. Улыбаюсь сам себе, коротко отвечаю — скоро приеду домой, расскажу... Небо немислимого красного цвета; чистое над головой, но с полосой мрачных туч на горизонте.

Я достаю из кармана три бумажки, успевшие изрядно помяться, но сложносочиненные поездopodobные названия на них все еще различимы. Читаю их вслух, как скороговорку, и сминаю их в один комок. Рядом с выходом стоит урна — туда они и отправляются, разом все три.

Надо бы нам и правда съездить в деревню.

В последний день зимы

Елена Чижова

Плотные, туго набитые снегом облака нависают тяжело и равнодушно. В разрыве белесой пелены проглянуло далекое, высокое небо. Но быстро — буквально пара порывов ветра — снова скрылось за давящей массой. Кобальт проглочен серым.

Небоскребы растворяются в сыплющихся сверху кристаллах постепенно: сначала исчезают белые части фасадов, теряя глянец. Затем, этажей на пять повыше, тает серое панорамное стекло. И наконец, только черные рамы, как крепкие сваи, структурируют недоснег, чтобы пропасть выше. Шунгит растворен в сером.

Если встать ближе к балконным перилам и посмотреть вниз, иллюзия единства небоскребов распадется. Тридцать четыре вертикальные полосы глянцевого фасада и тридцать шесть вертикальных рядов одинаковых панорамных окон оказываются тремя зданиями. На земле становится понятно, насколько дома огромны и основательны. Между ними пока пустыня — снег с грязью, островки замерзшей глины, следы грузовиков и брошенные строительные материалы. Ветер создает барханы, наслаивает земляные узоры на новых слоях снега. Для внимательных — превращая случайное в искусство. Сиена немного гасит серое.

До того, как построили небоскребы, с балкона вся Москва была как на ладони, иногда я видел пять сталинских высоток из семи. Золотой шпиль ближайшей, на Баррикадной, стал привычной деталью пейзажа. В ясную погоду показывалась самая редкая — на Котельнической. Притворялась

миражом, но все же трезубец башен и круглый шпиль рассмотреть удавалось. Теперь же только черно-белый забор небоскребов от земли до облаков.

Вдоль строительной площадки, уткнувшись в ограждение, мокнут десятки машин. С моего этажа они кажутся не больше спичечных коробков. Снежные шапки на крышах влажно оседают, текут по стеклам, блестят пятнами под колесами. Мимо машин движутся запятые — опущенные головы и сутулые плечи, — спешат куда-то, перескакивают через лужи и оставляют следы на свежем, быстро тающем снегу. Следы в магазин и на остановку обновляются, а вот редкие в сторону нашего дома замечает, растворяет непогода. Сверху происходящее на земле выглядит эскизом реальности. Сепия разбрызгана в сером.

Сигарета давно погасла. Пепел коротким серым столбиком еле держится, чуть посильнее ветер — окажется на ботинках. Виридоновый нубук уже намок, пепел угрожает яркому цвету. Ловким движением отправляю окурочек вниз, в катакомбы стройки. И сразу удивляюсь себе, вот же пепельница, только протяни руку. Неужели так пожалел тимберленды? Джоггеры задрались, торчащие волосы на фоне ботинок — оранжевый кадмий — хороший контраст, на холсте я бы усилил.

Вдруг замерз. Холод сначала крепко обнял под худи, а затем быстро проник внутрь, под кожу, но перестал ощущаться у границы того нового и тяжелого во мне, чему не могу дать определение. Сначала я чувствовал это как дыру. Будто грудину насквозь пробил

старинный снаряд, но не убил сразу. И жизнь утекала медленно-медленно сквозь некровоточащую, не затягивающуюся рану. Я даже привык к этому состоянию, перестал обращать внимание. А напрасно. Потому что однажды вместо пустоты обнаружил ледяной, уплотняющийся и растущий шар. Он заменил ребра и позвоночник, удерживая меня. Он сдавил легкие, почти отучив дышать. Он тяжелеет каждый день, достигнув плотности, неизвестной на нашей планете. Будто горошина этого вещества весит сотню тонн, а я ношу в себе шар пятьдесят второго размера. Уже нет сил, если честно. Кажется, я умер, оставаясь для всех живым.

Этой зимой я попробовал всё, чтобы вернуть себя себе. Чистое творчество и столько заказов на дизайн, что не отойти от ноутбука, алкоголь и клубы, одиночество и самокопание. Не вернул. Серая жизнь — не жизнь. Не моя жизнь. Не для меня.

Обернулся, сквозь стекло балконной двери оценил освещенный, лоснящийся свежими замесами холст на мольберте. Вспомнил Строгановку, поиск своего нового на четвертом курсе, Наталью Петровну и её «ну что ты рисуешь? что за пропорции? я бы такое простила только Пикассо, и то в поздний период, не в голубой и не в розовый». Живопись ускользает от меня. Я перестал уметь. Возможно, Пикассо тоже обнаружил в себе плотный шар, но позже, когда мастерство стало от него неотделимым. Поэтому-то и случился «поздний период». Прищурился. Не только пропорции, цветовые пятна на холсте — грязь. Ни красоты, ни идеи. Видеть не хочу.

Белесое небо как будто опустилось еще ниже. Давит. Бессмысленность жизни давит. В начале зимы поклялся себе, что весну встречу прежним, по-настоящему живым. Не получилось.

Скользкие от влаги перила блестят. Перекинул ногу, вторую, уселся. Подо мной двадцать шесть этажей свободы и мокрая задница. Достал новую сигарету. Когда докурю, у меня должно появиться разумное

обоснование, для чего надо жить дальше. Или в квартиру, к мертвому холсту, я не вернусь.

Чиркнул зажигалкой, затем еще и еще. Как специально, будто кто-то тянет время. Наконец, первая глубокая затяжка наполнила легкие. Выдох в белесое небо, взгляд по траектории: спускающиеся из мути, набирающие объем дома — грязь стройки — плачущие машины — исчезающие следы ног. Новая затяжка и снова тот же круг. В голове пустота. Ветер сковал обнаженные щиколотки и толкает, колко толкает в спину.

Сигарета выкурена до фильтра. Время пришло. Достаточно оттолкнуться, чтобы беспросветный серый заиграл неведомыми здесь красками.

Ого, не так-то это просто. Гулкие, эхом расходящиеся удары сердца. Оглушили. Ладно, надо просто не смотреть вниз, только прямо перед собой, на этом сосредоточиться, вдохнуть и... Выше подбородок и взгляд, смотрю только на падающие, набухшие хлопья, лишённые бликов, изгоняю страх.

Медитативный настрой грубо прервал шуршащий, царапающий воздух звук. Кажется, и не увидел толком, но с фотографической точностью зафиксировал, заглянул в глаза и навсегда запомнил лицо соседки в это мгновение. Рыхлые щеки без привычных пятен охры наплыли на глаза, превратив их в щелки. Из щелок лился ужас. У ужаса цвет индиго. Краплак сухих, обычно небрежно торчащих волос стал короной.

Я понял, только когда услышал удар тела и крик женщины, оказавшейся неподалеку. Твою ж мать! Сколько раз, оказываясь с этой соседкой в лифте, думал о том, какая она нелепая. Молодежная одежда на стареющем, теряющем осанку теле, модные цвета без умения их сочетать, душные, концентрированные ароматы и флирт с каждым, кому не повезло оказаться запертым с ней в одном пространстве. Да что там, для меня она — воплощение пошлости жизни. И теперь эта пошлость лежит на моём месте,

отобрал у меня право разбить неподъемный шар внутри.

Возмущение продолжает кипеть, но невозможно оторваться от ломаных линий распростертого тела. Едва видное с высоты, оно завораживает статичной архитектурой деконструктивизма, радикально отличающейся от привычно ожидаемого в человеческом теле. Расползается только темный капут-мртуум, поглощает розовый краплак волос. Радикальное сочетание.

Вокруг тела соседки начали собираться люди, они задирают головы и наверняка смотрят на меня. Я же не перестаю изучать схему тела, которое могло быть моим, решишь

я на пару минут раньше. Внезапное озарение: да ведь это и есть центр композиции, которого так не хватает бездыханному холсту с нагромождениями абстрактных острых форм, лишенных смысла. Разбитая пошлость.

Вернулся к холсту. Замерзшие пальцы опережают сознание, переносят, фиксируют увиденную геометрию неподвижности. Слепые зрачки цвета индиго, еще эскизно-непрописанные, уже сверлят невыносимый внутренний шар. Краплак, надо ввести розовый краплак и капут-мртуум, повисить драматизм восприятия.

«Тишина», так назову эту работу. Потому что «Крик» уже есть.

Взгляд в пустоту

Александр Мартынюк

Что только ни вытворяют люди со своей жизнью. Впрочем, имеют право — это же их жизнь. Одни подчиняют ее какой-то логике, идут к намеченным целям. Другие живут как получится, под влиянием сиюминутных желаний. Третьи — вроде бы и следуют каким-то принципам, только сами эти принципы абсолютно непонятны со стороны. И поди знай, кто в итоге был более счастлив — да и какой смысл гадать об этом? Все мы разные, и подчас — очень разные. «Почему он прожил именно так, а не иначе?» — запоздалая эта мысль приходит иногда в голову на похоронах друзей и знакомых. Но ответа нет.

Геннадия мне в путешествие сосватал один из приятелей. «Нормальный мужик, опытный. В Карелии был, на Кавказе, на Алтае. В миру программист. Абсолютно неприхотливый и выеживаться не любит». Последнее качество казалось мне особенно ценным — тогда я был еще не слишком уверенным в себе инструктором. Главное — чтобы в группе не было теневого лидера и неадекватов, тогда при любой погоде поход пройдет успешно. «Пусть приезжает, посмотрю», — ответил я.

Среднего роста, сутулый и сублильный, Геннадий обладал рыжей клочковатой бородкой и длинной шевелюрой того же цвета. Он сидел напротив меня и молчал, не демонстрируя никаких эмоций. Широкие ярко-красные губы чуть шевелились, словно жили сами по себе. Падающие на лицо спутанные патлы ледоколом рассекали огромный кавказский нос. Зеленые глаза, мерцающие из глубины, смотрели отрешенно и как бы сквозь меня, ни на чем не фокусируясь. Не буду описывать его одежду — было очевидно, что ему совершенно плевать

на то, как он выглядит, что и подтверждалось вполне ощутимым коктейлем из запахов костра, табака и пота. Ладно, не мне с ним в палатке спать. «Я романтик», — сказал он. Голос был тихий, глуховатый. Романтик, блин! «Завяжи шкотовый!» — я бросил ему кусок веревки, и он двумя движениями соорудил узел. «Хорошо, а рюкзак на тридцать пять кг потянешь»? Он слегка кивнул, и я коротко рассказал про будущий поход. Геннадий выслушал, не задав ни единого вопроса. Кажется, за время нашей встречи он произнес едва ли с десятков слов.

Маршрут наш пролегал по Полярному Уралу — сперва вверх, пешком через Уральский хребет, а затем вниз — на катамаранах по одному из притоков Оби. Стояла середина августа — лучшее время для этих мест: много ягод, грибов и рыбы, а комар уже подмерзает. Наша группа из восьми человек бодро вылезла на заснеженный перевал и остановилась для короткого отдыха. Кто-то перекусывал припасенной заначкой, кто-то подтягивал рюкзак... Геннадий сидел на камне, курил свою неизменную длинную трубку из черного дерева и смотрел в пространство невидящим взглядом. В своей отрешенности он напоминал вождя апачей.

Внезапно налетел ветер, погода испортилась, торчать на перевале смысла не было, и я дал команду идти дальше. Группа начала спуск по пологой тропе. «Я покурю и догоню», — бросил Геннадий. Через минуту солнце закрыла пелена, началась пурга. Ещё минут через десять я обнаружил, что Геннадия с нами нет. Пришлось тормозить группу и возвращать ее назад — на поиски. На перевале и вокруг было пусто, наши следы уже наполовину замело, но мне удалось разглядеть

цепочку, уходящую куда-то в сторону, на хребет. Каким образом можно было туда двинуть — не увидев нашу тропу и вопреки всякой логике — так и осталось загадкой. Уже ощутимо темнело, и я бросился по следам.

Минут через двадцать я увидел Геннадия, довольно быстро ковлявшего с рюкзаком по камням неизвестно куда. Услышав мои яростные крики, он остановился, развернулся и неспешно побрел обратно. Подошел, скинул рюкзак и немедленно достал трубку.

«Ты прости, как-то я задумался и не заметил тропу, — сказал он. — А вообще, зря вы так беспокоились, у меня с собой палатка, котелок, и еды хватает, как-то вышел бы». Геннадий осторожно уселся на рюкзак и начал чмокать своими пухлыми красными губами, раскуривая трубку. «А это ничего, что мы бы тут искали тебя до посинения, ничего, что в твоей палатке должны спать ещё двое, да и котелков у нас всего пара на группу?» Но он уже привычно расфокусировал взгляд, улыбался каким-то собственным мыслям и слегка покачивался им в такт.

Как я его тогда не прибил? Злость на Геннадия и без того копилась у меня с самого начала. Пока участники похода готовили, ставили палатки, собирали ягоды, чинили снаряжение, Геннадий занимал место у костра и, посасывая трубку, вглядывался в огонь с абсолютным спокойствием мудреца, который познал все тайны и поэтому никому ничего не должен. При малейшей возможности он впадал в это свое оцепенение и отключался, блаженно улыбаясь. Какого чёрта он вообще поперся в поход — смотреть на костёр?

Единственным, что выводило его из этого состояния, были бардовские песни. Их у нас исполняла Лилия — невысокая блондинка сколько-то за тридцать с угадываемым одиночеством во взгляде. Голос у нее был сильный, красивый, и народ охотно начинал подпевать. Геннадий тоже оживлялся, переводил взгляд на Лилию и медленно шевелил своими толстыми губами.

Поход закончился нормально, и мы с Геннадием расстались, как я полагал — навсегда. Однако через год он неожиданно позвонил и без всяких предисловий пригласил меня на свадьбу. Худой носатый Геннадий, обильно заросший рыжей шерстью, и пухленькая белоснежная Лилия казались за свадебным столом представителями не просто разных цивилизаций — разных планет. Особенно это стало заметно после нескольких тостов, когда жених начал периодически застывать в анабиозе, иногда порываясь достать свою трубку, а невеста, наоборот, восторженно болтала, всплескивала руками и звонко хохотала. Казалось, что во время их поцелуя может произойти аннигиляция.

Сам факт их свадьбы показался мне удивительным. Мог ли вообще у такого человека, как Геннадий, быть кто-то по-настоящему близкий? Мне казалось, что если ему кто и нужен, то нянька, обеспечивающая возможность отрешенно тарачиться в пространство и неспешно размышлять о бренности мира. Или хотя бы убеждать себя, что он о ней размышляет. Может быть, Лилия и решила на эту непростую роль?

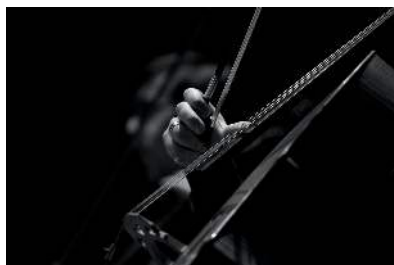
Поговорка, что противоположности притягиваются, ничего не сообщает о том, что происходит после. Через три года они развелись. «Я так и не поняла, о чём он думает, когда молчит, а он всегда молчит, — жаловалась Лилия, выбрав меня в собеседники, — провонял всю квартиру своей трубкой». Единственным подтверждением случившегося брака стало появление уменьшенной копии Лилии — крохотной Иринки. По словам Лилии, Геннадий никак не воспринял появление дочери на свет, почти не подходил к ней и взирал издали с легким удивлением, словно сомневаясь в своей причастности.

Прошла ещё пара лет, и Геннадий женился повторно. Его избранницей вновь стала Лилия. «Пригласила меня к себе розетку починить, — объяснил Геннадий, — потом пирогом угостила, вина налила... Пришлось остаться, да и по дочке скучаю». Я с трудом поверил — потому что не мог представить Геннадия чинящим розетку.

На этот раз они прожили вместе чуть больше — но с тем же итогом. После второго развода Геннадий уехал в другой город, чтобы начать новую жизнь, и надолго исчез. Я встретил его случайно лет через десять — гуляющим в парке под руку с Лилией. Они уже не были столь разительно несхожи: Геннадий округлился и ссутулился еще больше, рыжие волосы поседели, а Лилия, наоборот, подсохла и стала шатенкой. «У нас осциллирующий брак, — смеясь, сказала она, — Генку вообще никто выдержать не может, а я как-то привыкла, на несколько лет хватает, тем более он курить бросил». Геннадий стоял рядом и ничего не выражал лицом. Я уже перестал удивляться их жизненным зигзагам.

Он позвонил мне примерно через год, говорил тихо и медленно, с усилием: «Привет, я в больнице, нашли рак мозга, вчера сделали операцию и вроде удачно. Знаешь, я тут размышлял по поводу счастья. Думаю, существует замкнутая система, в которую запущено определенное количество этого вещества, скажем, каждому по литру, а дальше оно распределяется уже случайным образом, в зависимости от перепадов давления ... — Он запнулся и шмыгнул носом, потеряв важную мысль, долго молчал, безуспешно пытаясь вспомнить, затем вдруг сказал: — Знаешь, по-моему, я как-то не так жил, а почему — не знаю». И повесил трубку.

Кажется, это была самая длинная речь в его жизни.

Виолончель, Смерть и демон

Разия Волохова

Круг, пентаграмма, свечи горят,
тошнотворный запах сандала и мимозы. Он
надеялся, что этот порошок действительно
мимоза. Где в феврале взять живые веточки?
Печать. Петух в клетке. Нож. Камень — алтарь.

— Denyen valocur avage secore Amdusias!

Достаём петуха. Блин! Ну и клюв! А ну,
хватит трепыхаться! Сейчас я тебе горло... Ой!
Это кто? Он разве не единорог?

— Ты кто?

Фигура в чёрном плаще выразительно
покрутила пальцем с кровавым маникюром в
районе капюшона, а потом ткнула этим же
пальцем ему за спину.

— Ты где разложился, придурок? Сказано
же: выбери тихое, безлюдное место.

Пылающий глаз медленно наплывал на
оцепеневшего Виталика. Казалось, прошло
много-много минут, но пошевелиться, а тем
более отойти в сторону, Виталик не сумел.

— Таз и левую голень собрали спицами,
правую почку ушили, печень тоже,
кровопотеря три с половиной литра, два
собрали селсейвером. В голове гематома, пока

небольшая. Давление держит, сатурацию тоже.
Мочи не было.

Док кивала. Восторг анестезиолога ей
нравился. Теперь дело за ними и за самим
пациентом.

— Красивый! — Диана наклеивала на
свободные от повязок участки груди липучки
монитора, крепила мешки к дренажам и
проверяла катетеры и желудочный зонд.
Порядок — залог успеха!

— С чего ты взяла? — Док тыкала в кнопки
аппарата ИВЛ: лёгкие пациента
сопротивлялись дуваемому воздуху. В конце
концов она вздохнула и велела ввести
релаксанты.

— Похоже, ушиб лёгких. С чего ты взяла,
что он красивый?

— В паспорт заглянула. На эльфа похож,
только тёмный. Черты такие утончённые.

Сейчас лицо пациента скорее напоминало
сине-бордовый воздушный шарик.

— Пусть спит! — сказала Док. — И
обезболивающих побольше.

Смерть смотрела на Виталия с интересом, от этого интереса у Дианы сжимались кулаки. Пациент поправлялся медленно и с трудом. Пару дней лёгкие категорически отказывались пропускать в кровь кислород, почки устроили недельную забастовку, печень до сих пор не определилась, а сердце регулярно пыталось освоить альтернативные ритмы. Гематому из мозга всё-таки пришлось убрать, и какое-то время восстановление сознания было под большим вопросом. Но теперь пациент пришел в себя, по команде закрывал-открывал глаза, показывал язык и сжимал кулаки. Сегодня Диана наконец вытащила из его шеи трубку и заклеила отверстие широким пластырем. Пациент закашлялся, а потом прошипел: «Спасибо!» Пространство вокруг койки постепенно пустело: исчезла искусственная почка, дефибриллятор перекочевал на положенное ему место на реанимационном столе, а из восьми инфузوماتов остались всего два. Через пару дней прошивающие таз и голени спицы заменят внутренние пластины, и он сможет встать. Плохо ли?

Смерть уселась на пустую койку и уставилась на уже не распухшее, но всё равно сине-багрово-желтое лицо. Диана принялась перебирать содержимое реанимационного столика, демонстрируя, что не намерена оставлять подопечного наедине с этой.

— Отстань от него! — набросилась она на Смерть в ординаторской. — Он уже выжил.

— Да выжил. — Смерть отмахнулась шоколадным пончиком. Сахарная пудра густо обсыпала чёрный плащ. — Но я его раньше видела. В интересных обстоятельствах.

— Ты кого вызывал? — спросила Смерть на следующий день.

— Амдусиаса, — признался Виталик. Почти отсутствующие брови Смерти улетели за край капюшона.

— От него-то тебе что понадобилось?

— Конкурс выиграть. Виолончелистов.

— И ты ради конкурса? Вызвал демона?

— А что? — Голос Виталика почти перестал сипеть. — В нашем деле ты или всё, или в ресторанах играешь. А мне уже двадцать пять почти. Сам я бы не выиграл.

— Небось, всё заранее распределено?

— Да нет. Просто я недостаточно хорошо играю. Музыка-то чувствую всеми... в общем, чувствую. А играю плохо. В дипломе по специальности четвёрка. Бывали же случаи. Паганини, Роберт Джонсон.

— Поэтому на перекрестке вызывал?

— Ну да. На перекрёстке в полночь как-то надёжнее. Слушай. — Он попытался схватить Смерть за рукав. Пальцы прошли насквозь, а Смерть поморщилась. — Ты ведь была там? Верно? А почему я выжил?

— Потому что не умер, — рассердилась Смерть. — Моё дело маленькое: отправить умершего за черту, чтобы не заблудился. Живые мне без надобности.

— Понятно, — вздохнул Виталик. — И ведь всё равно не вышло. Петуха-то я, того, не смог убить. — Он вытянул ладонь и полюбовался следами петушиного клюва. — Интересно, он там не замёрз?

— Не замёрз, — успокоила его Смерть. — Прибился в соседнюю деревню, подрался с

местными петухами, и его забрала одна бабка.

— Это хорошо. — Виталик прикрыл глаза.
— Петух-то ни в чём не виноват. Скажи, а что там, за чертой?

— Да не знаю я, — буркнула Смерть. — Меня не пускают дальше порога.

— Не знаю, как он играет, но сочиняет здорово! — сказала Док. Они со Смертью устроились на почётных местах в первом ряду партера. Большинство зрителей спутницу Док не видели, но присесть на «пустое» кресло не пытались.

— «Демон и смерть», звучит пошло, — пробурчала Смерть. — А с фантазией у него всё в порядке. Да и музыка. Мрачноватая, конечно...

— Но пробирает до дрожи, — призналась Док. — Я, знаешь ли, люблю виолончель. Даже мечтала играть, в детстве.

— А почему не научилась?

— Ну... потратить большую часть жизни, не имея серьёзного таланта? В медицине что хорошо? Не нужно быть лучше всех, чтобы быть на своём месте.

На них наконец шикнули.

— А что бы ты сделала, если бы демон действительно явился? — спросила Док в

антракте.

Смерть пожала плечами. Пончики в буфете были меньше, чем в её любимой пекарне, так что она взяла сразу четыре штуки. Док задумчиво гоняла по бокалу нечто ядовито-голубое, на тающих льдинках.

— Пригласила бы выпить кофе с плюшками. У них там небось ни кофе, ни плюшек. Тоска.

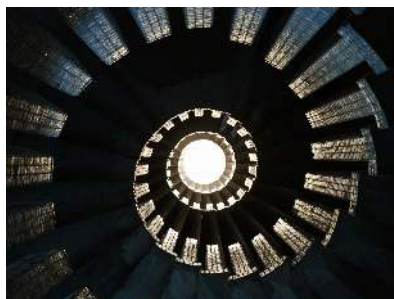
— А что бы ты у него попросила? — не отставала Док. — Желание?

— Да какие желания у антропоморфной функции, — хрюкнула Смерть сквозь пончик.

— Плюшки действительно хороши. Но люди... туповаты на мой вкус. — Амдусиас неодобрительно смотрел, как Смерть насыпает пятый пакетик сахара в свой капучино. В этом кафе её обслуживали спокойно и бесплатно, хозяин считал это хорошей инвестицией.

— Люди разные, — ответила Смерть. — Они умеют учиться, если понимаешь, о чём я. Просто с желаниями у них неразбериха. Кстати, зачем тебе мёртвый петух?

— Мне и мимоза не нужна. А от сандала я чихаю. Но в гримуарах записано. — Он хихикнул. — Давно хотел этому парню мозги вправить. Но у этих, современных, вызов демонов не в моде. Хорошо, Астарот подсказал. Отличная штука эта контекстная реклама! Запустил и жди, когда до клиента дойдёт, что к чему и где рецепты взять. Погоди, посмотришь, что он ещё напишет. У меня на него большие планы. Он, бедняга, и не подозревает, что я явился и что меня надо отпустить... — Демон одним глотком выпил эспresso и откусил половину плюшки.

Виток спирали

Наталя Перунова

Забавно. У автобусной остановки замшелого ближневосточного городка растут те же, что и на подоконнике за три тысячи километров, суккуленты, шефлера и герань. Здесь они бройлерные, в виде деревьев, а мои — нежные, выпестованные маленькие кустики в одинаковых керамических горшочках.

Чуть больше года назад я привезла отростки в багаже из дома, в котором жила последние тридцать лет.

Конечно, в городе у заснеженных гор можно было и купить комнатные растения, но мое невинное хобби — отщипывать понравившиеся листья и выращивать из них растения с историей. Вот суккулент — он с кафедры института, а шефлера — Юлькина. Мы познакомились на первом курсе, в университетской лабораторной. Неравная борьба с задачами по теоретической механике сблизила нас на долгие годы. Дружили почти вечно: досыпали на парах, ходили замуж, разводились, растили и женили детей. Сейчас не разговариваем, у нас все не так однозначно. Я скучаю.

Из цветущих — только герань. Неприхотливая, слишком розовая, с едким запахом. Мамина. Ей, химику, герань пахла фитонцидами, а мне — клопами. Мама умерла за несколько месяцев до нашего отъезда.

Ныне действующий муж считает мое хобби очередной придурью. Он цыкает языком и закатывает глаза, когда я осматриваю подоконники в общественных

местах в поиске новых флористических находок. Однако в мое отсутствие исправно поливает растения и, нещадно коверкая названия, шлет отчеты о своём трудовом подвиге и состоянии зелёной коллекции.

Вроде мой автобус. До мегаполиса — час пятьдесят.

Столько же шкандыбал автобус-вонючка из городка моего детства до Первопрестольной.

И дорога похожа: сплошь сельскохозяйственные угодья. Только вместо картошки, свеклы и капусты — банановые плантации и мандариновые сады.

В школе я обожала уроки истории и энергичную, громкоголосую брюнетку Татьяну Владимировну, которая их вела.

Она аргументировала, зачем надо учить ее предмет: в истории цивилизации события регулярно повторяются, но не точь-в-точь, а будто по спирали, видоизменяясь по времени и месту, но сохраняя суть.

В кино это называется ремейк. Не скажу за всю цивилизацию, но моя жизнь сейчас и правда похожа на ремейк.

От краткого содержания предыдущих серий и схожести сюжетов между лопатками

становится холодно и липко.

Вокзал. Моя прабабка с выжившими пятью из двенадцати детей ждет поезда, чтоб уехать в хлебные края. Мимо комиссар в кожаной тужурке:

— Тетка, ты куда с такой оравой?

— Не знаю, лишь бы прокормить...

— Едем со мной, будешь в детском доме работать, и твоих не обидим.

Уехали, выжили. Четыре девочки и один мальчик. Мальчика, когда вырастет, расстреляют.

Где-то неподалеку, в станице, название которой сейчас во всех новостях, жил другой прадед — Семён. Лучший столяр в округе, дом саманный, одно плохо: детей у них с женой Сашей все не рождалось. Но и тут повезло: соседка, кривоглазая бабка, научила.

— Ты, — говорит, — Саша, носи, не снимая, мужнины подштанники, и понесешь.

Так и вышло. Каждый год — по хлопцу, три сына. Через десять лет, когда грянула Великая Октябрьская, хату экспроприировали под колхозное правление, но ничего, главное, живы все. Прошло еще десять лет, и среднего, будущего моего деда Ивана, советская власть особо отметила и командировала в ленинградский политех, учиться на энергетика. Он и поехал вместе с молодой женой Анечкой, одной из тех девочек с вокзала, что в хлебные края собирались. Хорошо жилось в большом красивом городе: дочки родились, комнату дали, обои поклеили, круглый стол купили, скатерть и абажур. Жаль

только, что среди друзей семьи, что за тем столом собирались, оказалось много людей подозрительных: шпионов, предателей и врагов народа. Вопросы возникли. Но успели, уехали, выжили. Спрятались в маленький закрытый городок на берегу холодной судоходной реки. После войны отец семейства, Иван, стал много пить и рано умер.

Вернемся ненадолго в предыдущие декорации. Почти там же и почти тогда же, где столяр Семён строил каменную хату, а его жена носила мужские подштанники, с давних пор проходила черта оседлости. Жизнь в местечке иногда разнообразили поджоги, иногда — погромы, но в целом было уютно.

Моня и Соня считались удачной парой.

Соня слыла роковой красоткой и прожила в этом убеждении всю жизнь.

Когда мы с ней виделись последний раз, ей было семьдесят три, она густо красила губы морковной помадой и смолила забористую «Шипку» без фильтра.

Почему мои будущие дед с беременной бабкой и годовалым младенцем на руках спешно собрались на Русский Север — не знаю, спросить не у кого. Но спустя три месяца на берегу холодной судоходной реки родился отец, а еще через несколько месяцев жителей маленького старинного городка на границе с Польшей согнали в гетто и расстреляли.

Везунчик-Моня, попав на новом месте в северные лагеря, вернулся обратно живым и даже относительно здоровым.

С Соней жизнь складывалась, и к двум рыжеволосым сыновьям добавилась зеленоглазая девочка, моя юркая, озорная тетка.

Хорошо жилось на берегу холодной судоходной реки. Дети выросли, поженились и

поехали, как положено, по распределению и велению коммунистической партии строить светлое будущее. Социализм до конца построить не удалось, но, помотавшись по бескрайним просторам одной шестой части суши, свое светлое настоящее родители прекрасно построили. И тоже на высоком берегу большой реки, среди березок, в академгородке. Собирали землянику, развивали науку, растили дочерей.

Дочери выросли, сели на рейсовый автобус и вдоль полей с капустой, свеклой и картошкой отправились в самый красивый город с рубиновыми звездами и большими перспективами. По выходным навещали родителей, ходили купаться, варили земляничное варенье. Когда отца не стало, дочки забрали маму к себе.

Вырастили дочки в большом красивом городе своих детей. Старшая — девочку. А младшая — мальчиков. Мальчики получились

что надо. Красивые, умные, образованные. Но не без изъяна: возраст у мальчиков — самый аппетитный для рубиновых звезд. А звезды, кажется, опять проголодались.

Права была учительница истории, Татьяна Владимировна — мы на очередном витке спирали. Так что с одной стороны — они, рубиновые, с другой — саманный дом и местечко.

Ну да, точно, мой автобус. Через час пятьдесят буду в красивом, неосознаваемо древнем городе. Здесь теперь живут мои сыновья.

Отщипну лист герани, посажу у них. Пусть дышат фитонцидами.

Надеюсь, муж не забудет полить шефлеру и суккуленты.

Вопрос Веры

Ашот Оганесян

Думаю, я могу ответственно заявить, что никто не понимает квантовую механику.

Если есть возможность, прекратите спрашивать себя «Да как же это возможно?» — так как вас занесет в тупик, из которого еще никто не выбирался.

Ричард Фейнман

С самого утра ее не покидало какое-то непонятное, утробное чувство. Слева внизу живота саднило и, поднимаясь тревожной волной, вызывало легкую тошноту. Вера тряхнула головой, пытаясь скинуть раздражающий морок. Залпом допив чай, она резко поднялась из-за стола и тут же смахнула локтем любимую тарелку. Бирюзовые глазурованные осколки со звоном разлетелись по серой плитке. Вера закрыла лицо руками. Да что же за день такой?! Все из рук валится! С утра Саша чуть не опоздал на самолет, теперь эта тарелка! Плевать на всякие приметы, но чего так ноет...

Не по-октябрьски ласковое солнце осторожно заглянуло в кухню, и пугливый зайчик перескочил с самого крупного осколка на лицо Веры, слегка ее ослепив. Она тяжело вздохнула. Почти десять, через полчаса Нике на кружок. Быстро убравшись, Вера заглянула в детскую: дочка прилежно складывала вещи в рюкзак. Никуш, чуть побыстрее, пожалуйста. Мамины оливковые глаза моргнули в ответ. Вера улыбнулась, треугольник между бровями разгладился. Шесть с половиной уже, на следующий год в школу. Пролетело время...

Вера подошла к зеркалу в гардеробной. Все те же темно-русые волосы, на солнце вспыхивающие глубоким рыжим. Родинка в ямке под нижней губой. Непонятно когда возникшие мелкие лучики вокруг глаз. Все та же, да не та. Время... Времени нет, говорил он... Ай! Снизу слева вонзилась острая пика. Стоп! Девятое октября! Сегодня ровно десять лет, как он ворвался в ее жизнь. И скоро восемь, как исчез. Кем он был Вере? Она и сегодня не могла ответить на этот вопрос. Каждую встречу они сжигали друг друга дотла и воскрешали заново. Да как же это возможно, спрашивала она? Откуда ты взялся, где ты был раньше? Он улыбался: два электрона во Вселенной всегда связаны между собой, даже когда физически не взаимодействуют, а между ними огромные расстояния — квантовая запутанность называется. Да как же, вновь удивлялась она, уютно устраиваясь у него на груди и представляя себя маленьким электроном, что вращается вокруг его сердца, гулко стучащего под ее ухом. Вопрос веры, отвечал он. И снова смеялся — главный вопрос Веры. Запутанность, твою мать! Навсегда запомнила я твою запутанность! Вера сглотнула подступившую горечь и сжала губы. Родинка побелела.

— Да ты соберешься сегодня или нет?! Сколько можно ждать? — Вера резко шагнула в коридор. Ника испуганно прижала к себе рюкзачок с нарисованным внимательным совенком.

— Извини, родная. — Вера стала поспешно застегивать куртку дочери.

До школы рисования оставалось метров двести: перейти дорогу и направо. Кажется, еще недавно сама ходила в художку, а вчера уже показывала дочери свои экслибрисы. Вере нравился этот жанр. Было что-то притягательное в такой символической концентрации смыслов, сохраняющих одновременно ощущение тайны... Вера машинально следила за помпоном Никиной шапки в нескольких шагах впереди. Красный шарик летел то вверх, то вниз, то покачивался из стороны в сторону, когда Ника запрыгивала на самокат. С утра неожиданно подморозило, и тротуар все еще сверкал тоненькими зеркальцами оцепеневших лужиц. Ника, осторожно, скользко!

Самокат! Уже немного притупившаяся пика глухо ткнулась под нижние ребра. Господи, десять лет... Желтый электросамокат, они как два подростка: он рулит, она прижимается к нему, уткнувшись в шею. И этот запах... Запах разлитой в зеленом июле безмятежности. Запах страсти. Нет, много больше: запах, который напрочь лишил ее воли... Вера на мгновение зажмурилась.

Пронзительный визг тормозов ударил яркой вспышкой. Вот Ника вылетает на самокате на «зебру», вот черный BMW резко забирает левее, цепляя «встречку», вот какой-то мужчина в полупрыжке с тротуара летит к Нике и тянет руку, кто-то истошно кричит... Ноги Веры подломились, лицо обдало огнем, открытый рот застыл, силясь продлить вылетевший вопль. Розовый самокат юзом проскользил по «зебре», BMW, отчаянно сигнала, удалялся в сторону перекрестка. Нику, враз утонувшую в своей новой куртке, крепко держал мужчина.

— Ника! Сколько раз я тебе говорила?! — Подлетевшая Вера замахнулась на дочь, одновременно пытаясь справиться с дыханием.

— Не бейте, пожалуйста, девочка и так сильно испугалась.

Вера похолодела, по позвоночнику пробежала дрожь. Не глядя на мужчину, она резко схватила и прижала к себе Нику.

— Извините, я вас даже не поблагодарила. Спасибо! Страшно даже подумать. — Вера осторожно подняла глаза. Пика по самое древко вошла в селезенку, проткнула диафрагму и застряла, лишив воздуха.

— Ты?! — услышала она. Сомнений больше не осталось.

Вера распрямилась. Мыслей не было. Голова звенела. Мужчина смотрел на нее в упор.

— Классное имя — Ника, — наконец, произнес он. — Почти как твое.

— Как ты здесь оказался? — выдавила Вера.

— Вера. Ника. Вера-ника. Приносящая победу. Или побеждающая веру?

— Как ты здесь оказался?! — почти крикнула Вера.

— Проездом. Вот-вот исчезну.

— Я про «зебру». Это невероятно! Ты! Именно ты спас моего ребенка!

— В реальной жизни нельзя пренебрегать даже ничтожно малой вероятностью. — Он уже взял себя в руки.

— Ага, квантовая механика. Физика невозможного, два электрона. — Вера горько усмехнулась.

— Я не забыла ни-че-го.

На дороге засигналили, Ника вздрогнула.

— Слушай, мы так и стоим на «зебре». — Он взял девочку за руку и вернулся на тротуар. Вера шагнула следом, держа ребенка за вторую руку.

— Я тебя только выкричала, а ты опять, — простонала она.

— А я тебя нет. И не хочу. Я растворил тебя в себе. Ты теперь и везде, и нигде, — глухо сказал он и с деланным весельем добавил: — Прости меня. И пользуйся по возможности подземными переходами.

Вера вlepила ему пощечину. Щека мужчины вспыхнула. Руки Ники дернулись в их руках.

— Я всегда хотел от тебя девочку. Мечтал, чтобы у мира было твое продолжение. Верил, что так и случится. И вот — во Вселенной летает еще один электрон Веры.

Мужчина наклонился, поцеловал Нику в щечку, а затем вдруг разбежался, взмахнул руками и взлетел над «зеброй», кружась и постепенно забирая все выше и выше.

Говорят, люди не умеют летать, но кто ж ее знает — эту чертову квантовую механику. В конце концов, все в нашей жизни так или иначе определяется верой.

Время Рюриковичей

Ольга Бор

У-у-у, бесит!

Юльку бесит всё: треснувшие, как чёрствый мякиш, подошвы кед, сдавившая плечо лямка рюкзака, свежий больничий прыщ на лбу. А еще саднящее запястье, и чужой острый запах, и ощущение собственной беспомощности, но главное — стыд-стыд-стыд, от которого так хочется поскорее отмыться.

А, да. И Рюриковичи до кучи.

Наплевав на стремительно намокающие ноги, Юлька шлёпает драными кедами, разбрызгивая отраженное в лужах льдистое мартовское небо.

Дверь открывает мама.

— Привет.

— Угу.

Опрометью в комнату, рюкзак (наконец-то!) — в угол между кроватью и шкафом, школьный кардиган, блузку, брюки — кучками по полу.

Дома пахнет уютно: то ли котлетами, то ли макаронами по-флотски. И от этого почему-то становится ещё обиднее — конечно, всем же до фонаря, как там Юлька в школе, что с ней. И ещё больше подгорает избавиться от налипшего, фантомного уже запаха.

Нет, в душ. Срочно, срочно в душ.

С толстовкой и трениками наперевес Юлька стучит босыми пятками по коридору и мышкой шмыгает в ванную.

Даже водопровод против нее: то холодная, то горячая.

О, во. Норм.

Вода бьёт по макушке, волосы растекаются по шее, но облегчения почему-то не наблюдается. Закроешь глаза и по новой: «Тихомирова, куда собралась? Такой тупой с такими сиськами одной ходить опасно!»

Гадость. Какая же гадость!

Вот бы как с плохими снами — наговорил на бегущую воду, и все смылось, унеслось в канализацию: и голос этот с ломаной хрипотцой, и след на запястье от обветренных пальцев.

И даже Рюриковичи. Эти особенно.

На фиг вообще эта школа? Ну, завалит она ЕГЭ. Ну не поступит. Ну и что? Мама, вон, не работает уже много лет, а она, Юлька, чем хуже? Выйдет за нормального и будет домохозяйкой.

За что ей все это? Вот за что?

Нос закладывает совершенно предательски: внезапно и насовсем. И тут же заволакивает глаза.

Только этого не хватало. Теперь мама заметит, пристанет: «Что случилось?»

Может, пожаловаться? Без толку... И так понятно, что она скажет: надо к классухе. Или ещё хуже — к школьному психологу. Отцу вообще про такое не расскажешь.

Дашке позвонить? А смысл? Она уже свои соображения сформулировала. Благо, они у нее традиционно лаконичные и не менее традиционно тупые: «Забей».

А завтра опять в школу. И контрольная по истории.

Сквозь шум воды и собственные всхлипы с кухни доносятся глухие, как из-под подушки, родительские голоса.

«... ни слова ей больше не скажу, бу-бу-бу», — концовку не слышно, видимо, отец ходит по квартире.

«Не мучай ни себя, ни её», — мама. Раздраженная какая-то.

Только этого не хватало. Похоже, перемывают дочери кости. Значит, у обоих очередное воспаление воспитательного нерва. Значит, сейчас начнется.

И это они ещё про Рюриковичей не в курсе.

— Юлёк, тебя там не смыло? Обед готов, — мама.

«Тук-тук-тук» — в дверь.

— Выходи давай, руки невозможно помыть, — отец.

— Юля!

— Да иду я! Господи...

Треники натягиваться не хотят, липнут к влажным ногам, зато рукава толстовки — супер. Достаточно узкие и длинные, чтобы прикрыть розовый след на бледном запястье. Сто пудов синяк будет.

Юлька «крабом» собирает на макушке мокрые волосы, открывает дверь. Теперь кажется, что снаружи прохладно, потому что она «напарила». Никому не нравится, когда кто-то «напарил» в ванной, но Юлька и так виновата со всех сторон. Никчемная, бестолковая. Невезучая. Что с такой взять?

Отец уже за столом, наяривает, со спины видно, как движутся уши.

— Садись. — Мама берет тарелку, накладывает со сковородки. — Чего не посушила? Пропахнут волосы.

Картофельная запеканка. С мясом.

— Пофиг.

Лучше уж запеканка, чем въедливый этот недомужской пот, от которого не отмоешься.

— Тебе все пофиг. — Отец хмурый, рядом с тарелкой смартфон экраном в стол. — Как в школе?

— Норм. А сметана есть?

— Под носом же.

Сметана и правда на столе, но не так уж и рядом. Юлька тянется за банкой.

— Что с рукой? — Отец не перестает жевать.

— Это Даша. — Юлька одергивает рукав. — Мяч отнимала на физре.

— У вас ещё физра в одиннадцатом?

— Прикинь?

— А с историей что?

Начина-а-ется.

Юлька размазывает по румяной корочке сметану, спешно закидывает в себя здоровенный кусок запеканки. Ф-ф, горячо!

— Норм, — дышит через рот.

— Ты по-человечески можешь говорить? Пробник сдала?

— Не совсем. Рюриковичи попались.

— И что?

— Пап, я не хочу сдавать историю. Это нереально выучить.

— Детский сад. — Отец откладывает вилку. — За три месяца до экзамена спустить всё псу под хвост.

— Что ты прицепился? — встревает мама, неожиданно нарушив все неписанные законы воспитания. — Лучше, если она через

пятнадцать лет поймёт, что совершила ошибку?

— Ну, знаешь...

Стол вдруг начинает вибрировать от смартфона, и отец осекается.

— Ответь. — Голос у мамы такой приторный, что запеканка во рту кислит. — Это же с работы?

Отец молча громыхает табуретом и, забрав смартфон, уходит в комнату. Похоже, проблемы не только у Юльки.

— Мам, всё хорошо?

— Норм. Ты наелась?

Мама убирает со стола: звякают о фарфор вилки, выпрыгивает из стакана недопитый компот. Шмякается розовым на бледную столешницу.

Отчего-то зябко.

Юлька натягивает на ладони манжеты толстовки, сует под себя руки, сутулится.

— Ма, можешь совет?

Сгрузив посуду в мойку, мама вытирает полотенцем руки и прислоняется к шкафу.

— М-м?

— У нас в классе девочку одну...

— Дашу?

— Не. Ты не знаешь. В общем, пацаны её зажимают. Понимаешь?

Мама вздыхает, как на похоронах.

— Понимаю.

— Что делать-то?

— Ухватить между ног и загоготать.

— Ну мам!

— С такими только их же методами.

Юлька смотрит недоверчиво:

— Может, к психологу?

— Зачем? Это же не у девочки... весеннее обострение. Знаешь, Юлёк, можно сходить к психологу, можно даже к директору. Только это ничего не решит. Парни в отместку начнут говорить гадости и смеяться за спиной. И эти смешки прилипнут к тебе... к той девочке вместе с их потными лапами. У них сейчас время такое. Кто-то из них перерастёт.

— Ага, — кривится Юлька, — а кто-то станет насильником.

— Да не.

Происходит неслыханное, чего при Юльке раньше не случалось: мама тянется к верхней полке, вытаскивает из-за пустых банок мятую пачку. Включает вытяжку, щёлкает зажигалкой.

— А кто-то так и останется — мальчиком, — продолжает она, выдыхая дым. — У одной моей подруги, знаешь... муж два месяца мечется между ней и любовницей. Взрослый вроде мужик. Но — мальчик.

— И что... подруга? — ёжась, спрашивает Юлька.

— Что-что. — Мама пожимает плечами. — Будет работу искать, время девочек закончилось. Может, погулять сходим? Погода хорошая.

Вытяжка воеет, но сигаретный дым всё равно заполняет кухню, вытравливая даже запах еды.

— Не. — Юлька морщится и закатывает рукава. — Пойду зубрить. Время девочек закончилось. Настало время Рюриковичей.

Гран-при

Анна Госпог

Нога лошади мягко ступала по упругому песчаному грунту, оставляя за собой круг ровных следов. К приезду Лиды с Генри уже успели отшагать разминку. Проверив натянутость подпруги и похлопав его по гладкой мускулистой шее, она, легким, как будто незаметным движением поставив ногу в стремя, оказалась в седле. Чувствуя свою наездницу и ее отточенные движения, молодой гнедой голландец тут же пришел в готовность. Шансы были велики, вновь обретенная после рождения сына форма давала еще больше уверенности, чем раньше. Тревожил только предстоящий визит к врачу.

— Ребенку нужна операция, — произнес профессор. Внутри Лиды пробежал холодок: она так надеялась, что Васька просто придумал эту историю и что на томограмме не найдут патологию. Конец мая, в Москве почти лето. Ночью воздух уже не остывает. Тополя во дворах Садового набрали зелени и шумят на ветру, готовясь засыпать белым пухом весь центр. Они медленно бредут по тенистой территории старой больницы. С дуновением ветра доносится запах животных и гулкой рык львов. Не выдержав этого грустного настроения, Васька начинает скакать и проситься в зоопарк.

— Ма, он же совсем рядом, слышишь — это нас львы зовут!

— Поправишься — сходим, тебе нельзя много гулять, — задумчиво ответила Лида.

«Ваську жалко, зря я на него ругалась, а еще заставляла стоять на стременах. Это

сколько же теперь анализов нужно собрать, как ему кровь из вены возьмут? Может, действительно в зоопарк?» — путались мысли в голове Лиды, а на голове ветер путал ее густые каштановые волосы. Васька рос послушным и веселым мальчишкой, с ним не было забот. Лида занималась выездкой и вела занятия в абонементной группе юных всадников. Вернуть спортивную форму было нелегко, но и сдаваться — не в ее правилах. Слишком много сил она отдала конному спорту, даже Ваську родила после тридцати. Все ставки были сделаны на завоевание президентского кубка, а дальше — европейский смотр, который так и не случился. Теперь, когда спортивный азарт вел ее к новому чемпионату, все это было так некстати. У ворот больницы их уже ждало желтое такси, подходя к машине, Васька оступился: «Мама, спина, спина!..»

Несколько мамочек с малышами томились в комнате ожидания. Детки то и дело пытались спрыгнуть с отведенных им кроватей, но матери тотчас же возвращали их обратно, стараясь отвлечь. В операционном блоке светло и холодно, пахло растворами антисептиков. По коридору энергично шагали анестезиологи, сестры готовили операционные. Одна из них привезла каталку, назвала Васькину фамилию, а потом велела раздеваться и укладываться. Он лег и задрожал как осиновый лист.

— Ты просто подышишь сладким воздухом и заснешь, а когда проснешься, я буду рядом, — изо всех сил стараясь не заплакать, успокаивала Лида.

Васька кивнул. Прижимая к себе его шортики и футболку, Лида спустилась в отделение, слезы градом хлынули из глаз.

— Мамочка, не плачем, — строгим и одновременно добрым тоном сказала, проходящая мимо, медсестра. — Дети все чувствуют, нужно быть сильной! — продолжила она и завернула в сторону процедурной, а Лида на ватных ногах поплелась в палату.

В голове носились обрывки мыслей и никак не хотели складываться в привычную картину размышлений. Этот белый проникающий свет операционной лампы и автоматическая дверь, которая задвинулась за каталкой, на которой лежит Васька, как будто закрыли за собой все, что было в жизни до этого момента. Спорт приучил ее к борьбе. Она всегда казалась себе сильной, и вот теперь сидит на стуле около пустой детской койки, на которой заботливо разложены шортики и футболка, и ничего не может сделать — только ждать. А перед глазами Васька: вот он только родился, маленький гномик, первые шаги, первые слова, и вот уже скачет рядом, подпрыгивая вместе с ее рукой. Почему это случилось, почему сейчас? Так много вопросов без ответа, а красной нитью звучит одна мысль: «Только бы Васька был здоров, за это все можно отдать». Как же мало может человек, остается только надеяться, а на кого — на хирургов, на себя?

— На бога надо надеяться.

Лида подняла глаза. Полная пожилая санитарочка убирала палату, и только тут Лида ощутила, как в нос ударил запах хлорки.

— Деточка, в жизни часто бывают такие дела, которые делят твою жизнь на до и после. — Выжав тряпку и выпрямив спину, она оперлась на швабру и продолжила: — У меня таких дел было полно.

— И как быть после?

— От тебя зависит. Подумай, за что это, прощения попроси, глядишь, тут и кончится все. Бог — он по силам каждому дает, ты только его не забывай. Ну, пойду я, ты дверь не закрывай, пусть пол подсохнет.

Ваську привезли через час. Сонным голосом он сказал, что сладкий воздух, которым он дышал, был очень противным, скорчил мордочку и опять провалился в сон. Лида сидела рядом и боялась шелохнуться. Потом его тошнило, рвало, рана болела и не хотела заживать. Васька мужественно терпел и только айкал за дверью перевязочной то громче, то чуть тише. Хирург называл его настоящим бойцом. Лида практически не спала, ухаживала за Васькой и помогала другим ребятам в палате. Здесь, в детском отделении, оказалось совершенно неважно, сколько кубков она завоевала, и даже неважно, завоеует ли еще. Ценно только то, что внутри, то, что дает надежду и силы держаться и двигаться вперед. Пусть все так, пусть идет своим чередом, а она будет делать что нужно. Удивительно: самые простые смыслы открываются в самую сложную минуту. Наступил отбой, и только лучик света из коридора отделения просачивался под дверь. Свесив голову, Лида дремала на стуле возле Васькиной койки.

— Мамочка, ты завоеешь Гран-при? — раздалось в сумраке ночной палаты.

— Ты чего не спишь? — улыбнулась Лида и погладила его по голове.

— Жарко стало, а я думал о тебе и о Генри, ты ведь так старалась!

— Засыпай, малыш, у меня есть кое-что получше, чем Гран-при! — Лида перевернула его подушку прохладной стороной и чмокнула в мягкую щеку.

— Ого! Покажешь потом, — пробормотал Васька и снова засопел.

Через десять дней его выписали. Толкнув тяжелую дверь с зеленой табличкой «Выход», Лида вдохнула свежий, теплый воздух, подняв голову к небу, и, закрыв глаза, прошептала: «Спасибо».

Они идут по тенистой территории старой больницы.

— Мамочка, хорошо, что еще все лето впереди!

— Да, малыш, впереди еще вся жизнь!

День рождения

Дмитрий Григорьев

Пуговкин Василий Иванович открыл глаза ранним утром первого мая 20.. года в своей квартире и устремил взгляд на люстру, что болталась вот уже шестьдесят лет на высоте трех с половиной метров над головой. «И еще провисела бы столько же», — подумал Василий Иванович и вздохнул. Затем он посмотрел на старый черно-красный ковер, прибитый к стене, и попытался вспомнить, когда последний раз выбивал из него пыль — до распада Союза или после? Сейчас-то его лучше не трогать: грязь, как цемент, срослась с тканью, один удар, и пиши пропало. А раньше раз в год по чистому снегу он выносил тяжелый рулон на улицу. Пока силы были. А вот на Первомай, аккуратно в день рождения, Василий Иванович мыл окна. Сначала раствором мыльным, потом до скрипа натирал старыми газетами так, что непонятно было — то ли есть стекло, то ли нет. Пару лет назад Мишка купил «керхер» — машинку такую для стекол. Полчаса, и все четыре окна в квартире готовы. «Качество, конечно, не твоей мануфактуры, — как бы извиняясь, говорил Мишка, пока Василий Иванович придиричиво водил пальцем по стеклу. — Зато быстро и легко, а то и мне уже непросто по подоконникам прыгать, а тебе и подавно беречься надо!»

Беречься! Василий Иванович сел в кровати и пошевелил узловатыми бледными пальцами на ногах. В квартире еще все спали — выходной же, да и дети никогда никуда не спешат. Это Василий Иванович ко всему готовится заранее. Всю неделю он потихоньку прибирался — то пыль с полок снимет, то тряпкой по паркету пройдет. Пока никто не видит. Мишка с Настей наперебой вырывали у него из рук швабру, убеждая, что «ему тяжело» и «они сами», да только чище почему-то так и

не становилось, а пустые обещания Василия Ивановича утомляли. В борьбе с сыном и невесткой дело продвигалось медленно, и покамест самой чистой была комната Василия Ивановича.

Надев тапочки и накинув халат на худые плечи, Василий Иванович встал, через боль разгибая затекшее тело. Голова закружилась, но это еще в шестьдесят началось — он привык. Постояв с минуту, приходя в себя, Василий Иванович заправил кровать и, стараясь высоко поднимать ноги, чтобы не шуметь, отправился в ванную. Умыться и почистить зубы недолго, а вот в туалете пришлось задержаться. Пока по капле все выцедишь — семь потов сойдет, но Василий Иванович к причудам и слабостям своего организма относился философски. Вот, помнится, был у него «Запорожец», лет тридцать назад, так в нем постоянно что-то отказывало! Но стоило повозиться немного, постучать, покрутить, как двигатель оживал, тарахтел, а машина везла куда надо.

Завтрак у Василия Ивановича простой — кофе с сахаром и два бутерброда с маслом и сыром. Правда, терапевт Яков Сергеевич, царствие ему небесное, перед смертью успел кофе заменить на цикорий, якобы в заботе о сердечной мышце Василия Ивановича. А уж Мишка за этими рекомендациями, паршивец, следил в оба глаза. Ну да ничего — все равно жижка черная, на одну ложку сахара больше, и почти не противно.

После еды Василий Иванович начал приготовления к празднику. На свой день рождения он всегда запекал свиную шею.

Мишка вчера на рынке умудрился купить не самый плохой кусок, осталось поперчить, посолить, нашпиговать чесноком, обмазать горчицей с мёдом и оставить в холодильнике до обеда. А потом на медленном огне за четыре-пять часов в духовке шея станет такой нежной, мягкой и пряно-сладкой, что просто объедение. Салаты и гарниры Василий Иванович давно отдал на откуп Насте — может. Мишка по магазинам бегаёт и, в общем, на подхвате. Но мясо Василий Иванович всегда мариновал и готовил только сам. К слову сказать, он и Мишку пытался научить — да всё без толку. Настя, конечно, молодец, ничего не скажешь, но все-таки не женское это дело — с мясом возиться. Женщина, она что — ей побыстрее всех накормить, наготовить побольше да посытнее, природа у нее такая. А хороший кусок мяса — он спешки не любит, ему внимание подавай. Никаких «на глазок» и «по вкусу» у Василия Ивановича нет — все пропорции давно выверены, а процесс хоть и длительный, но результат того стоит.

Засиделись допоздна. Василий Иванович устал от тостов с пожеланиями долгой жизни и крепкого здоровья. Ну какие в его-то годы здоровье и жизнь? Он и так из своего поколения чуть ли не последний остался. Особенно остро это ощущалось сейчас, за столом. Не считая именинника, Мишка был самым старшим, а из друзей-ровесников Василий Ивановича, почитай, никого и не осталось. Может, где-то и валяется еще какой-нибудь полоумный старик, что себя в зеркале узнать не может, — вот, собственно, и всё.

«Нет, определенно задержался я на этом свете!» — думал Василий Иванович, делая вид, что слушает, о чем говорят гости. Он взглянул на внучку Машу, которая только что приехала и с жаром что-то втолковывала родителям. Щеки ее покраснелись, глаза горели упрямством, а руки, словно у дирижера, порхали в воздухе, помогая сформулировать мысли. Лет-то уже сколько, а ведет себя как ребенок! Настя, видимо, разделяла мысли Василия Ивановича и на дочь смотрела с укоризной, а Мишка, судя по удивленным взглядам, которые бросали на него то жена, то Маша, опять брякал что-то невпопад. Василий Иванович уже собрался прислушаться, как вдруг Мишка спохватился и, выскочив из-за

стола, убежал на кухню, по дороге кляцнув выключателем.

Разговор прервался сам собой, и к темноте добавилась дрожащая тишина. «Свечки зажигает», — догадался Василий Иванович и живо представил горящий, как факел, торт, уставленный девятью десятками свечей. Как бы пожар не устроил! Василий Иванович заерзал в кресле. Последний раз свечи были, когда ему исполнилось пятьдесят, сейчас кажется, что и не ахти как много, но тогда этот сладкий костер изрядно подпортил настроение. Из коридора в комнату начал вливаться шар света, басящий голосом сына «хэппи бёздэй». Тут уж все присутствующие на разные голоса подхватили нехитрый мотив, а Василию Ивановичу ничего не оставалось, кроме как покорно ожидать, когда закончится песня. Наконец Мишка торжественно водрузил торт на стол перед отцом. На нем горели две больших свечи с цифрами «девять» и «ноль». Торт был любимый — «Праздничный», а две свечи смотрелись куда как лучше, чем девяносто. Василий Иванович посмотрел на сына с благодарностью.

— Ну, бать, загадывай желание!

Василий Иванович вдохнул, собираясь с мыслями, да так и замер, совершенно сбитый с толку.

«Кажется, всё», — вдруг подумал он и поежился от непонятно откуда взявшегося сквозняка. В груди горело, но из глубины к сердцу тянулась холодная пустота. Казалось, стоит задуть огонь, и от Василия Ивановича вообще ничего не останется. Не было ни мыслей, ни желаний, даже самых простых и глупых. Он испуганно огляделся, но не смог разобрать окружающих лиц.

Пауза затянулась и стала какой-то уж совсем театральной. Василий Иванович неловко дунул, гася свечи, а сам сжался от нахлынувшего мрака. Кто-то нажал на выключатель, и гостиная взорвалась светом, нестройными аплодисментами и громогласным «ура».

— Что ты так долго думал, пап, забыл, что загадать хотел? — смеясь, спросил Мишка, разделявая торт большим ножом.

Василий Иванович криво усмехнулся и покачал головой:

— Вы тут пока посидите, а я пойду отдохну, прочитаю перед сном.

— А торт?

— Потом, потом!

Есть не хотелось, и, с трудом встав, он зашаркал в спальню.

Войдя к себе, Василий Иванович прикрыл дверь, рассеянно провел пальцами по корешкам книг на полке и взял первый попавшийся том. Затем он включил торшер и как подкошенный рухнул в кресло. Положив книгу на колени, поглаживая сухой переплет, уставился в одну точку.

Вот оно, значит, как бывает, когда время вышло. Василию Ивановичу стало не по себе. Ощущение скорой кончины было столь ясным и чистым, что никаких сомнений в его истинности не возникло. Он вдруг почувствовал себя маленьким уставшим чужаком в дряблом теле, которое лишь по какой-то нелепой и странной случайности до сих пор продолжает функционировать.

Василий Иванович никогда не подгонял старуху с косой, да и путь его жизненный был слишком долг и труден, чтобы ее по-настоящему бояться. Временами он чувствовал опустошение и усталость, и тогда мысли о смерти приходили сами собой. Но сейчас почему-то стало страшно. Холодная черная дыра под ребрами, казалось, высасывала остатки жизненных сил.

— Деда, спишь? — В комнату просунулась Машкина голова. Встретив его немигающий взгляд, внучка скользнула внутрь. — Отдыхаешь?

— Да так, задумался, — ответил Василий Иванович после едва заметной паузы.

— Можно, я с тобой тут побуду? — спросила Машка и, не дожидаясь ответа, села на кровать.

Василий Иванович слабо кивнул, он не мог отказать любимой внучке.

— Дед!

— А?!

— Что ты загадал?

Василий Иванович задумался, не зная, что сказать.

— Ничего. Я ничего не хочу. И очень давно, — глухим голосом произнес он и посмотрел на Машу.

На мгновение по ее лицу пробежала беспокойная тень, а между бровей образовалась едва заметная складка. Маша тряхнула головой, отчего ее густые курчавые волосы растрепались, и улыбнулась.

— А-а-а! — протянула она. — Я тоже всё время не знаю, что хотеть. Бывает. А что ты в прошлом году загадывал?

— Да я разве помню?

— Ну тогда пожелай что-нибудь эдакое. Можешь мне рассказать, а я подумаю, как исполнить.

— Да брось — ерунда какая! Ничего мне не надо. — Василий Иванович замахал на Машу руками. — Мне вообще помирать пора!

— Что ты такое говоришь? — Маша хотела продолжить, но осеклась, наклонила голову набок и сощурила глаза. — А как ты это себе представляешь?

— Что?

— Ну, смерть. Похороны. И что потом будет? — Она улыбалась, но голос и глаза были серьезными.

— Тьфу на тебя! — Василий Иванович выдал натужный смешок. Думать над вопросом не хотелось, и он начал закипать. — А мне-то что? Закопаете где-нибудь, и дело с концом.

— Нет, это безответственно! — заявила Маша. — Папа, ты думаешь, что-то сможет решить? Или хочешь, чтобы мама искала место?

Правда действовала на нервы — Мишка непутевый, до сих пор приходится говорить ему, что делать. Но не признаваться же в этом мелкой пигалице? Да и думать о собственных похоронах, когда жить осталось считанные дни, а может, и часы, не хотелось.

— Ерунду какую-то говоришь. Даже не смешно. У меня, вообще-то, день рождения, — попробовал защититься Василий Иванович.

— А это ты тут в одиночестве сидишь с видом умирающего, а не я! — резко сказала Маша. — Вот я и привожу тебя в чувство!

— А я не хочу ни в какое чувство приходить, — обиженно проговорил Василий Иванович, но это было неправдой.

Помолчали.

— Не знаю, в деревне на кладбище закопайте. И все.

Почему в деревне? Одиннадцать лет прошло с тех пор, как он последний раз там был. Мишка сказал, что в доме одни щели, туда хрен доберешься, и «скорая» не приедет в случае чего. Много доводов он привел, и Василий Иванович с ним согласился. Но когда Маша только спросила, он почему-то сразу увидел большой холм, покрытый высоченными соснами, между которыми в тени густого подлеска мелькали кресты и старинные каменные надгробия сельского кладбища. Вдоль холма проходила грунтовая дорога. Она спускалась, петляя между деревьями, к небольшому ручью и дальше тянулась через поля в сторону деревни, в которой незнамо сколько лет назад они с женой купили половину полуразвалившегося дома. С той поры каждое лето приезжали они на свою дачу. Когда жены не стало, ездили вдвоем с Мишкой, ну а уж внучка чуть ли не с пеленок проводила в деревне все теплые месяцы.

— Ага. Значит, что-то все же хочется! Сколько ты не был на даче — лет десять? — Лицо Маши сияло.

— Что-то около того. — Нахлынувшие воспоминания взволновали Василия Ивановича.

— Ну, решено, там и похороним, а пока живой, не хочешь съездить?

— Да ну куда мне. Поздно. — Он почувствовал горечь.

— И вовсе не поздно! Дед, и я тыщу лет там не была — все работа, работа, работа. Давай вместе смотаемся, а?

— Да как же мы, и когда... — Василий Иванович дрогнул.

— Да хоть завтра — праздники же! — Машка призадумалась. — Точно, завтра. Сама тебя отвезу.

— А Мишка что скажет?

— Да, тут могут быть проблемы. — Маша почесала затылок. — Папе ничего не говори. Я сама что-нибудь придумаю. А уедем мы рано. Пока они проснутся, пока очухаются — мы уже

далеко будем. Ты сейчас спать ложись, а в восемь утра я здесь!

Машка решительно встала и, не дожидаясь возражений, вышла из комнаты.

Василий Иванович посидел немного, послушал, как в ушах колотится сердце, потом разделся и выключил свет. В ванную не пошел, боясь всё испортить. Натянув одеяло до самого носа и крепко держась за его край обеими руками, он смотрел в темный потолок и думал о том, что будет завтра. А за стеной кто-то дергал струны, настраивая гитару.

Женщины

Иван Конграков

За Танечкой ухаживали многие, но добился ее Гена. Элегантность, стиль, чувство такта — вот чем он ее покорила. Гена никогда не надоедал Танечке, а подходил к ней, только когда той было скучно или когда она сама хотела пообщаться. Выставляя вперед гордый нос, доставшийся от немецкого предка, он приближался к ней, демонстрируя радость всем своим телом, особенно задней его частью. И Танечка, к своему удивлению, отвечала радостью, хотя и отказывала до этого более крупным и достойным кандидатам. Но, может быть, и к лучшему, что Гена не был таким крупным. С ним ей было хорошо и удобно.

Гене же нравились Танечкины бедра. Пульсирующая форма знака бесконечности, получавшаяся от их покачивания, когда она проходила мимо, заставляла его сердце трепетать от восторга.

Через два месяца Танечка родила восемь девочек и трех мальчиков. Все как один похожи на Гену, хотелось бы сказать в романтической истории и еще добавить, что жили они долго и счастливо. Но нет — все щенки были разные, как будто все Танечкины ухажеры все-таки смогли поучаствовать в финальном результате.

Иван уже начинал клевать носом, который хотя и не достался от немецкого предка, но все больше притягивался к немецкому рулю немецкой машины, в центре которого соединились два знака бесконечности. Но последняя фраза заставила его поднять голову, и он сказал:

— Так не бывает.

Ехавший рядом на пассажирском кресле Аркадий достал телефон и показал фотографию.

— Ну вот, смотри.

В центре фотографии лежала Танечка, из-под нее виднелся лист газеты с заголовком: «Мой выбор — чайлдфри. Я — Марта...» — продолжение закрывала Танечкина нога. Вокруг действительно были видны абсолютно разные щенки. Белый, белый с серым, черный, черная с пятнышками, серый в белую полоску... Дальше начинало рябить в глазах.

Иван подумал и задал вопрос:

— И что, она, по-твоему, им всем не отказала? Да и потом — так не бывает, это же биологически невозможно. Должно быть логическое объяснение.

Аркадий ответил:

— Я это объясняю просто.

— И как же?

— Женщины.

— Да, конечно, женщины.

Помолчали. За окном пролетали березы, бескрайные луга и борщевик. Последний иногда приближался к дороге и голосовал на обочине. Безрезультатно.

Специалист по математическому моделированию Иван и последователь Кришны Аркадий ехали на дачу к своим женщинам. Иван продолжил:

— Я вот одного не могу понять. А почему вы собак так необычно назвали? Гена и Танечка. Тоже скажешь — женщины?

Аркадий объяснил:

— Нет, это я назвал, а потом прижилось как-то. Он же явно вылитый Гена, а она — определенно Танечка. Вот, смотри.

С фотографии смотрели явно вылитый Гена, пытающийся поймать свисающий из пасти язык, и определенно Танечка, ловящая блоху где-то в области копчика.

Иван повернулся снова к дороге и резко нажал на тормоз.

Дорожный знак 1.27 «Дикие животные» покосился и держался, видимо, только стараниями местных жителей, которые обложили его основание камнями. Иван съехал на обочину, но благодаря немецким тормозам лишь легонько подтолкнул знак бампером. Тот, сбросив всю возложенную на него местными тяжесть бытия, совершенно свободно завалился на голосовавший вблизи борщевик, что на какое-то время приостановило проявление его знакового потенциала.

Посреди дороги стояло две коровы. Одна на левой полосе, вторая — на правой, захватывая своей аурой обочину. Аура была

заметная и, несмотря на все усилия хвоста, бескомпромиссно страдала от мошек. Обе коровы медленно, тщательно и синхронно двигали челюстями, воспроизводя их траекторией бесконечность.

— Женщины, — подал голос Иван после того, как ощупал себя, свой совсем не немецкий нос и полностью немецкий руль. Все оказалось целым.

— Дикие, — добавил Аркадий. Он держался за руку, которую ударил, пытаясь сохранить телефон. Телефон выпал и лежал на полу, рука болела.

Вдруг из-за борщевика послышался голос:

— Пошли, чего встали? Двигайтесь!

На обочину вышел человек. Рубашка, брюки и жилетка — все было потрёпанное, неновое, но явно не так давно стиранное и тщательно выглаженное. Он был немолод, лицо было все покрыто морщинами, но быстрые и четкие движения выдавали еще сильное тело.

— Танька! Марта! Пошли!

Выдержав паузу, коровы медленно стали двигаться, покачивая бедрами и продолжая жевать, благо вторая сторона дороги была свободна.

— Геннадий, спасибо! — опознав явные признаки Гены в человеке, крикнул Аркадий, открыв окно.

— Для вас — Геннадий Иммануилович! Всегда пожалуйста! — отозвался человек.

Постояли. Мимо проехала одна немецкая машина и еще три не немецких.

— Закрой окно, налетят.

Аркадий закрыл окно, но уже налетели. Сверху на ветровом стекле выстроились в ряд восемь комаров.

Иван достал тряпку и смахнул их всех в приоткрытое окно. Комары нехотя полетели за коровами, виляя за неимением бедер всей траекторией и образуя стайей знак бесконечности.

— Женщины, — сказал Иван.

— Женщины, — не стал спорить Аркадий.

Поехали дальше. Дорога стала хуже. Ивану приходилось лавировать между выбоинами, ехали очень медленно.

При подъезде к лежащему полицейскому Аркадий попросил:

— Притормози, Иван, ты, кажется, разогнался.

— Хорошо, приторможу, — сказал Иван, аккуратно выезжая из выбоины к лежащему полицейскому.

При подъезде ко второму лежащему полицейскому Иван притормозил сам, без напоминания Аркадия. Проехав десять метров без выбоин, он уже почувствовал излишнюю скорость.

Наконец, стало темнеть, и подъехали к даче. Большой трехэтажный деревянный дом возвышался над бетонным основанием. Окружающие березы медленно покачивались на ветру, создавая прохладу. Бескрайнего простора здесь не было, как, впрочем, и борщевика. Но было озеро. Из расположенной рядом беседки доносился аромат жареной картошечки с лучком. В кадочке с водой охлаждались напитки. Из стоящей немного поодаль баньки тянулся дымок. Дверь дома открылась, и оттуда вышла абсолютно определенно Танечка, неся бутылочку оливкового масла.

— Мальчики, Аркашенька, Ванечка, как вы вовремя, ужин уже готов, сейчас только салатик заправлю. А Марта как раз запаривает венички. Заходите.

Проводя взглядом Танечку, направившуюся к беседке, и ее покачивающиеся бедра, Аркашенька повернулся к Ванечке и сказал:

— Женщины.

— Женщины, — согласился Ванечка.

Журавль и Цапля. Сказка

Екатерина Дистрянова

5 мая 1987 года атомный ледокол Сибирь наконец достиг Северного полюса Земли, в это же самое время за углом общеобразовательной школы номер 6 города Люберцы выпускник Артур Мкчтрян впервые поцеловал Анжелу Губову. В губы.

— Артур, что ты делаешь, — слегка оттолкнула его Анжела, — перестань.

Однако девушка несильно сопротивлялась.

— Анжелка, — немного запыхавшись, проговорил Артур, — я ведь знаю, что тоже тебе нравлюсь.

Артур действительно нравился Анжеле. Как могли не нравиться эти широкие плечи и греческий нос? Атлетическая фигура и волевой подбородок? Артуру часто подбрасывали любовные записочки в портфель, а однажды даже попытались зажать с поцелуями в раздевалке. И только одна девочка была к нему холодна — первая красотка класса Анжела.

Потонуть в кофейных глазах Артура не входило в ее планы. Мечтой Анжелы было выйти замуж за дипломата и путешествовать с ним по разным странам. Гагры, Золотые пески, Юрмала...

Вот и сейчас, в тесных объятиях Артура, ей привиделся золотой песок Болгарского пляжа.

Этот образ отрезвил Анжелку, и она быстро вынырнула из объятий парня.

— Отсохни, Артур, — выпалила Анжела и дала ему пощечину, — мы с тобой птицы разного полета!

25 января 1995 года запуск метеорологической ракеты у побережья Норвегии чуть не привел Россию и США к ядерной войне. Вот и Анжеле Губовой в этот день было тревожно: вся в слезах, она пробиралась между рядами вещевого рынка города Люберцы. Ее шпильки утопали в снегу, а грязь ошметками прилипала к черным капроновым колготам. Из палатки с кассетами VHS доносился шлягер Аллы Пугачевой: «Крикну, а в ответ — тишина. Снова я останусь одна. Сильная женщина плачет у окна».

«Господи, как же за душу берет», — подумалось девушке. Она даже не сразу услышала низкий голос, доносившийся из палатки с дубленками:

— Анжела! Губова!

Девушка обернулась: пробиваясь через ярко-рыжие дубленки, к ней шел Артур Мкчтрян. Казалось, годы шли ему на пользу: подбородок стал еще волевее, кудри стали виться еще сильнее, а на ногах блестели жутко модные ботинки с квадратными носами.

— А я смотрю, кто это такой бежит на шпильках в минус двадцать, — улыбнулся Артур, — думаю, ну неужели Энжик.

Вдруг улыбка сползла с лица юноши, он аккуратно поднес руку к лицу Анжелы:

— Что это у тебя? Синяк?

Девушка быстро набросила прядь волос на правую сторону лица:

— Неважно...

— Кто это сделал? Твой Саша Рыжий? — Артур знал, что несколько лет назад Анжела спуталась с одним из люберов.

— Неважно, — повторила Анжела, — это уже в прошлом.

— Анжела, так нельзя. — Артур посмотрел на девушку мягким и сочувствующим взглядом. Так тепло на нее давно никто не смотрел. Может, сильной женщине и не нужно плакать у окна? В глазах Анжелы парень будто преобразился.

— Артурчик, — мягко сказала Анжела, — холодно. Может, зайдём в кафешку у станции? Поговорим...

Артур уже хотел сказать «да», но в последний момент ему вспомнилось светлое лицо его невесты Сирануш. Не стоит. Не стоит обманывать ее доверие ради Анжелки. Да и не такая уж она и ладная, какой казалась восемь лет назад.

— В другой раз — обязательно, — ответил Артур, — но не сейчас. Прости, меня дедушка Ованес ждет на отгрузке ушанок.

29 июня 2007 года выдался жаркий день. В Америке стартовали продажи первого в мире айфона, а Артур Мкчтрян готовился к не менее важному старту в своей жизни: открытию ресторана кавказской кухни в родном городе Люберцы.

На открытие мужчина позвал близких друзей, была даже парочка одноклассников. Правда, со временем им все труднее стало признавать друг друга в толпе. Будто тех самых беззаботных юношей заточили в коконы из лоснящихся лиц, потухших глаз и ранней импотенции.

Артур петлял через столы, улыбался и подливал вино в бокалы друзей, пока в какой-то момент не увидел знакомый силуэт на балконе. Он не поверил своим глазам: в клубах сигаретного дыма, будто полузабытый сон, стояла она, Анжела Губова. Точнее, Анжела Ла Лабииос. Артур знал, что в конце 90-х Анжела вышла замуж за пожилого нефтяного магната мексиканского происхождения и улетела к нему в Техас. С тех пор о ней практически ничего не было слышно. Вроде родила детей, вроде кучеряво живет, вроде все так же хороша собой. А ведь и правда: возраст лишь слегка коснулся ее лица и тела, она была хороша.

— Не ожидал тебя сегодня здесь увидеть, — наклонился Артур к Анжеле.

Женщина слегка вздрогнула, но быстро улыбнулась:

— А меня Лизка Щукина сюда позвала. Решила, дай, думаю, зайду. — Анжела тщательно потушила свою тонкую сигарету. — Я в городе на время. А может быть, и навсегда, — загадочно отвела взгляд она.

Весь вечер Артур прижимал Анжелу в танце. Оказалось, она уже два года как вдова. А жизнь в Америке — совсем не то, о чем она когда-то мечтала, сидя на люберецких лавочках. Эти лавочки сейчас казались ей чем-то родным, как и толстые пальцы Артура,

блуждающие по ее телу. Сегодня вечером ей снова было семнадцать.

На следующее утро вместо Анжелы Артур обнаружил лишь записку: «Прости, все это было ошибкой». Анжела и сама не знала, от чего она бежала. Или, вернее, куда. Но женатый, лысеющий Артур точно не мог стать пунктом назначения для нее.

25 октября 2017 года не случилось ничего примечательного для мировой истории, а вот для семьи Артура Мкчтрയാна дата была праздничной — исполнялось два года его внуку Араму.

Мальчик жил в Ереване вместе с сыном и невесткой Артура, и виделись они редко. Надев очки, Артур пролистывал фотографии внука в Одноклассниках. Мужчина просил сына почаще выкладывать свежие фото, чтобы наблюдать, как растет Арамчик. Как вдруг Артуру пришло уведомление в нижнем углу странички: «Анжела Губова (Ла Лабиос) поставила вам «супер-класс»».

«Просто посмотрю», — подумал про себя Артур и нажал левую кнопку мыши.

Заслуженный покой акулы

Глафира Пинхасова

Как только старик поднялся на эскалаторе, он понял, что не должен был этого делать...

Михаил Гаврилович долго думал, всё никак не решался, и только в шестьдесят девять лет, когда ему стало противопоказано работать в шахте, решил подать заявку о назначении пенсии. В тот день с утра пораньше он причесал седую бороду, так что она приобрела апостольский вид. По-осеннему приоделся в пальто да кепарик и пошёл в госучреждение без всяких предчувствий.

Указатели на кадетски-синих обоях вели его вглубь лабиринта МФЦ на первом этаже. У ресепшена его встретила сотрудница. Она была в униформе, похожей на банковскую. Из-под челки чёрного каре её глаза коричневого стекла так и внушали доверие. Михаил Гаврилович спросил, что по документам, и она спокойно объяснила, что сейчас пойдёт собирать архивные выписки. Ну а пока ему надо на втором этаже, в СОБЕСе, получить справку для заявления.

Железные ступени эскалатора, напоминающие зубы акулы, с необычайной скоростью неслись вверх. Старик, чуть запнувшись, хоть и держался за перила, встал и поехал. Поднявшись в крохотную комнату, он хотел свернуть на следующий эскалатор и добраться, наконец, до СОБЕСа, но эта лестница шла со второго этажа вниз. Михаил Гаврилович, видать, ошибся, хотел спуститься обратно, но механизм, только что доставивший его сюда, резво бежал вверх. Он снова повернулся. Конечно, будь он на двадцать лет моложе, он бы и против течения

забрался на второй этаж, но сейчас он даже спуститься на первый не сможет: снесет. Михаил Гаврилович немного постоял и робко произнёс:

— Эй... Есть кто неподалёку?

Ответа не было. Он снова немного потоптался и повторил попытку, только погромче. Вновь нет ответа. Третий раз, четвёртый... Наверху шаги. Мужчина средних лет в дорогом смокинге цвета зеленого бильярдного сукна приостановился возле эскалатора.

— Стойте! Не спускайтесь, тут тупик! — крикнул старик.

— Что значит, тупик? У нас здесь сплошные пути да развилки, — поправляя галстук, усмехнулся мужчина, вероятно, собеседник.

— Да нет же, оба эскалатора ведут сюда, ко мне, вот я и застрял...

— Понятно, понятно, — понимающе закивал мужчина. — Сейчас позвоню, и ошибку системы исправят.

Михаил Гаврилович обрадовался спасению, ещё поблагодарил и благословил, хотя последнее немного обескуражило собеседника.

— Вы, кстати, зачем сюда шли? — спросил он.

— Ну, я хотел сделать заявку у вас и передать документы из архи...

— О нет, нет, нет, мы всё давно делаем онлайн. Можете моего секретаря с первого этажа попросить, она всё вам сделает, а пока мне надо идти. Не переживайте, я скоро вернусь.

Как только собеседник скрылся из поля зрения Михаила Гавриловича, ему пришло СМС дочери: «Пап, у меня скоро совещание. Отвечать не смогу до конца дня, если что-то нужно, напиши». Старик слегка улыбнулся: какая у меня прекрасная дочь, думает о своём старике, не то что некоторые. И ответил: «Всё в порядке, скоро пойду домой. Удачи тебе там».

«Таблетки не забудь вовремя выпить. Всё, я пошла». И связь оборвалась.

В маленькой комнате была деревянная табуретка, и Михаил Гаврилович, недолго думая, воспользовался ею. Шли минуты, десять, двадцать... За это время старик успел разглядеть и выучить всё о помещении. Если судить на глазок, то площадь примерно пять квадратных метров. Жёлтые стены резко контрастировали с холодным тоном первого этажа. Ещё висели черные часы, чем-то напоминающие глаз замороженной рыбы. Внезапно на первом этаже появилась та самая женщина-секретарь.

— Стойте, простите, мне сказали, что заявку и документы надо в онлайн сделать, не могли бы это всё как-то перевести в электронный формат, пожалуйста...

— Могу, Михаил Гаврилович, в течение трёх часов всё будет, — и тут же ушла, еле слышно цокая каблучками.

Проходит час... Два... Три... И вот к старику едет снизу новая жертва ловушки зубастых эскалаторов.

— Стой, не поднимайся! — кричит Михаил Гаврилович.

— Что? Не слышу, сейчас подойду поближе, — кричит второй дедок.

— Наоборот! Ай, ладно, бог с тобой.

— Что тебе надо, мужик? — громко спросил новый сосед, потом обернулся к следующему эскалатору и столкнулся с неожиданным парадоксом. И ровно как Михаил Гаврилович, первые пять минут не мог сообразить, что не так.

— Вот об этом я тебя и предупреждал, — немного раздосадованно сказал Михаил Гаврилович.

Прошло какое-то время, старики не особо разговорились, оба замерли в ожидании чуда. Внезапно появился собеседник, и Михаил Гаврилович тут же максимально вежливо среагировал:

— О, простите, вы, случайно, не связались с починкой?

— Да, скоро приедут.

— И... и там вам должны были прислать заявку с документами... — немного робея, напомнил старик.

— Фамилия ваша как?

— Рафаилов Михаил Гаврилович.

— Точно... Кстати, заявка была отклонена.

— Что? Как это?

— Срок годности заявки составляет три часа. Вы опоздали на две минуты.

— А... Я надеюсь, это можно исправить?

— Конечно, просто подайте её снова.

— Да, спасибо, — немного смутился вежливый Михаил Гаврилович.

— А что там этот мужик натараторил? — спросил полуглухой сосед, когда собеседник удалился.

— Сказал, что скоро приедут чини...

— Громче, не слышу!

— Скоро приедут! — уже немного раздраженно повысил голос ветеран жёлтой комнаты, что было абсолютно ему не свойственно.

— Не понял! Ты что, только что быканул на меня?!

— Не-не-не, ты ошибся, о! Смотри — секретарь! Женщина, подождите, мою заявку не приняли, не могли бы еще раз её отправить...

Женщина кивнула и ушла. Михаил Гаврилович даже не успел спросить её, когда ждать помощи. Вдруг, пока оба смотрели вниз, со второго этажа начала спускаться бабулька. Михаил Гаврилович с соседом тут же опомнились и давай кричать и махать руками, как бабуины. Бабуля так испугалась, что попыталась побежать против течения лестницы, но тщетно. И вот она внизу... Перекрестилась.

— Госпади помилуй, да что с вами не так?

И обнаружила, что эскалатор вниз ведёт вверх. Удивилась.

Конечно, нельзя радоваться, что ещё один человек попал в западню, но бабуля, которая назвалась Светланой Петровной, благоотворно разрядила обстановку и немного разговорила стариков. Она даже правило установила: все сидят на табуретке по очереди по десять минут. За полчаса Светлана Петровна успела рассказать про свою кошку, про недовольство малой пенсией, где она купила платок (который на ней) с таким прекрасным рисунком гжеля, сочетающимся с её почти новым серым платьем.

Приехал новый старичок. Теперь соседей стало четверо. Снова приходил собеседник. Как обычно, обещал помощь, заодно сказал, что заявку Михаила Гавриловича отклонил, потому что возникли новые требования по документам. Затем появилась пятая соседка, и в комнатухе стало уже теснее. Это заставляло порой толкаться локтями. Шестой сосед... Приходила секретарь, исправила файл, но собеседник снова отклонил. А к этому времени Михаилу Гавриловичу нужно было принять лекарство, только запить таблетку оказалось нечем. Собесник любезно предложил принести кофе (потому что кофемашина не выдавала обычную воду). Через пятнадцать минут он поставил пластиковый стаканчик на ступеньку. Кофе поехал вниз. Старик приготовился и хотел было нагнуться, но жгучая боль молнией прошила позвоночник. Кофе проехал мимо рук, стаканчик зацепился за край эскалатора, и все пролилось. Михаил Гаврилович не выдержал:

— Вы что, издеваетесь?! Я к вам как к людям обращался, а вы даже с места не сдвинулись. Вы хоть понимаете, у меня проблемы с сердцем, мне нельзя ни стрессовать, ни пропускать приемы таблеток.

— А вот нам тут прекрасно сидится часами, — рывкнул второй.

— Да, совсем оборзел, лишь бы обвинить кого-то! — крикнула третья.

Движения маленькой плотной толпы потихоньку расшатала плитку на полу, что породило трещину. Недовольный гул становился громче. Мужчина наверху, видя это безобразие, пошёл за вторым кофе. По эскалатору поднялись еще трое, стало девять человек на пяти квадратных метрах. Не всем хватало места опереться о стены, некоторым пришлось сгруппироваться сельдами в банке.

Михаил Гаврилович, раздавленный и временем, и терпением, сел на табуретку, вынул сигарету и закурил. Светлана Петровна вскрикнула:

— Ты что, одну минуту подышать табаком, и минус месяц жизни! Живо прекрати!

И попыталась отобрать сигарету, полезла по стоящим, будто скалолаз. Старик взгромоздился ногами на табурет. Теперь она точно не достанет. Со скромного возвышения он увидел сигнализацию на потолке, и ему пришла в голову гениальная идея. Секретарь прервала озарение, крикнув:

— Здесь курить запрещено законом! Сейчас охрану вызову.

— Закон... Ну пусть приходят, — насмешливо произнес Михаил Гаврилович, выпустил дымный нолик и поднёс сигарету как можно ближе к детектору.

Двое пожилых охранников протиснулись в комнатку и сволокли нарушителя с табурета. Только теперь они тоже оказались в ловушке.

— Ну, добро пожаловать, — прокомментировал кто-то.

— Еще один, и будет двенадцать апостолов-мучеников, — пробормотала Светлана Петровна.

Михаил Гаврилович сопротивлялся охранникам, пихая тех, кто рядом, старики кричали, наступали друг другу на ноги, в результате по полу побежали новые трещины.

Секретарь пожала плечами и удалилась.

Двенадцать человек, тринадцать, четырнадцать. Уже было не столько жарко, сколько душно, воздух перегонялся из легких в легкие, шея Михаила Гавриловича сделалась влажной от сопения кого-то, привалившегося сзади. Все успели пожелать друг другу сдохнуть. Как назло, со второго этажа явилась еще группа стариков. Только на полпути, поняв ошибку, они попытались бежать по эскалатору, но застряли, как мухи на липучке. Девятнадцать человек. Один охранник взвыл и выкинул табуретку на первый этаж. Другой врезал коллеге прямым в нос — ведь можно было встать на эту мебель и при помощи сигареты вновь вызвать пожарную тревогу. Михаил Гаврилович чуть не сбил на склон эскалатора старуху. Какой-то слепец в синих очках попытался спуститься, обстукивая тростью наезжающие на него акульки зубы.

И тут всех потрянуло. Трещины разверзлись. Пол обрушился. Эскалаторы отвалились, как вставные челюсти. Последними в яму упали часы, похожие на акулий глаз.

Секретарь подбежала и посмотрела сквозь дыру на собеседника.

— Ну, минус двадцать пенсий на ближайšie двадцать лет, можно тебе и яхту завтра купить, милая.

— Правда?! Спасибо, дорогой.

Зачем говорить в отношениях

Наталя Гор

Рассказ должен был красиво начинаться.

Вначале я хотела сказать про ветер. Дальше про скачущего коня, копы и быстренько подвязать это к эпохе моей героини. К сожалению, Шекспир на помощь не пришел. Что неудивительно, ведь он уже давно не с нами. Поэтому пишу, как случилось на самом деле. Вдруг это поможет вам решиться сказать мужчине то, что думаешь, сразу, а не ждать моментов, когда станет поздно. Или наоборот, не тратить время на не-пойми-что с не-пойми-кем с непонятной надеждой на, опять же, не пойми что. Выберите сами, что ближе.

Значит, ветер. Где-то в стороне Алтая, две тысячи лет назад, он дул не меньше, чем сейчас. Она была воином наравне с мужчинами. Билась с умом и холодным сердцем — не с ненавистью. Многие не рисковали спорить с сильной женщиной, что было хорошо для здоровья.

Жила бы она себе так всю жизнь, рассекая с копьём на коне и сражаясь за свои земли, если бы не влюбилась в мужчину. Мы же прекрасно знаем, что мужики часто все портят. А ее вдобавок оказался из вражеского племени. Красивая история любви выглядела примерно так: она кинула в него копы и промахнулась, а он — посмотрел на нее. Оба заволновались и ускакали друг от друга подальше. Ей он точно снился не одну ночь. Ему — не в курсе. Потом случайная встреча в лесу. Хотели убить друг друга, но не смогли.

Опустим конфетно-букетный период того времени и остановимся дальше.

Когда эйфория и счастье начали уступать место страхам, она начала сильно нервничать. Характер стал мягче, что плохо для боя. Хотя это старательно скрывалось, насколько возможно женщине скрывать свои чувства. Но она не хотела терять свою силу. Что хотел он — было неясно. А спросить страшно. Встречи стали не такими безопасными и приятными, как раньше. Видимо, он почувствовал то же самое и предложил ей сбежать. Далеко-далеко, навсегда-навсегда. Но мы-то с вами знаем, что бегство от проблем — это не решение. Жаль, что не знала она: мир еще не успел придумать дипломатию. Возможно, все было бы иначе.

Случилось как случилось.

Она сбежала с ним, на коне и с копьём. Хеппи-эндом ничего не закончилось. Пожив такой жизнью некоторое время, она заскучала по своим битвам. А самое страшное было другое. Ей казалось, что она теряет свою силу. Что она стала слабой, но хотела по-прежнему чувствовать себя сильной. Той женщиной наравне с ветром. Мужчина любил, она же боялась принимать любовь, боялась открыться полностью. Будь она обычной, то все было бы хорошо. Но она необычная, сильная, что портило, по ее мнению, надежду на личное счастье. Невыносимо. В общем, она оставила его с тяжелым сердцем, так и не сказав о своих страхах и чувствах. Чуть позднее ее догнали в лесу и закололи как предателя. Он искал ее, но в этой жизни они уже не встретились.

Как и в последующие несколько. Сами посудите. Средневековье: она принцесса с суровым нравом в замке, он моряк на корабле. Потом Советский Союз. Где она боролась за идеи коммунизма, а он рисовал пейзажи и не понимал рабочий строй. Как тут поговорить?

Их души переродились снова на заре 21 века. Демократия, свобода творчества и много еще каких свобод — судьба решила столкнуть наверняка. В конце концов, пора бы разобраться со своими чувствами.

Вспомнят ли они друг друга спустя столько времени?

Начало 2000-х. Ей двадцать два, она стоит на крыше гаража, пьяная от финского коньяка, понимая, что спуститься самостоятельно не в силах. Подруга вызывает подмогу: минут через пятнадцать к месту подъезжает красная машина, из которой выходит парень в модном пальто.

«Ну и щеголь!» — думает она.

«Вот это они выпили!» — думает он, но помогает слезть.

На этой абсолютно не романтичной ноте их взгляды пересеклись. Искр не было, ничем примечательным история не закончилась. На месте судьбы я бы психанула, но фактически она тоже женщина, поэтому попытки соединить две упертые души продолжились.

Прошло лет пять, она случайно зашла в кафе, чтобы погреться. Ветер был жуткий. Он тоже был там с друзьями из-за погоды. Сидел напротив и почему-то не отводил взгляд. Ее привычка смотреть в сторону, когда думает о чем-то важном, раскованность движений, смелый взгляд глаза в глаза не моргая. Такие знакомые моменты.

«Кто она?» — думал он и больше не хотел ни о чем думать. Кажется, вспомнил их _____

бесконечную историю, сам того не осознавая. Судьба радовалась уже этому.

А примерно через неделю прокручивая в голове тот ветреный вечер стала она: «Зачем смотрел? Точно же смотрел. Почему? Там были еще девушки. Мы с ним разные. Как вода и огонь. Что дальше?»

Дальше они начали общаться. Обо всем на свете, кроме чувств. Идиоты. Потом он внезапно приехал к ней в самый трудный момент, чтобы поддержать. Смерть пришла в ее семью, когда она была не готова. Друзья пропали, а он — появился. И даже так она была сильной, не проронила перед ним ни слезы. Они сидели на кухне, курили, пили водку, и казалось, что они знают друг друга тысячи лет. Но никто не сказал этого вслух. Он вообще испугался. Ему нужна была дистанция, чтобы посмотреть со стороны, подумать. Не каждый день встречаешь такую женщину. Она же тонула в своем горе. Было вообще не до любовных переживаний. Поэтому промолчала. Снова не поговорили.

Надо отдать должное судьбе, которая сталкивала их еще более упорно, чем раньше. То она выходила ночью из бара, когда напротив проходил он. То шла по городу и случайно в окне встречала его удивленный взгляд. То они двигались противоположными друг другу путями, но все равно оказывались рядом. Как бы судьба ни старалась, кроме холодного «привет», ничего дальше не было.

В историю вмешалось время, которое лечит. Он повзрослел, уехал далеко-далеко, но мысли про нее остались. Она же отпустила обиды, многое поняла. Даже научилась выражать эмоции к мужчинам, впервые за столько веков. Нарисовала на руке тату в виде копыя, чтобы помнить о своей силе.

Скоро они снова встретятся, и другого шанса не будет. Лимит жизней исчерпан.

Она почувствует это, поэтому не станет обороняться. Мирно сложит свое копые,

опустит к нему на плечо и тихо скажет: «Как же я соскучилась!» Отчего в его душе буря сменится миром.

А потом они впервые за столько тысячелетий поговорят.

Игра

Мария Вантеевская

В тот год выдалось какое-то на редкость паршивое лето. Дожди лили каждый день, все вокруг отсырело, хлюпало, чавкало, дороги развезло. Вечером, когда дети поднимались в свою спальню по темной винтовой лестнице старинной дачи, они слушали, как по шиферной крыше колотят частые капли, а вокруг в темноте шумят и стонут промокшие деревья. Взрослые ругали погоду, жаловались друг другу на то, что нужно все время топить печку, в саду ничего не возшло, а что-то сгнило на корню, и часто уезжали в город. Какие-то в то лето были у них постоянные дела. А дети оставались одни. Сначала взрослые просили соседей присмотреть за ними, а потом как-то потихоньку перестали просить: вроде уже не маленькие, должны справляться сами — так говорила бабушка.

И они справлялись. Две сестры-погодки, Саша и Даша. К ним приходили соседские дети: Наташка с Игорем с участка слева, Аркаша, он жил через дом, и Марина — с дачи напротив. И они начинали Игру. У нее не было названия. Просто Игра. Обычно бывало так: собирались на веранде, Саша, как старшая сестра, угощала всех чаем с бабушкиным прошлогодним вареньем. Вяло пили и жевали, но эта вялость была лишь внешней, внутренне они были очень сосредоточены и напряжены. Вдруг кто-то как бы невзначай бросал:

— А давайте... в нашу Игру.

И тут все начиналось... Это была ни на что не похожая Игра. Никто точно не помнил, кто ее выдумал, кажется, Марина, да, точно, Марина. Она была старше всех, хотя училась в том же классе, что и Саша, один год она

пропустила. Что-то с ней случилось, никто не знал что. Почему-то она не могла ходить в школу, сидела дома и очень много читала... На даче она бывала нечасто. Приезжала иногда на несколько дней. Жила там с бабушкой, и надолго ее не отпускали, все время звали домой то поесть, то отдохнуть, то просто без всяких причин. А без нее Игра не клеилась. Остальные пробовали, но быстро поняли, что без Марины будет не то... Особенно ждала Марину Даша. Она очень любила, когда Марина, прищурившись, начинала рассказывать что-то своим хриплым низким голосом. И все, что раньше казалось обыденным, у нее получалось так интересно и значительно. Даша тоже умела поддержать разговор и шутить умела так, что Марина бросала на нее заинтересованный взгляд и смеялась вместе со всеми. И как-то так получилось, что начала Дашу выделять. Они часто гуляли вместе, болтали, мечтали. И Даше льстило это внимание. С другими ей сделалось неинтересно, она чувствовала себя не такой, как все. Сестра Сашка, с которой обычно они были неразлучны, даже стала ревновать. «Иди, там твоя Марина пришла», — говорила она, упирая на слово «твоя». И в Игре всегда оказывалось так, что у них с Мариной была одна команда, одна связка.

По правилам Игры каждый придумывал себе роль. Кто ты, откуда, как тебя зовут, как ты выглядишь, как одет, что любишь и не любишь. А потом начинали действовать в предлагаемых обстоятельствах. Конечно, все девочки хотели быть златовласыми красавицами с голубыми глазами, а мальчики — кто кем. Кто храбрым разбойником, кто рыцарем, кто военным. Марина же всегда выбирала себе роль необычную, никогда не угадаешь заранее, какую. Ребята

договаривались, где все происходит, и Игра начиналась. Дома у Саши с Дашей было интересно. Их старинная дача с укромными закутками, скрипучими половицами, темными тяжелыми шторами, с таинственными чуланами, где хранилось множество забытых чудесных вещей, просто создана была для Игры.

И в этот раз все придумали себе роли и выключили свет, который горел с самого утра. Дача погрузилась в сумрак, а за стенами все шумел нескончаемый дождь. Во время Игры они не замечали ни времени, ни того, что происходит вовне. Даше казалось, что она проваливается в какой-то иной мир, где нет ни стен, ни потолка, где бродят какие-то тени и призраки. Игроки говорили друг с другом, сходились и расходились, бродя по даче, пускались в путешествия, пробирались сквозь хлещущие по щекам ветви, взлетали в небо, парили над землей, опускались под воду. Никто не придумывал заранее слова: они возникали сами. А порой понимать друг друга получалось без слов. Это был странный и опасный мир, и часто там становилось страшно и одиноко, но почему-то он завораживал, притягивал.

В этот раз Марина заявила, что она — Богиня Добра. И будет забирать у людей злые сердца и менять их на добрые. Богиня жила в горах, и все должны добраться до нее, преодолев множество трудностей. Саша и Игорь достигли ее жилища первыми. Они плыли на плоту, Игорь был моряком, а Саша прекрасной феей, которую он спас из заточения. Даша с Наташей оказались на этот раз сестрами, которых изводила злая мачеха, и они сбежали от нее и сквозь темный лес дошли до Богини. Последним появился Аркаша. Он был самым младшим в их компании, и над ним обычно подсмеивались. Он носил очки, от любой неудачи краснел до ушей и никогда не мог придумать себе хорошую роль. Вот и теперь почему-то сказал, что он — мотоциклист. Всем так хотелось скорее играть, что его не стали отговаривать. И он приехал на своем мотоцикле, преодолев опасные реки и горные перевалы, и, очень довольный, заглушил мотор прямо у трона Богини. Мотоциклист был рад, что над ним никто не

смеется, что он, наконец, вместе со всеми, что мотоцикл его не подвел.

Даше показалось, что Игра заканчивается. У нее всегда в такие моменты появлялось особое предчувствие. Тени вокруг становились резче, начинали проступать из сумрака привычные предметы, она услышала, как за окном залаяли собаки. Но тут внезапно Богиня объявила, что видит одно злое сердце, которое нужно поменять на доброе.

— У кого? — выдохнули все.

— Вот у него, — и Богиня указала на мотоциклиста.

Он стоял, беспомощно улыбаясь, и, казалось, не понимал, что произошло.

— Сейчас я заберу его и разобью, а тебе дам новое, — торжественно и тихо произнесла Богиня.

— У меня доброе сердце, — вдруг возразил мотоциклист. — Мама так всегда говорит.

Не обращая внимания на его слова, Богиня встала со своего трона и медленно приблизилась. Мотоциклист оглянулся, как бы спрашивая у всех: «Вы же знаете меня, вы что, тоже так думаете?» Его очки сползли на кончик носа. Все вокруг замерли.

— Ты будешь моей помощницей, — обратилась Богиня к Даше. — Принеси мне волшебный молот. — И она показала на стол, где действительно лежал молоток.

Мотоциклист стоял прямо перед Богиней, поблескивая своими смешными очками, и виновато улыбался. А Богиня подошла к нему совсем близко, сделала какое-то неуправимое движение и с торжествующим криком подняла руку. На ладони у нее лежало что-то темное. Даше показалось, что разверзлась бездна, и

какой-то вихрь закрутил все вокруг. У нее в ушах стоял звон. Мотоциклист сделал несколько неловких шагов и вдруг осел на пол. В одно мгновение Даша вспомнила, как однажды они с Аркашей поехали вместе за молоком, а у нее сломалась педаль на велосипеде. И она везла оба велосипеда, а он мужественно тащил два полных бидона, как он потерял очки, и они всей компанией искали их несколько дней, а Даша вдруг нашла около старой яблони, на которую они залезали и рвали самые красивые яблоки. И внезапно она поняла, что это никакой не мотоциклист, а ее сосед, ее друг, который сидит сейчас на полу, а у него вырвали из груди сердце.

— Не трогай, отдай ему! — закричала Даша. — Он добрый! Это ты злая!!!

И она с яростью бросилась на Богиню, выхватила у нее из рук этот темный комочек, который на ощупь оказался твердым и холодным. Она хотела подбежать к Аркаше и вложить сердце ему в грудь, но между ними стояла Богиня. Она вдруг выросла до исполинских размеров, глаза ее были абсолютно черными и пустыми, а руки сделались необыкновенно длинными и белыми. Даша почувствовала, что самое главное сейчас — не отдать ей сердце. Она обернулась и с отчаянным криком швырнула его в окно. Раздался звон стекла. И тут вихрь, бушевавший вокруг нее, утих, Даша увидела

испуганную сестру, стоявшую рядом с разбитым окном. Кто-то включил свет. Все сгрудились на веранде. На обеденном столе так и лежал молоток. Аркаша сидел на полу рядом с холодильником, в глазах его стояли слезы. И, словно окончательно возвращая всех в реальность, издали донесся рев мотора, темноту разрезал надвое свет фар. Около калитки остановилась машина. Послышались оживленные голоса. Приехали бабушка с дедушкой.

А на следующее утро дождь кончился. На солнце сверкали капли воды, цветы на бабушкиных клумбах поднимали головки и расправляли смятые лепестки. От влажной земли поднимался пар. Детей решили больше без присмотра не оставлять. Вот уже и стекло разбили. Но в городе у взрослых, видно, разрешились благополучно какие-то их дела. На радостях искать виновника не стали, а просто вызвали стекольщика. И уже к вечеру веранда подмигивала новеньким, сверкающим на закатном солнце окном. Марина ни в этот день, ни потом так больше и не появилась. Но как ни странно, про нее никто больше не вспоминал. И в Игру никогда больше не играли... А Даша нашла под свежевставленным окном веранды пустой пузырек темного стекла от бабушкиных духов. Он, кстати, даже не разбился. Она бережно отряхнула его, сунула в карман, и он весь день приятно холодил руку, когда она поглаживала его твердый бок.

Кто я?

Арсений Вулков

Меня зовут Ваня, и я работаю менеджером концертного отдела на одном из старомодных лейблов, где выживает русский рок и не приживается рэп, но речь пойдёт не об этом.

Дело было под Новый год, работать не хотелось больше обычного. Мимо меня в кабинет директора прошёл мастодонт российской рок-сцены. Перед глазами проплыл он, а заодно пролетела и вся моя жизнь: первая сигарета в депрессивном пубертате, пьяные песнопения, студенческая общага, первая близость с девушкой, первая работа (эта самая), и всё под один саундтрек. Не берусь утверждать, скромный я, трусливый или интеллигентно-ненавязчивый, но со словами восхищения и просьбой дать автограф лезть я не стал. Однако задумался.

Часы на рабочем компьютере показывали неверное время, а именно спешили на шестьдесят минут. И всё бы ничего, если бы не надежда оказаться дома через пять часов. Прав администратора у меня не было, а значит, и возможности изменить время на действительное тоже. Вспомнив об этом, я растворился в предстоявших, уже шести, часах, забыв кто, где и вообще зачем я. Но остался он. Собственно, о нём речь и пойдёт. И у него была работа. И в очередной раз он не мог к ней приступить, ведь арт-директор Блока так и не позвонил, и концерту то ли быть, то ли не быть. Не концерт, а Гамлет.

Итак, время было потрачено на эти самые строки.

Слева от клавиатуры стояла полупустая бутылка «Ессентуков». На краю стола лежал запечатанный диск той самой группы, фронтмен которой только что прошел мимо. За монитором дожидалась «Idiot America» Чарльза Пирса с закладкой на сто одиннадцатой странице. По столу рассыпаны крошки от шоколадной плитки Milka «Цельный фундук», заменившей завтрак, на который ни я, ни он не успели, потому что проспали. И надо всем этим витала неопределённость.

За окном смеркалось. С другой стороны, что тому, что смеркалось, было ещё делать в три часа пополудни (именно это время могли бы показывать часы), когда на дворе стоял поздний декабрь. Я вышел выкурить сигарету, рассуждая о том, что только что написал. Возникло устойчивое ощущение, что написанное мной сперва было мной же прочитано.

Я вернулся за стол. Бутылка «Ессентуков» опустела ещё на четверть. Я решил сходить в магазин, пополнить, что называется, запасы. Тем временем я осознал, что, передвигаясь из точки А — офиса — в точку Б — магазин, я не писал, да хоть бы и это самое «...да хоть бы и это самое», однако оно было написано, и я об этом знал, идя по Космодамианской набережной до «КБ».

Вернувшись с вылазки, я принял прежнее положение на ворчащем из-за часто меняющихся хозяев стуле и стал читать. Текст я нашёл вполне логичным и последовательным. Не теряя зазря времени, я продолжил писать и провёл за этим занятием остаток дня. В дальнейшем я искал

потраченное время. Тщетно. К счастью, оно бесконечно.

В 18:00 я покинул офис и направился к станции метро «Третьяковская» по Космодамианской набережной мимо того самого «КБ», процветающей пиццерии, хиреющего итальянского ресторана. Двадцать четыре мусорных бака, тринадцать скамеек и один потерянный бумажник с вложенной фотографией женщины, по всей видимости, значимой для владельца кошелька.

В 18:18 я сел в третий вагон из центра в направлении «Новоясеневской». Тридцать пять минут. Четырнадцать километров. Ясенево.

Я продолжил свой путь пешком. Последнюю сигарету выкурил по дороге к метро, что привело меня в магазин. Я купил пачку красных Marlboro и бутылку Coca-Cola. Через четыре минуты после покупки сигарет и газировки я поднимался в лифте на третий этаж. Наконец, я оказался дома.

Сняв зимнюю куртку и не зимние кеды, я прошёл в свою комнату, попутно поздоровавшись с домашними. За моим компьютером, набирая эти слова, сидел я. Я подошёл и сел на своё место.

Вероятно, читатель задаётся вопросом о морали текста выше. Я рекомендую читателю задаться вопросом: кто я, и почему это имеет значение?

Кузьма

Александр Мартынюк

«И все же немногочисленные таинственные явления время от времени оставляют след даже в моей скромной жизни. И что, я их целенаправленно анализирую? Ничуть. Просто принимаю как есть и продолжаю жить, как и прежде. Размышляя: “Бывает же такое”...»

Харуки Мураками. «Токийские легенды»

Он появился у нас в доме после свадьбы и сразу занял место в крохотном коридорчике как раз напротив входной двери — сидел себе, свесив ножки, на невысоком шифоньере и поблескивал ярко-синими стекляшками из-под косматых бровей. Костюмчик из мешковины, посох и длинная седая борода роднили его скорее с лешим, но звался он, по утверждению дарителей, домовенком Кузей — в конце концов, в квартире туристов и домовенок может смахивать на лешего.

А мы с Анькой были тогда настоящими туристами, считая все прочие жизненные занятия второстепенными. Мы и познакомились-то, собственно, в турклубе, где я был инструктором-водником, а она — начинающей походницей, то есть «чайником». Довольно быстро стали мы симпатизировать друг другу, а после зачетного апрельского сплава по реке Мсте решили, что летом поженемся. В результате свадебное платье Аньке пришлось искать немного попросторнее, чтобы десятидневный срок не слишком бросался в глаза. Мы сами решили: чем раньше, тем лучше.

Туристская свадьба прошла замечательно, несмотря на свирепствовавший сухой закон. До сих пор помню угрюмую стометровую очередь в винный отдел и суровые взгляды, которыми стояльцы сопровождали нас с приятелем, получивших без очереди ящик водки по справке из ЗАГСа. Песни под гитару, дружеские речи, скромные подарки, среди которых и обнаружился Кузьма, — свадьба удалась! Там же договорились, что надо отметить ее хорошим карельским походом. После веселого обсуждения выбрали речку средней сложности — Беломорскую Шую: полная ненаселёнка, красота! Камни, мох, сосны, пороги, комары... Романтика! Нашлись и желающие еще на одну байдарку — Шурик и Верочка. Шурик — длинный рыжий хлыст, раздолбай и весельчак. Верочка — степенная, аккуратная и правильная девушка тридцати двух лет в роговых очках, очень похожая на старую деву, которой она, в общем-то, и являлась. Не самые боевые водники, но остальные — увы — собиралась в большой поход на Камчатку.

Родители наши, конечно, высказывали опасения, хорошо ли беременной отправляться в довольно сложное путешествие, да еще в края, где медпомощь очень проблематична. Такой спор поднялся, что даже Кузьма свалился со своего шкафа. Но мы, а особенно я, были настоящими фанатами водного туризма, уверенными в себе на все сто, и остановить нас такой ерундой было совершенно невозможно.

Время, надо сказать, было не самое сытное и спокойное — 1988-й. Маленькую двушку на первом этаже в Сокольниках, где я теперь обитал с Анной и новоявленной тещей,

обворовали через неделю после свадьбы: легко высадили деревянную дверь (металлических — не поверите! — еще никто не ставил) и, перевернув всё, нашли-таки тещину заначку на черный день — рублей триста. У нас-то ничего еще не было. Пришлось срочно добывать новый замок — а найти этот нужный предмет даже в Москве тогда было очень непросто — и врезать его, раздалбливая стамеской и без того израненную дверь. Ну а тут и август начался — пора в поход. Все закуплено, подготовлено и проверено!

И вот стоим это мы на перроне Ленинградского вокзала возле мурманского поезда, семь вечера, чудесная погода, престарелые Верочкины родители, которые зачем-то притащились, дают ей последние советы. Все отлично, только вот Шурик что-то запаздывает со второй байдаркой. Десять минут до отправления, пять, одна... И вот мы изумленно видим, как поезд медленно начинает движение в сторону города Мурманска, набирает ход и, наконец, показывает хвост, оставляя нас на перроне с разинутыми ртами, а Верочкиных родителей — еще и с выпученными глазами. Минут через пять появляется наш рыжий друг, катит телегу с байдаркой, а сам улыбается, гад. Я, говорит, после обеда что-то прилег, да и проспал. Он проспал, блин! Семь вечера! Ладно, думаю, я ему потом всё выскажу, а пока что хватаю билеты и бегу в кассу. Там немного доплачиваю и переоформляю их на следующий день на тот же поезд. Меня хрен остановишь такой ерундой!

Поздно вечером что-то шлепнулось в коридоре, я вышел, вижу — это опять Кузьма свалился, лежит на полу, ручки растопырил. И чего это ему не сидится! Подобрал, расправил ему бороденку и водрузил поглубже обратно, на шкаф. И тут же — зазвонил телефон. У меня сразу что-то внутри зашевелилось неприятное. И точно, Верочка. Мне, говорит, родители запретили ехать. Извините, говорит, удачи вам всяческой и до свидания. Ну, я родителей ее понять-то могу. Стоит хоть раз посмотреть на этого рыжего раздолбая, как начнут закрадываться сомнения, стоит ли ему доверять единственную дочь. Такая, в общем, фигня — но может, без Верочки-то и лучше? Я же — инструктор, я — крутой, я пружиню к цели как

танк! Звоню Шурику. Ты, говорю, гад такой, Верочкиным родителям доверия не внушил, поэтому пойдешь на своей байдарке теперь один! И еды сбрось пропорционально — не тащить же лишний груз! Он в ответ: понял, больше не просплю.

Среди ночи слышу снова шлепок — и уже понимаю, что это неугомонный домовенок опять шалит. Нет, думаю, пусть валяется, не буду вставать, совсем от рук отбился! И утром нахожу его — но не возле шкафа, а возле самой двери в комнату, как будто к нам полз — наверное, теща ногой случайно ночью зацепила. Посох вывалился из ручек, а лицо мокрое — видно, вода на пол попала, когда цветы поливали. Посмеялись мы между собой над домовенком и спокойно завтракаем, проводим день — и тут, за час до выезда на вокзал, заклинивает замок во входной двери! Кто их только делает? Я выпрыгиваю из окна, забегаю в подъезд и пытаюсь открыть замок снаружи — все без толку, только ключ безнадежно застревает. Беру топор, что-то ломаю, что-то отжимаю — дверь открыл, но замок на выброс, дверь вся искалечена. Да еще этот чертов Кузьма опять на полу валяется, вся борода в щепках! В общем, ситуация критическая. Весь в мыле, пулей несусь в ближайшие хозмагазины — там хоть шаром покати, не то что замков — гвоздей нет! Теща в шоке — как ей жить две недели на первом этаже со сломанной дверью без замка?

Пора между тем ехать на вокзал. И тут что-то ломается во мне: нет, думаю, видно, не судьба. Всё, говорю, хана, Аннушка, нашей Карелии, проведём время на Истринском водохранилище, тоже хорошее место. А Анька подобрала Кузьму, почистила и посадила на полочку перед зеркалом — там вроде бы и места поменьше, но падать он с тех пор перестал, стекляшками своими только иногда сверкнет, как живой — при нужном освещении. Довольный с виду стал, успокоился.

Ну, а мы стали жить дальше — и что же? Через три дня началось у Анны сильное кровотечение, поднялась температура, приехала скорая. Дальше — больница, воспаление, выкидыш, все эти грустные дела...

И вот я думаю: а что, если бы это случилось на берегу порожистой речки Шуи, украшенной дивным сосновым бором, в ста километрах от Белого моря и в стольких же — от ближайшего поселка? Нет, видно, хранил кто-то нас, идиотов!

А Кузьму мы при переезде взяли с собой. Старенький он стал, бородка поредела, но глазки все такие же живые, синие. Родившаяся через три года дочка очень любила с ним играть, пока не пошла в школу. А потом он куда-то исчез.

Маленькая рыба

Ольга Огорельцева

В шесть утра в аэропорту Амстердама я наблюдал, как плавленное солнце медленно выползло из-за горизонта. Мой рейс в Дублин задержали еще на два часа, и я, не имея привычки дремать в залах вылета, отправился бродить по торговым зонам. Пестрые вывески, глянцевые коробки с алкоголем, парфюмом и сувенирами раздражали неспавший глаз, и я решил поискать место, где мог бы утолить свой голод.

В конце аллеи бесконечных магазинов я заметил длинную стеклянную стену, из-за которой появились две женщины с бумажными стаканами в руках. Дойдя до стены, я обнаружил кафе, но не увидел в нем свободных мест. Миниатюрные пластиковые столики были заняты шумными семьями с детьми или бездетными парами с беспрестанно сопящими мопсами и лохматыми болонками в ярких бантиках. В центре зала за овальным столом расположилась, судя по одинаковым рюкзакам с эмблемой Am-team, местная мужская спортивная команда.

Оглядевшись по сторонам и не найдя поблизости других кафе, я настроился подсесть к кому-нибудь из одиночек. Таких было немного. Чуть ссутулившаяся фигура пожилого мужчины сразу привлекла мое внимание, и я вспомнил его — профессора.

Представьте, что вы оказались в нью-йоркском лифте с незнакомцем. И он с вами заговорил. Что вы сделаете? Отшатнетесь с удивлением? Не стоит — лучше поддержать инициативу и пообщаться. Приобретение

друзей где бы вы ни оказались — вопрос вашей открытости.

В свои двадцать четыре я еще вполне походил на студента. Поэтому меня и назначили вести Эдварда. Профессору было за шестьдесят по паспорту и не больше двадцати по способу жить. И окружали его в основном двадцатилетние студенты. Тянулись к нему из-за дара красноречия, веселости и не присущей его годам легкости. А возможности для общения он искал действительно повсюду. В университете среди коллег и студентов, в магазине, где покупал мороженое и никак не мог объяснить хлопающей глазами продавщице, что такое pistachio, на горячей линии «Билайна», который хронически не хотел поставлять качественный интернет на съемной квартире, в частых командировках. В метро однажды я наблюдал, как он поспешил к освободившемуся месту. Обычно в подземке Эдвард внимательно разглядывал и тайком снимал на камеру своего телефона самых колоритных пассажиров. Искал типажи для своего романа о стране, который я нашел в одной рабочих папок на его компьютере. Но не в тот раз. Рядом молодая женщина читала книгу на английском с провокационным названием «Расплата». Эдвард поинтересовался, насколько суровой оказалась расплата. Женщина поначалу зыркнула, а потом, вычислив в соседе иностранца, посмотрела с интересом. Последовал диалог, который перерос в знакомство и непродолжительный, но яркий роман.

И всё было бы хорошо, если бы к дару слова и умению заинтересовывать людей не прилагался маленький изъян в виде острого языка. Прибыв из Штатов, где главной

ценностью провозглашалась свобода, профессор категорически отказывался принять, что по такой гостеприимной стране, где жители обладают врожденным талантом приспосабливаться к дискомфорту, а любые огрехи государства, быта и личных драм описывать словом «нормально», стремительно, болезненно и неизбежно расплодился вирус тоталитаризма и полицейзации. В диалогах со знакомыми и малознакомыми людьми он не стеснялся хлестких выражений и суждений о главе страны, преступной природе местной власти в целом и об отношении двух больших государств из разных полушарий, которые вечно изображаются антагонистами. Умные люди по-доброму советовали Эдварду распространяться потише и желательно поменьше, на что он только поднимал еще одну любимую тему, касающуюся умеренной пользы и большого вреда страха. «В вашей стране исторически одна часть населения жила за счет угнетения другой, — повторял он. — Страх делает перемены невозможными, и это ваша самая большая проблема». На предостережения только отмахивался: «Я — маленькая рыба».

Когда миновала вторая зима, как Эдвард прожил в стране, где оброс завидным числом дружеских и деловых знакомств, его пригласили на закрытый турнир восточных единоборств, явно намекнув на то, что в мероприятии поучаствует и самый главный человек государства. Профессора — давнего и верного поклонника карате, обладателя черного пояса, — уговаривать не пришлось. А в день соревнований, сидя в первом ряду маленького зала, он увидел, как первое лицо легко и без лишних усилий почти в начале схватки уложили на татами.

Через неделю Эдвард дал интервью на радио, где рассказал о том, что увидел на турнире, и озвучил мысли. В стране искусственно создавался образ сильного и непобедимого лидера, наделенного неоспоримым очарованием. Но правда была иной.

А спустя еще несколько дней мне поступил приказ закругляться с «объектом». Я

дождался профессора после занятий и некстати задрожавшей рукой показал Эдварду удостоверение в корочке. На лавочке в цветущем майском парке я — офицер федеральной службы безопасности Чертков, — на плохом английском пояснил профессору, что в моем ведомстве знают о его работе в разведке в прошлом.

— Мой бог, это было сорок лет назад и в другой стране! — поперхнулся профессор.

— Это неважно. Тут как и с наркоманами... бывших не бывает, — стараясь не выдать волнения, нес я какую-то чушь. — Поэтому в ваших интересах покинуть страну в самое, повторюсь, самое ближайшее время.

Я остался на месте, глядя вслед удаляющейся спине Эдварда, пока он понуро брел в сторону метро. Вечером ему под моим надзором позвонил ректор и рассказал, что к нему тоже приходили, а потому они вынуждены попрощаться.

Собираясь Эдвард быстро, склонности к накоплению вещей никогда не имел и был весьма экономен.

На следующую за беседой в парке ночь он вылетел на родину. Студентам объяснили, что профессору пришлось срочно уволиться по семейным обстоятельствам.

Передавая закрытое дело в архив, я снова прочитал о том, что Эдвард провел свою молодость в Берлине во времена, когда город был разделен на две части. Тогда еще только выпускник факультета германской филологии Брентвудского университета, он работал в военной миссии связи на контролируемых державами-победителями территориях. И хотя официально такие миссии создавались для изучения технической инфраструктуры, помощи бывшим военнопленным и поиска пропавших без вести солдат, фактически это действительно было разведкой на землях, подконтрольных Советскому Союзу.

В отделе я проработал пять лет. Пять изнуряющих, выжигающих изнутри, ломающих личность лет. Я часто вспоминал «маленькую рыбу» и его слова, которые все больше срастались с моими собственными принципами. И чем сильнее контрастировали мои мысли с необходимостью действовать в угоду государству, тем больше я понимал, что и моя жизнь здесь подходит к концу.

Отпустили, как и предполагал, пообещав, что светлого будущего на родине мне не ждать.

Глядя на постаревшего Эдварда в кафе аэропорта, я долго думал, смогу ли подойти к нему и обыграть задачу с лифтом. Но так и не решился. На барной стойке за его спиной стоял маленький аквариум, в котором беспокойно сновала одинокая рыбка-комета.

Мандельштам и блогеры

Мария Русанова

Даша вышла из филфачного корпуса. Рядом курили перваки с такой претензией, будто из-за угла должен был выпрыгнуть специальный человек и закричать: «Что вы, что вы, товарищи! Обществу только и нужны ваши споры о том, что было раньше — слово или логос, продолжайте, пожалуйста! Что же вы замолчали?»

У Даши был первый день месячных, потому от первачки, которая кричала, что логос есть в сущности нечто транс-цен-ден-тальное, несло острым потом, а и без того фиолетово-серому корпусу хотелось поставить фингал под глазом. На желанный капучино из кофейни напротив не хватало двадцати восьми рублей, курилка с химозным апельсином на триста затяжек, которую Даша так прятала от мамы, естественно, закончилась уже на следующий день.

Денег было только на томик Мандельштама: полоумная преподавательница в жестком климаксе требовала приносить тексты на занятия только в бумажном варианте. А еще она не впускала в аудиторию девушек с распущенными волосами. Наверное, не переносила органической, трушной молодости и, соответственно, прогресса любого уровня и масштабов.

Вечером Петр устраивал у себя пения неизвестных песен Башлачева. Нужно было убрать мерзенькое чувство тоски, наживую прошить себя духовным интересом, вбросить в себя пару ложек гречки (в тусовке Петра это было эдакой трубкой мира, символизирующей

примирение со скудностью бытия и антиконсюмеристские настроения) и просто пережить этот день.

Воздух пах не так, и вода сегодня казалась горько-поганой. Жизнь была откровенной не-транс-цен-ден-тальной сранью. Одна надежда оставалась на книжный — один из самых больших в Москве.

Книжки оттуда было счастьем просто держать в руках, и полки летели бесконечными рядами куда-то в литературный рай. Вот только сегодня в раю что-то перепутали: Петр (не Дашин, а райский) проспал набег ИХ.

ОНИ все были как из случайной рекомендации в соцсети: у каждой по айфону, на ногтях фигурки в виде пачек денег и красных губ. А на лице — лицо. Новое!

Даша глянула на свои ногти: на указательном пальце невовремя торчал большой заусенец. В зеркальную витрину смотреться не хотелось.

«Проявляйтесь! Будьте неудобными и не будьте бедными! Вы этого достойны!» — провозглашала в микрофон девушка. У нее на ногтях тоже что-то было наклеплено, а в руках она держала книгу ярко-розового цвета с собственным фото на обложке и заголовком «На денежном». Вообще Даша все, что не художественное и не признанное литературными критиками, за

книги не считала. Так, беллетристика, чтобы бабушке в деревню для туалета привозить. Но эта книга переливалась даже под скудным светом книжного, а девушка была такая открытая и раскрепощенная. Даше стало стыдно.

«Кого ты слушаешь, инфоцыганщину эту? Бери Мандельштама и иди учиться», — пробормотала она себе под нос.

«Мда, трэш», — щелкнула перед ее носом когтями какая-то девица, цокнула жвачкой и поморщилась.

«И это я, Саша Мелюкова, открываюсь этой жизни! Давайте все помашем миру и скажем: мир, привет! Мир, при-вет!» — улыбалась девушка.

Дома Даша нашла в соцсетях Сашу. Она оказалась певицей, «чи песни залетают в реки», и коуч-тренером по денежному мышлению.

«Ага, реки — рекомендованные видео, это я знаю. Коуч-тренер — это как пресс качать, когда тебя параллельно с этим мотивируют?» — подумала Даша.

Саша повествовала о красивой жизни, мышлении богатых и бедных, встречалась с мужчиной, продающим курсы по криптовалюте, и недавно купила себе блестящую машину без верха. О крипте Даша ничего не знала, как и о видах машин. Да и подписаться не подписалась, чтобы Петр с компанией вдруг не увидели, но вечерами, когда мама не заглядывала в телефон, посматривала Сашину страничку.

На неделе у Петра был день рождения. Три года назад Даша подобрала его, шестнадцатилетнего и забитого, будучи вожатой в лагере. Петр носил длинные рыжие волосы, был субтильным парнем с острыми ушами, веснушками и зелеными глазами, которые прятал в себя поглубже. Вечерами у

костра он аккуратно клал голову на Дашино плечо и бормотал песни Гребенщикова вслед за всеми.

У Петра были и папа, и мама, и две сестры с братом, и даже кошка. Все носили шаровары, обитали исключительно на кухне и говорили о вечном. Маму с папой Петр называл по именам — Таней и Ваней.

Впервые Таню Даша увидела, когда та облачно и витиевато прилетела на кухню, отрезала кусок репы (кто сейчас ест репу?) и стала ею хрустеть. Вокруг нее жужжала сфера, Даша сразу ее почувствовала, но потом только поняла: эта сфера была свободной, по-хиппарски легкой и такой для нее недоступной. И жужжала она потому, что Даша была не из них. Хоть и очень старалась.

Потом Петр подрос, срезал волосы и перестал ходить на загадочную барышню. А потом в кулуарах (Даше все рассказали) назвал Дашу глупенькой. Наверное, потому что понял: Даша не из своих, Даша — другая. Даша старалась не замечать, как он закатывает глаза, когда она напевала такие же, наверное, глупенькие песни о любви, и любила его, как может любить только названная, но уже не особо нужная сестра: вопреки растущему его высокомерию и все время в надежде на что-то.

На день рождения Петра собирались подростки — временные и вечные: у кого-то седые волосы не проступали, а росли не первый десяток, а кто-то вчера в первый раз побрился. Звенели советскими стаканами с красным сухим, травили анекдоты про Сталина с Брежневым, бормотали, завывали и просто тоненько пели под гитару.

Квартира была такого вида, будто застала смутное время, петровские реформы и отмену крепостного права сразу: была мировой и разрушенной.

«Как и мы все, как и мы все», — думала Даша, отколупывая краску с подоконника.

Пётр старался не смотреть на нее, хотя Даша выводила песню звонче и чище остальных. Ваня, отец Петра, обсуждал последнюю документалку с каким-то дедом в оранжевой кепке с помпоном и морщился. Потом подали гречку, и она оказалась горелой. А потом в очередной раз плеснули всем вина и начали обсуждать, что появилось раньше — слово или логос.

«Да что такое, и тут о том же. Что я тут до сих пор делаю? Кому я тут нужна? И сколько можно есть гречку?» — подумала Даша и оглянулась. Пётр вдруг поймал ее взгляд, и они оба поняли: ей пора.

Даша долго шнуровала ботинки, прислушиваясь к гитаре и пародиям на политиков. Затем своровала чью-то пачку сигарет и, не запахивая пальто, вышла.

Марина

Тося Нагдасёва

Ей было что-то около пятидесяти. Точно ее возраст не знал никто, даже мужья, подсчитать которых тоже было крайне сложно. В межсезонье Люба жила на средства от предыдущего мужа. Как ей удавалось бросать мужчин так, чтобы они еще несколько месяцев продолжали переводить ей деньги, было еще одной ее тайной. Если в женщине и должна быть загадка, то в Любе их было с лихвой. Она с детства знала, что достойна хорошей жизни, беззаботной и веселой. Поэтому, когда очередной муж начал со временем превращаться в нытика и брюзгу, она без скандала вытурила его из дома, после чего тщательно вымыла во всех помещениях полы.

Люба встала, как обычно, в десять, неторопливо заварила кофе и, завернувшись в изысканный шелковый халат с кисточками, вальяжно расположилась на диване. Спешить ей было некуда, да и сто пятьдесят три непрочитанных сообщения никуда не убегут. «Привет, крошка!», «Доброе утро, киса»)), «Ммм, а покажешь что-нибудь еще?». Женщина, зевнув, пролистала сообщения. «Я все решил. Дай мне еще три дня, и я...» Дальше предпросмотр ничего не показывал. Люба довольно усмехнулась. Ее глаза сверкали точно так же, как сверкали каждый раз, когда она выходила замуж или разводилась. Это была ее очередная маленькая победа.

котик ты настоящий тигр 🐱🐱

просто не терпится тебя обнять 🤗

скоро ты сделаешь это на Сардинии,
любимая

нет я сделаю это раньше

в аэропорту

конечно, киса

прости, у меня занятия

дада

ухожу

не мешаю

вот только

у меня нет купальника

ты представляешь

мой испортила стиралка

он сел и не налазит

угадаешь в каком месте?

Люба закрыла чат. Открыла фотоальбом «Марина». Нашла среди прочих фотографий полуобнаженной девицы ту, где у модели из

купальника вываливалась ладно сложенная грудь. Отправила ее в чат «Игореша». Реакция не заставила себя ждать. На экране всплыло уведомление: «Вам перевели 5000 р.» Люба выслала поцелуйчики и перешла к другим чатам.

ты куда пропала, красотка? 🥰❤️

интернет кончился 😞

вот с телефона сiju 📱

но я недолго

очень плохо ловит и деньги заканчиваются 📴

давай положу 🛏️

ты что не надо!!

не а что такого! не стесняйся! тебе это не идет! 🍓

да уж я не из стеснительных 😊😞

пиши, куда кидать

«Вам перевели 1000 рублей». Люба выбрала в архиве подходящую фотографию, выражающую радость.

Первые два часа работы принесли ей 15 тысяч рублей и практическое завершение миссии под кодовым названием «Сардиния». Хотелось шампанского. Не всегда Любе так легко удавалось вытряхивать из собеседников деньги. Они часто просили позвонить по видео, и тогда их приходилось блокировать. В

бан летели и те, кто, переслав уже немаленькую сумму, начинали догадываться, что их обманули. Сегодня ей явно везло. К тому же за день никто не жаловался на опостылевших жен, на спившихся друзей или на скучную работу. Никого не нужно было утешать, жалеть или просить о помощи. Все сами охотно переводили деньги на клубничку и булавки. Кроме морячка Коли, который давно кормил Марину завтраками. Но удалять его Любе было жалко. Его рассказы о поездках были так живописны и романтичны, что вдохновляли на новые подвиги в других чатах. Ничего, его еще можно дожать. Кажется, он все-таки правда влюблен.

17:00. Скоро вернется Костик. Пора готовить ужин. С появлением в доме внука Любе пришлось немного сократить свое рабочее время, но прибыль от этого, как ни странно, не уменьшилась. Даже возросла. То, что приходилось скрывать от чьих-то глаз, в Любе разжигало азарт. Кроме куража, Костик разбудил в Любе и тот материнский инстинкт, которого не было у него при рождении его мамы Кати.

Люба одной рукой набрала «Мне пора бежать! Целую, пупсик _____», скопировала и стала отправлять в чаты: в один за другим, внимательно следя, чтобы никто из адресатов не был обделён или, наоборот, не получил двойную дозу прощания и поцелуев. Аккуратность — прежде всего!

Костик пришел на час позже обычного. Люба уже собиралась звонить по больницам и моргам, когда в замке входной двери заскрежетало. Костик рывком снял с себя ветровку, бросил ее в угол прихожей и всего тремя шагами пронёсся мимо удивленной бабушки в свою комнату. Люба не стала стучаться в дверь и выяснять, что случилось. Не зря она столько раз была счастлива в браке. Кое-что в мужчинах она понимала и прекрасно знала, что через двадцать минут внук сам появится на кухне.

— Ба, я решил пойти работать, поэтому перевозжусь на заочное, ну как получится.

— Костя, не говори глупости! Тебе не хватает денег? Я могу давать тебе больше. Сколько тебе надо?

— Ба, ну не надо. — Костик задумчиво размял ложкой кусок вареной картошки в дымящемся супе. — Я уже решил. — Не успевший остыть суп демонстративно отправился в рот, ставя точку в разговоре. Подобное свидетельствование хорошо усвоенной поговорки «когда я ем, я глух и нем» Любу в сложившейся ситуации совсем не устраивало. Она многозначительно смотрела на внука, пока он обедал. Не успел суп полностью покинуть берега тарелки, как внук сдался. Нет, он не проиграл в карты, не разбил тачку бандитов, не вписался в плохую компанию и не стал наркоманом, и если надо дыхнуть, он может и дыхнуть, но, кроме картофельного супа, бабушка вряд ли почувствует что-то еще. Так в чем же дело? Да просто один из преподав поехал кукухой и стал требовать со всех деньги за пересдачу.

— Тысячу евро. Козел.

— А где ж нынче евро-то взять? — спросила Люба с удивлением.

— Ну да, так он ещё знаешь, че сказал: «Чем дольше вы откладываете, тем дальше ввысь уходят ставки». Философ гребаный.

Бабушка замерла. Эту фразу она выдала неделю назад одному из своих адресатов. Как раз он и написал ей сегодня утром, что все решил и совсем скоро...

— А как зовут этого твоего философа? — медленно произнесла бабушка, делая вид, что этот вопрос для неё ничего не значит. Всего лишь женское любопытство.

— Игорь Иванович.

Это имя она знала.

— Ба, ты не расстраивайся раньше времени. Я все решу.

Люба любила, когда мужчины сами все решали, но это была явно не та ситуация. Кажется, сегодня ей придется выйти во вторую смену.

мяу 🐱

Игореша

котик

как прошел день?

Ответ не заставил себя долго ждать. Игореша замурлыкал в ответ и прислал селфи-документ, подтверждающий его хорошее, несмотря на находящуюся в соседней комнате опостылевшую жену, настроение. На фотографии был немолодой, некрасивый, нехолёный мужчина, немного уставший, немного потерявший волосы на голове. Приставка «не» была главной его характеристикой. К тому же он пытался изобразить что-то вроде страстного огонька в глазах, но, кажется, давно забыл, что и как его зажигает. Люба испытала некоторую брезгливость и одновременно с этим жалость. Она считала, что мужчины становятся такими только рядом с неправильными женщинами. Но спасение утопающих было делом рук самих утопающих.

ты знаешь

я передумала

поехали в Египет 🌍🌊☀️

завтра

я не могу ждать 🕒👩

Люба выбрала самую эффектную на свой взгляд фотографию Марины и незамедлительно отправила ее в чат. На ней Марина с помощью только бровей и губ изображала призыв к решительным действиям.

Игореша замолчал. Пятница была завтра. Люба пошла козырным тузом.

ты меня любишь? 🧐❤️

Крыть Игорю Ивановичу было нечем. На Египет у него уже сумма набралась, и Марина об этом знала. Любе пришлось скупое «да».

На следующее утро Люба встала раньше внука, приготовила завтрак, сварила себе кофе. Увидев бабушку на кухне так рано, Костик удивился, но понял: это она из-за него. Бодрости духа ему это не прибавляло, и он, сытый, но хмурый, отправился в институт. А Люба начала ожесточенную борьбу за чистые пол, окна, шкафы и полки. Обряд очищения в этот день занял немного больше времени. Люба неохотно делала перерывы, чтобы с помощью сообщений проложить верный маршрут для начинающего сомневаться Игоря Ивановича. Напряжение котика Игореша передавалось и ей, но Люба должна была довести дело до конца.

дада

жди любимый 😊

я опаздываю

стой около стойки регистрации

никуда не уходи 😞😓

ох как я тебя сейчас зацелую

Люба сделала глубокий вдох и тяжело выдохнула.

Одним широким шагом Костик вошел на кухню, схватил со стола румяный пирожок и откусил добрую половину. Он был весел.

— Руки мыл?

Люба, не оборачиваясь, продолжала мыть посуду.

— Ба, прикинь, Игорь Иванович сегодня отфигачил. Опоздал на пересдачу, прикатил огромный чемодан, поставил всем пятерки и убежал с этим чемоданом в охапку. Это была реально ржака, ты бы видела.

— Очень хорошо. Суп греть?

— Угу, — промычал Костик. Тихий голос бабушки предвещал неладное. Внук стал перебирать в голове последние дни, пытаюсь вспомнить, где он мог накосячить. — Чет ты это, какая-то не такая. Все ж хорошо, ба. Я не отчисляюсь, на заочку не иду. Ну че ты? Работать тоже пока не буду. Кстати, а че ты говорила вчера, что можешь больше дать? У меня тут...

— Я должна тебе кое в чем признаться. Я хочу, чтобы бы знал, откуда у нас деньги.

Костик замер.

— Ну там мать и отец присылают, не?

Бабушка сложила руки на столе и посмотрела внуку прямо в глаза.

— Я скамщица, — твердо сказала Люба. — Я развожу мужчин в интернете на деньги. И месяц назад все пошло не так. Это из-за меня Игорь Иваныч вас всех на сессии завалил. Этот

старый дурак собирал деньги на поездку в Италию. Но сейчас он стоит в аэропорту и ждет, когда его крошка примчится к нему, и они махнут в Египет. Но она не примчится. А деньги, которые он с вас собрал — все здесь.

Бабушка вынула из кармана халата толстый конверт и положила его перед внуком.

— Отдай ребятам.

— Ба, ну ты красава! — с нескрываемым восторгом вскричал Костик. Он хотел расспросить поподробнее и посмотреть переписку с Игорем Ивановичем, но бабушка шикнула.

— Ну лан. Слушай, ба, а что, если я не буду Руслану отдавать его долю, он такой утырок, просто весь курс задолбал. А мне эти деньги пригодятся. Свожу девушку на выходные в Москву. Ба, ты бы ее видела! Она такая, такая... Ну, короче, тебе бы тоже понравилась. Мы с ней в интернете познакомились. Пока еще ни

разу не виделись, и я ей зачем-то сказал, что я моряк. Ну у нее имя такое: Марина. И я че-то думаю, ну Марина, я тогда моряк. Но я думаю, она не расстроится, что я моряк. Какая ж разница, если я люблю ее.

Крышка от кастрюли звонко ударилась о кафельный пол.

Тем временем Игорь Иванович, понурив голову, вкатил в темную прихожую своей печальной квартиры чемодан. Его жена, Елизавета Андреевна смотрела на него победительно и раздраженно. Она только было открыла рот, чтобы разразиться привычными проклятиями и отработанным годами криком, как Игорь Иванович резко оборвал ее одним словом:

— Замолчи!

Жена опешила и поджала хвост. Игорь Иванович впервые предстал перед ней не только мужем, но и мужчиной.

На вырост

Натаалья Голубева

По голой ноге побежали мурашки, сквозь занавеску пробивался шум городского рынка. Картонка не защищала от холода, и Толику Киселеву казалось, что он, как пингвин, плывет на отколовшейся льдине. За полгода скачок роста лишил его половины гардероба. Рубашка собиралась гармошкой и хрустела нитками, свитер от натуги пошел дугой вверх. Еще пропали штаны, в них он уже почти не влезал. Мать сначала старалась не замечать перемен, покупки приводили ее в ужас, зарплату на заводе пятый месяц платили фарфоровыми сервизами. Но сын все больше вытягивался и начал походить на хорошо сколоченный шкаф. Мать заняла денег по знакомым и повела его выбирать обновки.

Перед выходными Толик делал вид, что ему все равно, он уже взрослый и не будет радоваться подачке. Зато когда он закрывал глаза и представлял новенькие, без вытянутых коленок, джинсы, счастье расправляло над ним свои крылья. Во сне одноклассница Ленка улыбалась ему и даже держала за руку. А на школьным дворе поместилось море, и ярче солнца белели на волнах чайки.

Центральный рынок к обеду развернул пестрые кущи. В палатках гирляндами повисли олимпийки, столы с трусами напоминали цветочную поляну. Рядом с облупленным манекеном Толик заметил джинсы — чистая синева с желтой прострочкой.

Толик сразу направился к палатке. Он согласился примерить пару других моделей, но только для отвода глаз — если сразу сказать матери, какие брать, она начнет искать подвох.

Продавщица одернула шторку и подставила зеркало. Толик замер и расправил плечи. Джинсы сидели как надо, только длина штанин оказалась на вырост. Торговка зашкворчала «красавцем» и «женихом». Толик с мольбой посмотрел на мать. Она наморщила лоб и махнула рукой — заворачивайте.

В школу Толик отправился раньше обычного, шел по улице, легкий и переполненный ожиданием. Без рюкзака ветер бы подхватил его и унес к бледной полоске рассвета за пятиэтажками. На перемене пацаны уже затеяли «сифу» и перекидывались тряпкой для доски. Толик включился и зафутболил меловой жижей под нос Ленке.

— Ну, Киселев, тебе конец!

Махнув пушистым хвостом, она прыгнула со стола. Толик дернул через парту в соседний проход, Ленка не отставала. Улюлюкая, Толик понесся в коридор и, расталкивая пятиклашек, решил срезать через лестницу. Хваткая Ленка зацепила пятерней его кофту, Толик почти вывернулся. Ленка, чувствуя, что добыча уходит, с силой толкнула одноклассника в спину. Стены и потолок сделали два оборота, слившись в сине-голубой туннель, в равновесие картинка вернулась с треском — под лестницей Толика поджидал расшатавшийся штырь.

Коридор затих. Кто-то побежал за учителем. Толик лежал под лестницей и не двигался, он знал, что цел: успел сгруппироваться и вовремя отпружинить. Но

приходить в себя не хотел, что-то черное поджидало его за осознанием.

Ленка крикнула Толику, чтобы он перестал выпендриваться и поднимался. Она пригляделась — спина мальчика мелко подрагивала, будто от смеха. Ленка спустилась и увидела, как Киселев пытается соединить обрывки штанины над расцарапанной до крови ногой. Толик не плакал, вместо слез веснушки скучились на щеках. Руки дрожали, как картошка в кипящей воде. Слова из ленкиной головы пропали, она пыталась вспомнить хоть что-то, но вместо них вылетел смешок.

Толик подскочил, в два прыжка добрался до гардероба, дернул с крючка куртку и выбежал из школы. Он кружил по району дворами, в одном из них рухнул на скамейку. Киселев боялся опустить глаза и снова это увидеть. Он знал, что джинсы больше никогда ему не помогут, что, даже если зашить дыру, ткань мира не починить. Как сказать матери? Она же убьет. Никогда не простит. Может быть, уйти из дома, пойти сторожем в детский сад? Дед Семен так и живет в каморке на входе. Правда, могут не взять из-за возраста. Ну тогда в бандиты, бегают он быстро. Ребята из секции бокса говорили, что к старшим иногда навешиваются мужики из группировок — набирают к себе. Нет, они же людей убивают, так не пойдет. Год назад Толик проходил мимо ювелирного магазина, где местные авторитеты выясняли отношения, от вида крови на асфальте его стошнило.

Следом он вспомнил Ленку. Теперь Толик ее ненавидел, но смутный интерес множился комом и душил. В голове то и дело звучал ее смешок. Чем дольше он думал, тем больше злился. Толик вскочил на ноги и решил действовать.

В квартире было тихо: ни стрекота новостей, ни разговоров родителей — непривычная картина для позднего вечера. Темноту коридора разбавляла слабая полоса света, просочившаяся из-под кухонной двери. Толик проскользнул в комнату и переоделся.

Раздался голос, мальчик нехотя поплелся на зов.

Мать смотрела в окно, на краю стола ютилась остывшая чашка, радио стонало в такт шагам.

— А отец разве не дома? — выдавил Толик.

— Работает в ночную смену вместо напарника. Мы весь день тебя ищем. Где ты был?

— Я к Сашке ходил.

Мать развернулась и выдохнула:

— Не был ты у него, я звонила Ивановым и Семеновым, всем твоим друзьям.

— К другому, из секции, ты его не знаешь.

Мать снова отвернулась к окну:

— Я однажды сбежала из дома. Лет пятнадцать мне было, рассорилась с твоим дедом из-за ерунды — мальчишки, оценки. Неделю жила у подруги на даче, тогда мне казалось, что я просто хочу быть взрослой. А на самом деле ждала, что отец за мной приедет и поговорит.

— И что?

— Ты мне врешь, и мы оба это знаем. Что-то случилось, и я хочу понять.

— Мне уроки делать надо. — Толик попятился к двери.

— Ты ходил к сторожу, я позвонила в детский сад.

Толик дернулся:

— Да, ходил! Не возьмут они меня на работу! Знаешь, почему я ходил? Потому что я порвал эти дурацкие джинсы! Все, плакали твои деньги, зря занимала, зря таскала меня по базару.

Толик выбежал из кухни, через секунду вернулся и бросил джинсы на пол к ногам матери.

— Вот, довольна? Поговорили? Орать теперь будешь или плакать?

Мать молча уставилась на измятые штаны и опустила плечи. Под рассеянным светом лампы они превратились в тень нашкодившей собаки. Еще минута, и уползут под стол.

Мать подняла их, встряхнула и внимательно осмотрела раненые места. Затем заставила сына застирать джинсы в холодной воде — раз умудрился порвать, пусть сам и поправляет. Штаны уже не спасти, зато из остатков получатся отличные шорты на лето.

Толик с покрасневшим от старания лицом пыхтел над мыльной пеной. Мать стояла за его спиной, подбадривая, мелким движением она смахнула капельку воды, затесавшуюся у века. В дверь позвонили. Мать пошла открывать, в коридоре помедлила — ночные визиты ничего хорошего не приносят.

— Здравствуйте, а Толик дома? — На пороге застыла Ленка. В руках она сжимала синий сверток.

Наташкин прицеп

Анна Анинибуг

— У меня есть прицеп!

Мы устали на Наташку. Она теребила перекинутую через плечо длинную косу и довольно улыбалась.

Прицеп — это вам не лом с помойки! Я прикинула в голове, сколько может весить прицеп. Уж точно больше, чем остальные классы принесут.

Мы заканчивали четвёртый и впервые собирали металлолом. Директор объявил, что класс, собравший больше всех металлолома, получит грамоту, и дал на сбор два дня. Во дворе школы установили внушительных размеров весы. При виде их мои ладошки вспотели. Такая ответственность! Всё вторсырьё, которое соберёт школа, потом пойдёт на сплав, а из этого сплава появятся новые полезные вещи: и кровати, и заборы, и много чего ещё.

Вчера мы полдня провели на свалке. И никто нам слова не сказал. Никаких тебе «Ты как поросёнок!», «Ты же девочка!» и «Не смей ходить на помойку!». Наоборот: «Беги!», «Пачкайся!», «Ай, какая молодец!»

Но мы нашли мало. Старшеклассники успели унести до нас самое тяжёлое. Нам достались тонкий лом, какая-то труба и ржавые гвозди. Разве с этим выиграешь? Мы представили наши находки на чаше огромных весов и поникли, пока Наташка не вспомнила, что у неё во дворе находится.

— Только сами не дотащим, — сказала она.

Мы бросились за подмогой. До пяти часов вечера нужно было позвать на помощь одноклассников и доставить общими силами прицеп в школу.

С детства я усвоила, что есть два волшебных слова: «спасибо» и «пожалуйста». Теперь к ним присоединилось третье: «прицеп». Слово это творило чудеса. Оно моментально одевало ребёнка и ускоряло его в сторону Наташкиного дома.

Дома мы застали только Кольку и Андрюшку. Спустя час все собрались у Наташки.

Наташкина семья жила в своём доме. Так назывались все деревянные дома у нас в городе. И стоял он прямо напротив нашей кирпичной трёхэтажки. Я выходила на балкон и кричала Наташке через улицу. А она, выглядывая из окна, кричала мне в ответ. Очень удобно, надо сказать.

У Наташки был не только свой дом. Но и свой огород, свой колодец, свой забор, много всего своего. Вот даже прицеп!

Через высокую зелёную калитку с толстой щеколдой мы прошли во двор. Справа — большой коричневый дом. Окна с резными белыми ставнями. Когда они открыты, вишня врывается внутрь, роняет спелые ягоды прямо

на подоконник. Летом в гостях у Наташки мы часто сидели за столом и ели их прямо с веток. Но сейчас весна. Ветки усыпаны почками.

Во дворе липкая, влажная после дождя земля, слева пустая ещё клумба, выложенная половинками красных кирпичей. Впереди длинный огород с уже намеченными грядками и просыпающимися после зимней спячки смородиновыми кустами. И сбоку от грядок вповалку ждёт наш спаситель — прицеп.

Мы взволнованно затаили завязки на шапках.

— Верёвка есть? — спросил Андрюшка, самый высокий и крепкий из нас.

— Только бельевая, — подумав, ответила Наташка.

— Не выдержит. Так понесём.

Мальчишки растёрли руки. Андрюшка вытер рукавом нос и распределил нас вокруг прицепа. На «раз, два, три» мы приподняли прицеп и левой-правой донесли его до дороги.

Дальше прицеп двигаться отказался. Мы прислонились к нему, поговорили про домашку. Лилька задумчиво постучала носком ботинка об асфальт и сказала:

— У меня теперь два галстука.

— Как два? Ты же потеряла галстук. У тебя должно быть ни одного, — удивилась я.

— Потеряла. Вчера мне купили новый, а сегодня я нашла тот, потерянный.

— Вот так штука, — сказал Андрюшка.

Мы немного помолчали, обдумывая услышанное. Даже чуть завидно стало. Целых два пионерских галстука! Будто вдвойне пионер.

— Ну что, на «раз, два»? — нарушил молчание Колька, самый умный мальчишка в классе. — Я подсчитал, что если будем делать остановки дольше пяти минут, то не успеем. Давайте отдыхать минуты по две.

Мы, конечно, сразу взялись за прицеп. У Кольки был математический склад ума. Он считал быстро, будто в голове у него не мозг, а калькулятор. Тем более мы уже отдохнули, и прицеп решил, что может нам доверять.

Метра три вдоль дороги. Остановка. Ворона на обочине клюёт горбушку ржаного хлеба, прижав её лапой. Увидела нас, каркнула и взлетела, унося добычу.

— Прико-о-ол, — протянул, глядя ей вслед Андрюшка.

Я хихикнула:

— Я вчера сказала маме «Прикол», а она мне: «Прикол — это когда таракана к стене прикололи. А то, что я имею в виду, это весело или интересно». Но мне всё равно слово «прикол» нравится.

Мы немного подумали над этим. Потом Колька напомнил про две минуты. Снова метра три вдоль дороги. Остановка.

— Говорят, через неделю в кинотеатре новый мультсборник будут показывать, — сказала Наташка.

Мы сразу оживились.

— Вот бы продолжение про крота! — обрадовалась я.

— Да! — подхватила Лилька. Чешский мультфильм про крота нам очень понравился.

— Помните, как они всё вокруг красками разрисовали? — Это был мой любимый выпуск.

— Лучше бы про Болека и Лёлека, — сказал Колька.

Несём ещё три метра. Ветер прошелестел куском газеты, переводя его за уголок через дорогу.

— Говорят, в сентябре будем макулатуру собирать, — сообщила Лилька.

— Вот так штука, — переводя дыхание, сказал Андрюшка.

Колька же сразу всё просчитал в голове:

— Тогда лучше газетами пока не топить, пригодятся.

— Мы дровами топим, — ответила Наташка.

— И мы, — сказала я.

На самом деле мы донесли бы прицеп и до школы, но тут нам навстречу выехал мой папа на велосипеде.

— Чем это вы занимаетесь? — поинтересовался он. Выслушал нас и спросил у Наташки: — Алексей точно разрешил брать прицеп?

— Точно! — кивнула она в ответ и немного покраснела.

Алексей — её старший брат. Настолько старший, что он уже работал в магазине: возил товар на мотоцикле, к которому была прицеплена тележка.

Папа обошёл вокруг прицепа, почесал затылок и сказал, чтобы мы никуда не уходили, ждали его, и уехал. И мы ждали, только Наташка тербила то подол пальто, то косу.

Вскоре папа вернулся пешком вместе с дядей Женей, нашим соседом.

— Я вам помощь привёл, — радостно сообщил он.

Прицеп добрался до школы гораздо быстрее и веселее. Мы с Лилькой и Наташкой носились вокруг папы, дяди Жени и мальчишек, которые пыхтели с прицепом. Пришли мы как раз вовремя. Подходила очередь взвешивать «улов» нашего класса. Вокруг прицепа столпилась вся школа, а директор сказал, что победитель налицо.

Мы уже практически решили, куда повесим грамоту, представили свои фото на доске почёта, Лилька даже выбрала, какой из галстуков наденет для фотографии. Но тут появился Алексей, а Наташка спряталась за меня.

Он увидел прицеп и облегчённо вздохнул. Директор пожал Алексею руку и выразил благодарность за пожертвованный школе, а, соответственно, и государству прицеп. Алексей на это смущённо ответил, что никакой жертвы не было, а прицеп казённый и им жертвовать не положено, он на учёте стоит.

И как-то сразу стало понятно, что не видать нам фотографий на доске почёта, да и грамота будет не в нашем классе висеть. А Наташке ещё и влетит, наверное, по первое число, как сказал мне на ухо папа.

На самом деле мы донесли бы прицеп обратно, но Алексей нас пожалел. Он сходил домой и вернулся на мотоцикле. Мы смотрели на уезжающий прицеп, на наш единственный шанс выиграть. Больше всех металлолома собрал шестой «Б». Андрюшка с Колькой деловито обошли весы и решили собирать железки заранее, прямо с завтрашнего дня. Тогда, как рассчитал Колька, в следующем году у нас будет шанс и без прицепа.

Мы шагали по обочине, попинывая мелкие камушки. Наташка плелась сбоку,

виновато поглядывая на нас с Лилькой. Становилось по-вечернему прохладно. Если выдыхать через рот, то шёл пар, будто ты в бане.

Я остановилась, посмотрела на расстроенную Наташку и сказала, что у нас дома много журналов по вязанию. К осени их станет вдвое больше, мама за ними каждый месяц на почту ходит. Вот их и сдадим в макулатуру. Они тяжёлые, как кирпичи, и мы тогда точно выиграем!

Не люблю поезда

Екатерина Дистрянова

Не люблю поезда. Они ассоциируются у меня с запахом ног и вареных яиц. Однако лучшего способа добраться из Одессы во Львов летом 2020 года не было.

Это было первое «ковидное» лето. Хотелось сбежать из Москвы хоть куда-нибудь, и я уехала в Украину без обратного билета. За неимением украинских родственников и понимания географии страны, мои перемещения по «незалежной» были хаотичны. Так я и оказалась в ночном поезде «Одесса — Львов».

Мои ожидания спальный вагон за 5 тысяч гривен не оправдал — это было обычное купе, только спальных мест было не четыре, а два. «Может, повезет, и поеду одна, без соседа», — вздохнула я и аккуратно расстелила простынку с надписью «Укрзалізниця» на своем сиденье.

Поезд уже почти тронулся, когда я услышала заливистый женский смех и торопливые шаги.

«Тук-тук, соседка!» — В дверном проеме возникла женщина лет тридцати пяти, и меня почти сразу обдало парами алкоголя. Через секунду ее талию обвили волосатые руки мужчины постарше. «Мы не помешаем?» — поинтересовался мужик, хотя по его лицу было видно, что мой ответ его не сильно интересует. «Добрый вечер», — еле слышно сказала я, натянув простынку повыше к подбородку.

«Девушка, — улыбнулась моя новоиспеченная соседка, — тут, видите ли,

какое дело, мы с мужем купили билеты в последний момент. Пришлось брать разные купе. Может быть, вы с нами поменяетесь?»

Дышать винными парами всю ночь в мои планы не входило, поэтому я согласилась пройти в другое купе и посмотреть на потенциального соседа, и только после этого дать ответ.

В купе номер 3 сидел тучный лысый мужчина. Казалось, его очень интересовали шнурки на собственных ботинках, он отрешенно смотрел на них.

Я кашлянула: «Мужчина, добрый вечер!»

Ничего не произошло.

«Мужчина, с вами все хорошо?» — громче спросила я.

Наконец он поднял на меня взгляд, однако через секунду посмотрел куда-то вдаль и начал повторять «10 вагон, 7 место, нижняя полка... 10 вагон, 7 место...»

Я быстро вернулась в свое купе, где веселые супруги уже разливали вино по пластиковым стаканчикам.

«Он же контуженный, — возмутилась я, — как вы себе это представляете? Мало ли, что

ему в голову взбредет? Нет, я не согласна меняться».

Две пары глаз одновременно поднялись на меня.

«Как это не согласны? — завершала девушка. — Мы муж и жена и должны ехать вместе. Вам что, сложно, что ли?»

«Вы издеваетесь? — Я начинала терять самообладание. — Я купила это место и буду спать тут, а вы... — обратилась я к мужику, — идите спать на то место, которое купили».

«Валера, ну ты глянь, — гэкнула соседка, посмотрев на мужа, — ей сложно. Посмотрите на нее».

«Если вы не уйдете, я позову кондуктора», — пригрозила я. Честно говоря, это было последним тузом в моем рукаве. Если эта усатая женщина их не испугает, то мне, видимо, придется спать в тамбуре.

Я грозно направилась в купе кондукторши. Как назло, ее нигде не было, и, соответственно, «нажать на тормоза» моим соседям было некому.

«Значит так, — сказала я, вернувшись в купе, — это мое место, и я никуда не уйду!» Я резко дернула на себя простынку и отвернулась к стенке, проклиная эту парочку, кондукторшу и всю Укрзалезницу.

«Ну и замечательно, — гоготнул Валера, — и мы тоже никуда не уйдем. Любаша, налей мне еще, мы здесь надолго».

Валера и Люба изо всех сил старались «выкурить» меня из купе: включали шансон с

телефона, громко смеялись и разговаривали.

«Вот так и выглядят настоящие рагули», — подумалось мне. Значение этого слова я тогда еще точно не знала, но почему-то была уверена, что мои соседи — воплощение рагульства на этой земле.

В тот момент, когда я смирилась с тем, что этой ночью спать я не буду, музыка вдруг утихла.

«Ладно, девушка, — послышался голос Валеры, — извините нас. Я сейчас уйду».

Такого поворота я не ожидала. Я обернулась и посмотрела на соседей: «Спасибо».

«Вы сами-то откуда?» — спросила Любаша.

«Из Москвы, а вы?»

«А мы из Львова, но вообще мы оба русские».

«А я наполовину украинка, но родилась в Москве».

Мы еще с час сидели и болтали с Любой и Валерой, пили вино из пластиковых стаканчиков и обсуждали Москву и Львов. А утром, попрощавшись навсегда, сели в разные такси.

Не люблю поезда. Однако они порой дарят необычные знакомства, о которых хочется думать и вспоминать через года.

Однажды двадцать седьмого июня...

Полина Никифорова

— Во-во-во, гляди, снова...

«Ка-а!» — Хриплый злобный крик разорвал знойную тишину прямоугольного двора на Ж... улице. Было двадцать седьмое июня, четырнадцать часов семнадцать минут по московскому времени.

— Точно... опять...

— Да не высовывайся ты так!

Старые, ограждённые железными прутьями балконы казались набрякшими веками пьяницы на кирпично-багровых щеках стен. Двое детей-подростков скрючились в углу одного из них, почти незаметные за тремя кадками буйно разросшихся традесканций. По правую руку от них, этажом ниже, на балкон выскочил пожилой человек в белой майке и шортах, выставлявших напоказ подагрические колени. В руках он сжимал веник.

— Ка-а!

На этот раз звук был тише, что, однако, не делало его менее раздражающим. Дети как по команде покинули свой наблюдательный пункт и со всех ног бросились к окну в спальне, выходившему на другую сторону улицы. Старичок этажом ниже сделал то же самое. Жёлтая в белых цветах занавеска, лязгнув кольцами по перекладине, отъехала в сторону, и перед ним оказалась она.

Здоровенная ворона сидела на ветке тополя среди поникших от невыносимой жары листьев и чистила клюв.

— Ах ты, с...!

Веник заметался в воздухе комическим подобием опахала.

— Зря он так...

— Чего?

— Да зря он так раскипятился, говорю. Ему бы сидеть спокойно и не обращать на неё внимания.

— Ага, посидишь тут спокойно, как же!

— А что? Я бы так и сделал.

— Да ты не видишь разве? Она специально туда-сюда летает и орёт, чтобы он за ней бегал по всему дому, как бешеный.

Ворона, кося агатовым глазом, боком проскакала по ветке, в очередной раз выпустила своё «Ка-а!» и взлетела. Примерно через минуту хриплый вопль повторился уже со стороны двора. Дед в пропитанной потом майке метнулся обратно на балкон.

Дневное светило медленно шествовало по небу, с неиссякаемой щедростью изливая свои дары на улицы и перекрёстки, дома и деревья, не успевшую попрятаться живность и редких прохожих.

Вишнёвое повидло в хрустальной вазочке сделалось совсем жидким, и над ним лениво кружилась чёрная муха. Младший из детей, наблюдавший за мучениями старика, изловчился и поймал её, потом приложил кулак с обиженно жужжавшим насекомым к уху и отхлебнул лимонад. Братья уже не обращали внимания на повторявшиеся с непостижимым постоянством крики вороны и возобновлявшийся под полом топот подагрических ног. Всё плавилось...

День перевалил за половину. Одурающе вонял гудрон. Воздух над асфальтом дрожал и колыбался, как в пустыне.

— Ка-а!

Блямс! Блямс! Стекло в балконной двери задрожало. Настырная птица сменила тактику, заметив, что её жертва, притомившись, решила прятаться в своей квартире-душегубке, а не гоняться за ней с веником.

— Ну всё, сейчас выскочит.

— Может, и нет...

— Не-а, не выдержит. Вот посмотришь...

И точно, белая майка снова замаячила на балконе, и отборные ругательства, точно мухи в повидло, влипли в вязкий воздух. А потом ворона перелетела на другую сторону и принялась долбить клювом в окно, занавешенное жёлтой занавеской. Блямс! Блямс!

— Ка-а!

Ветер, до настоящего момента вялый и апатичный, видимо, сочтя поведение солнца вышедшим за рамки приличия, очнулся и пошёл в атаку, призвав себе на помощь батальон туч. Всё потемнело и затихло. Глухо зарычал гром.

Ливень начался неожиданно, как часто бывает летом. На землю обрушился настоящий библейский потоп, запахло свежестью и озоном. Многие пострадавшие за день люди высовывались из окон и жадно впивали долгожданную прохладу.

Двадцать восьмое июня. Поверженное солнце не осмелилось показаться на небе. Тучи торжествовали.

Старший ребёнок, вчера наблюдавший за стариком и вороной, поднимался по лестнице, неся авоську с хлебом и молоком в треугольных пакетах.

— Андрюша! Андрюша, ты уже знаешь?

Тётя Зоя! Хлебом не корми — дай только лясы поточить!

— Здравствуйте, Зоя Михайловна!

— Привет-привет! Андрюша, так ты уже знаешь?

— Что?

— Так ты до сих пор не знаешь?!

— Да что я не знаю-то?

— Так сосед!

— Какой сосед?

— Да мой — Викентий Ильич! Ты же его
знаешь?

— Так умер он вчера вечером,
представляешь? Инсульт!

— Да. И что же?

Погнасок

Анна Парра-Майа

Все в деревне очень удивились, когда узнали, что у одинокого пастуха Игнатаса появился в доме мальчик. Одни говорили что дальний родственник, другие — что сироту из соседней деревни усыновил, да только сам Игнатас ни словом об этом не обмолвился, так и стали мальчика называть — Линас, подпасок Игнатаса Пушкевичайте.

Дом их стоял у самого леса на отшибе, окруженный сизыми елями и соснами-великанами. Пастух Игнатас жил один, два года назад умерла его жена, и с тех пор он со всем хозяйством сам управлялся. Но, видимо, совсем тяжело стало, а мальчик в будущем вырастет опорой в хозяйстве.

Кто-то даже говаривал, что Игнатас колдовством занимается, языческим богам поклоняется, оттого в костел по воскресным дням не ходит.

Злым языкам лишь бы посудачить. Мой отец никогда сплетен не слушал и мне велел к старику с уважением относиться.

Линасу, как и мне, шел тринадцатый год. Только выглядел он каким-то совсем маленьким. Со светлыми, как выжженная пшеница, волосами и в серой длинной рубаше, которая доходила ему до колен, он был больше похож на девочку. «Ну глянь, — болтали соседи, — бледный, как князек, и как такой задохлик с работой справляется?» А Линас пас своих коз и не замечал никого вокруг.

Ребята приняли Линаса как-то вяло, да и сам он, казалось, не проявлял живого интереса

к забавам, которые были так по душе любому деревенскому мальчишке. Ни рыбу ловить, ни самодельные дротики из птичьих перьев кидать ему не нравилось. Даже в наш любимый «Чижас» играл с неохотой: бегал медленно, быстро выдыхался и начинал кашлять, как моя тетка, которая бронхами страдала.

Сядет на землю, обхватит своими тонкими руками острые колени и смотрит перед собой неподвижным взором, будто увидел что в воздухе. Такой чудной он был.

Как-то раз возвращался я из леса с охапкой раkitника, бабушка моя из него настойки целебные делала, да все думал: «Скоро ли ужин, затопили уже печь или еще нет?»

Пока мечтал о картофельных блинах, дошел до пригорка с развесистым дубом, где мы с приятелями часто собиралась: тут мы жгли костры, рассказывали небылицы, строгаи себе палки для удочек и просто балбесничали, пока чья-нибудь скотина паслась неподалеку.

Слышу вдруг, кричит кто-то. Подошел и вижу: под ивой Линас лежит, согнувшись в три погибели, ладони к лицу прижал и тихо стонет, а над ним, словно сам черт, в темном картузе Юргис стоит, сын Даункитаса, злющий-презлющий, и палкой на него замахивается.

— Юргис, ты что делаешь?! — закричал я.
— Прекрати!

— Отстань, Йозас. — Он повернул ко мне перекошенное от злобы лицо. — Этот моему барану ногу подбил, что я теперь отцу скажу?

Что же делать?

Я положил ракиту на землю и несмело приблизился. Юргису хоть и тринадцать всего исполнилось, но уже здоровенный детина был: ручищи как лапы медвежьи да голова словно тыква, что в огороде нашем растет; как только такое чудо-юдо получилось!

— С чего ты взял, что это он? Да перестань палкой своей размахивать, в конце-то концов! — рассердился я.

— Отхватишь и ты у меня, если не уберешься! — Юргис грозно двинулся в мою сторону.

Уж не знаю, чем бы дело кончилось, если бы откуда ни возмись не появились другие мальчишки. И хоть Линас никому особо не был симпатичен, рассудили, что негоже на слабого нападать, да еще с палкой, и застыдили Юргиса. Затем походили, поплевались и разошлись кто куда, а вместе с ними и Юргис, которому так и не удалось выместить злость за барана на хилом Линасе.

— Не обращай внимания на этого злыдня, — утешал я мальчика, помогая отряхивать землю и ползающих муравьев с его рубашки. — Он скотину сам свою изводит: огреет по спине несчастное животное да пинка может дать. Сам наверняка и подбил барану ногу.

Линас лишь молча потирал плечо да глядел себе под ноги.

— Сильно болит? — спросил я

— Средне, — наконец выдавил мальчик и вдруг посмотрел на меня такими ясными, полными благодарности глазами, каких

прежде я у него не замечал. Немного смутившись, я предложил:

— Пошли, у моей бабуни есть настойка от любых ссадин.

Так неожиданно стали мы всюду таскаться вдвоем. Вдалеке от огородов и посевов мирно пощипывали травку мои овцы, рядом разлеглись козы Линаса, а мы тем временем валялись где-нибудь в теньке и беседовали обо всем, что на ум лезло... Голос у Линаса был тихим и вкрадчивым, как у нашего Пастора. Только мальчик про себя не особо охотно рассказывал: уж сколько раз спрашивал его про Игнатаса — молчит. И на вопрос, где вырос, тоже отвечал уклончиво.

Линас подарил мне свой янтарик на нитке. Сказал: «На удачу». Я не особо верил в талисманы, но камушек спрятал.

Настроение моего нового приятеля менялось так часто, что это меня смущало. Он то становился мечтательным, с жаром говорил, как хочет увидеть море, поехать в Вильнюс на ярмарку и обязательно взять и меня тоже, как и положено другу; то вдруг замолкал и смотрел своими печальными серыми глазами прямо перед собой — ни слова тогда нельзя было из него выбить. Я тоже притихал, а сам украдкой поглядывал на товарища и гадал: о чем же он все думает?

Лето стояло в самом разгаре. Наша деревня Мочюнай потонула в зелени: с пригорка, где мы резвились, были видны цветущие палисадники, луга, лес и быстрая речка Мяркис, которая по берегу вся обросла рогозом и желтыми кубышками. Начались тяжелые работы: взрослые уходили на весь день в поле, косили траву, убирали лен. Мы же, подпаски, с утра до вечера только и видели коровьи хвосты да козьи рога, хоть порой и собирали грибы, ягоды и травы. Наши руки стали медными от палящего солнца; гнус так донимал нашу скотину, что приходилось разводить костры, если пасти случалось в низине.

— Завтра Йонинес, — пропел довольный Кястас, собирая валежник, — говорят, можно увидеть самого черта.

— То-то наш пастор обрадуется, — захохотала Расуте, синеглазая дочка портного. — Эй, Йозес, а ты с Линасом будешь через костер прыгать? — поддразнила она меня.

— Помолчи, сорока, не то сам Вяльнас твой венок утащит, вот и жених тебе будет, — не растерялся я.

Мы с ребятами прятались от зноя в лесу. Девчонки оживленно галдели, обсуждая, как в Йонинес кидают венки в воду и затем гадают на женихов. Даже медведь-Юргис с интересом слушал байки ребят. Все мечтали о празднике, а не пасти с утра до ночи скотину. Только Линас сидел хмурый в сторонке и часто заходилась кашлем. Так и не получилось у него завести дружбу с остальными.

На следующее утро отец послал меня отнести Игнатасу бутылку с настойкой: Линаса опять кашель изводил. Досадуя, что даже не успел ухватить краюху хлеба, я побежал к пастуху.

Иду по пыльной дороге, насвистываю, и тут заметил Алюкаса — тот шел с удочками наперевес. Веселый, румяный, он помахал мне:

— Айда сегодня на речку, жара лютая!

Я давно истосковался по привычным забавам с друзьями. Линас не любил много двигаться, а если случится, что его козы в овсы вдруг заберутся и бежать за ними придется, то приходит разгоряченный, уставший и раздражительный.

А как давно я не ловил ужей в зеленой чаще! Но как же мне быть, я уже пообещал Линасу почитать ему книгу про мореходов, пока тот болеет.

— Вообще, — разочарованно потянул вдруг Алюкас, — был ты друг, как и полагается, но что-то слишком этот задохлик стал тобой помыкать.

Меня его слова тогда как кнутом стеганули.

Я отдал лекарства Игнатасу и, не глядя в глаза Линасу, произнес:

— Отец велел в поле помочь, не получится у нас сегодня почитать.

Сказанного не воротишь, да и до чего приятно в такой знойный день окунуться в студеную воду. Стоишь босыми ногами в иле и видишь, как стайка рыб мимо проплывает. Только отчего-то на сердце так тяжело! Думал: «Вот завтра пойду, нарву вишен и понесу Линасу. А книг мы еще перечитать успеем много, все лето впереди». Да только все равно меня совесть жгла, даже студеной водой не помогала.

Так и пролетел день, я наловил много щук и окуней, потащил их бережно домой. Расуте торжественно водрузила мне на голову венок из водяных лилий, словно посвятила в рыцари. Нужно в следующий раз все-таки взять Линаса с собой, пусть мальчишки фыркают сколько хотят. С такими мыслями я приближался к своему дому и вдруг обомлел. Под вишней, опершись о ствол, стоял Линас и как обычно глядел перед собой. Казалось, он стал еще бледнее и тоньше. Я почувствовал, как мои уши и лицо обожгло, точно жаром из нашей печи.

— Дядя велел посуду тебе вернуть, — тихо произнес он. Его взгляд задержался на моей удочке.

Слов у меня не нашлось. Я тогда готов был сквозь землю провалиться, к самому черту, лишь бы не видеть, как Линас на меня смотрит.

Не то оттого, что стыда никогда такого не испытывал, или потому, что меня, как преступника, с этой удочкой застали, только я вдруг страшно разозлился.

— Что ты за мной таскаешься? — задыхаясь от гнева и беспомощности, прошипел я.

Он изумленно попятился.

— Убирайся! — вдруг заорал я. — Убирайся отсюда! — Я в ярости затряс головой, и венки из кувшинок слетели.

Он повернулся и ни слова не говоря зашагал прочь. Несколько пескариков бултыхнулись в мое ведро.

Уж не знаю, сколько времени прошло с тех пор — три недели, а может, и месяц, но Линаса я почти не видел.

Как бы помириться? Что, если Линас никогда больше не захочет со мной дружить?

Мысли у меня бродили нехорошие, но, как и бывает у любого занятого человека, тоска все больше затихала, гонимая трудом. Тем более что работы стало еще больше в конце лета. Лишь изредка я замечал, как мелькает среди зарослей ракитника серая рубашка бывшего товарища. Но подходить я, конечно, трусил. Так и валандался со своими овцами.

Однажды вернулся с базара, где продавал деревянные клумпы, зашел в дом — вижу, отец мой стоит и глаза платком вытирает, наверное, от дыма. Я поздоровался и стал вынимать и класть вырученные деньги на стол, а у самого пальцы трясутся, монета упала вдруг и покатила по полу. Я было бросился за ней, но тут отец жестом меня остановил.

— Никуда не денется, не суетись, — а затем, помолчав, добавил: — нынче утром умер Линас, пастушок Игнатаса.

Осень ворвалась так стремительно в нашу деревню, что никто из жителей будто не ожидал, что это случится. Уже неделю как дождь нещадно заливал наши огороды и крыши. Дорога раскисла от грязи, даже в клумпах не пройдешь — утонешь.

Половина моих приятелей разъехались в города — учиться в техникумы. Только я остался и еще несколько ребят. Я работал не покладая рук, урожай выдался обильным. А по субботам ездил на базар продавать деревянные башмаки. Лето кончилось, такое ласковое и теплое, а вместе с ним и наши детские забавы. Больше никогда я не ловил ужей в зеленой пуще, не стрелял по яблокам из рогатки, не бегал босиком по лугу. Может, в следующем году я тоже поступлю в училище, а пока еще принадлежу своей деревне, этим рябинам и кривым сторбленным березам.

А янтарик Линаса до сих пор лежит у меня холодным камушком на сердце, напоминая о моей лжи, беззаботных деньках в зеленых лугах и будто бесконечных желтых полях.

Приятности в неприятностях

Анна Салманова

Порывы ветра разбиваются о стенки хлипкой палатки. Я чувствую, как ее слегка отрывает от земли. Укутавшись в тонкий летний спальник, я не отрываю глаз от своей подруги Аньки в форме такого же кокона. Она освещает фонариком строки книги «Несвятые святые» (диву даюсь, как такая книга попала к нам в руки) и пытается перекричать ветер и раскаты грома. То ли чтобы я расслышала все законы божьи, то ли чтобы отвлечь себя от этого экзистенциализма. «Все на нашей земле — простое и сложное, маленькие человеческие проблемы и нахождение великого пути к Богу, — все разрешается лишь загадочным, непостижимо прекрасным и могущественным смирением. И даже если мы оказываемся к этому таинственному и всеильному смирению неспособными, оно само смиренно приоткрывается нам через тех удивительных людей, которые могут его вместить», — слушаю я монотонный Анькин голос и думаю: «Господи, если это Твой замысел, принимаю его со всем смирением и верой в Тебя. Но, прошу тебя, спаси нас на этом отшибе Земли, и я больше ни-ни в такие приключения! Аминь».

Десятый день похода. Мы чёрт-те где в горах Армении под тонкой тряпочкой, придавленной камнями, чтобы ее не изорвал шквалистый ветер. Я измучилась уже так, что готова была еще утром лечь пластом и устроить бойкот всей группе. И пусть весь этот чокнутый мир подождет. Вместе с чокнутыми гидами, которые склонили меня на чокнутые мытарства. В сырой одежде я дрожу, как тот самый осиновый лист, который зачем-то оторвался от ветки и помчался как оглашенный навстречу «неизведанному и захватывающему» (как говорили они). Икры сковало судорогой, я смиренно пытаюсь

принять эту боль. Даже пошевелиться нет никаких сил. А ведь сегодня макароны с кетчупом. Те самые из общака, которые я таскала все десять дней помимо своего барахла. Десять долгих дней я ждала, когда наконец-то макароны окажутся в котелке, и я отделаюсь от лишней ноши. А кто-кто и сгущенку к чаю притащит, и так же выдохнет, как и я. Поэтому обидно до слез не смочь пойти на ужин..

На шнурке болтается мохнатый репейник. Жук перебегает пыльную тропу. Не наступить бы. Желтые цветы выглядывают звездочками в длинной траве. Васины ботинки мелькают синими задниками. Раз-два, раз-два... Мои пейзажи этого похода.

«Девчонки! Подъем!» — Голос Дениса, нашего гида, выдернул меня из дремоты. А вот и макароны, подумала я. Только до них я уже не дойду и не доползу. Оставьте меня умирать здесь. Вжух — звук замка, и в палатку влезла голова Дениса. Свет фонаря уколол и без того воспаленные глаза, от чего я зажмурилась. «Ну что смотрите, вставайте, говорю! Куртки, фонарики и за мной! Черт, тут льет как из ведра!» Удивительным образом мы в секунду взбодрились и даже чуть испугались. Поняли, что дело не в макаронах. Выползли из палатки. Моя нога запуталась в мешке, и я его потянула за собой. Кое-как избавившись от него, я дрожащими мокрыми пальцами дернула молнию входа. Тут же на меня обрушился дождь вперемешку с ветром. «Анька! Я грозу боюсь! Бабушка говорила, надо падать на землю, если что! Слышишь меня? На землю!» Анька схватила меня за руку и потащила в дремучую темноту.

Мелькающий фонарик гида бежал впереди и вдруг остановился. Мы втроем уткнулись в дверь какого-то сарая. Денис дернул за ручку и втолкнул нас внутрь. Хлоп — и обдало теплом и резким запахом чего-то кислого, как будто сметано-сыро-молоком.

«Вот, две девочки. Спасибо вам», — говорит Денис и достает из карманов банку сгущенки и тушенку. Ошарашенно пытаюсь понять, что происходит, и рассмотреть того, кому достались наши запасы. А самое интересное, с чего это вдруг. Маленькая сухенькая фигура мужчины. Свечка на столе едва освещает его изрезанное лицо морщинами. Он кивает и улыбается. «Ну, доброй ночи! Подъем в семь, выход в восемь! А мне еще группу кормить». Денис наклонился и исчез за дверью так же внезапно, как и появился в нашей горе-палатке.

Мысль о макаронах ужалила меня в самое сердце. Они остались там. Слава богу, что сгущенка тут и бликует от свечки, словно подмигивает мне. Стоп. Тут это где? Где я нахожусь? «Садитесь, девочки. Меня зовут Лёва, — говорит дедушка с выраженным армянским акцентом. — Это моя жена. Она не говорит по-русски». В углу-то и вправду сидит женщина! Я ее даже и не заметила. Она встала и подошла к печке. Помещение два на два метра. У двери стол да два стула. А с другой стороны печь, от которой идет такой жар, что мои щеки уже стали пылать. «Садитесь, садитесь, кушайте». Я поняла. Видимо, мы разбили лагерь у стойбища пастухов. Я слышала, они строят на лето небольшие лачуги высоко в горах и пасут там свое стадо. Мы с Аней неудачно поставили палатку: все как на ладони, как говорится. Нас заливало и трепало ветром. Вот Денис и попытался укрыть двух непутевых от сущего ада.

Женщина перевернула хлеб на раскаленной поверхности печи и положила на нее липкий кусок теста. Мы присели и с жадностью посмотрели на стол. Банка варенья, нет, две банки варенья, горячий разломанный хлеб, кувшин теплого молока, масло. Я увидела черные Анькины глаза, которые вылупились на меня, и почему-то хрюкнула. Мы мазали варенье на мякиши хлеба и набивали им рты,

запивая молоком. Дед Лева только и говорил: «Ешьте, ешьте. Это вот варенье из алычи, а это из айвы». Последний раз мы перекусили в обед каким-то сухпайком, поэтому единственной мыслью за весь треклятый день было: спасение в божественных макаронах на моем горбу. И вот я лопаю густоющую «сметану от нашей коровы» и облизываю ложку до блеска. Не сон ли это? Или я не заметила, как смиренно Богу душу отдала. Да нет, икры все так же ноют, приковывая меня к земле бренной. Мы как два болванчика, которые не перестают улыбаться, жуем и слушаем разговоры на армянском языке. Женщина встает и исчезает за шторкой. «Идите отдыхать. Жена постелит вам», — говорит дед Лева. Мы раскланиваемся, нескончаемо благодарим и тоже ныряем за занавеску.

Стул. На стуле свечка. Кровать у одной стены и кровать у другой. Душно. Женщина что-то говорит нам и протягивает одеяло. Я подхватываю уголки, мы его встряхиваем и расстилаем поверх другого. Мы с Анькой залезаем на кровать. Это оказался настил из досок — жестко. Одеяло тяжелое и пахнет овечьей шерстью. Какое-то время возимся на нашем чудо-лежбище: стянуть мокрые носки, штаны и кофты. Периодически стукаемся в потемках лбами и охаем. Готово. Наконец, затихаем. Блестим друг на друга глазами. А вот и слезы по щекам. Мы хватаемся за руки и хохочем от нахлынувшего счастья.

Одинокий огарок свечи убаюкивает посреди одуревшей стихии. Чуть потряхивает стены, обитые мешковиной. Анька сопит слева от меня и, возможно, видит смешные сны. Дед Лева сделал последнюю затяжку самокрутки, потушил ее о блюде и задул свечку.

Просыпаюсь от шумного дыхания и жевания под ухом. Это деда-Левина корова за картонной стенкой жует траву и ждет хозяйку с ведром. Цик, цик, цик, и у меня в руках кружка белоснежного молока из-под горячего коровьего пуза.

Как там говорится? Смирение приоткрывается нам через удивительных людей? Не знаю, что там со смирением, но

порой нужно попасть в неприятности, чтобы
найти удивительных людей и открыться им.

P. S. Первое, что я сделала, когда вернулась
домой — сварила макароны и купила пачку
кетчупа.

Русалочка в зимнем сагу

Ирина Яхонтова

В санатории Вася жила уже неделю, но, несмотря на ежедневные тренировки, прогресса в плавании не было. Зато на горных лыжах она рассекала быстрее всех в группе, вот что значит наследственность. Мама наотрез отказалась считать праздником приготовление тазиков оливье, прихватила семилетнюю Васю и умчала на новогодние каникулы в санаторий недалеко от Москвы. Там удачно сочетались две вещи: бассейн, где Васю могли научить плавать, чего мама тоже не умела, но всегда мечтала, и небольшой горнолыжный склон, идеальный для первых спусков, чтобы Вася могла разделить мамину страсть и присоединиться к ежегодным поездкам в горы.

С бассейном не задалось сразу — Вася, обожающая Русалочку, признавала лишь подводное плавание. Учиться перемещаться по поверхности воды казалось ей невероятной глупостью. На тренировках Вася упорно старалась нырнуть, но мешали нарукавники. Вася не сдавалась — переворачивалась на живот, опускала голову в воду и болталась так, будто сломанная марионетка. Ей нравилось задерживать дыхание и, широко раскрыв глаза, смотреть на смазанные ореолы лампочек подсветки, на собственную тень, ползущую по дну и стенам бассейна, на цепочки воздушных пузырьков при выдохе. Мама и инструктор повторяли, чтобы она перестала баловать и начала уже заниматься. К счастью, их призывы под водой становились тише.

На склоне же Вася была отличницей! Даже жалела, что тут не ставят отметки и не делают записи в дневник. Похвала тренера могла б

разбавить красноту замечаний от классной: «На уроке крутится, вертится, болтает!» Впервые встав на лыжи, Вася с ними срослась. Она без страха набирала скорость и почти не падала на тренировках, в отличие от остальных учеников. Цеплять бугель Вася тоже научилась с легкостью. И пока здоровые лбы на три-пять лет старше нее медлили в опаске, что металлический трос отрежет им пальцы, Вася уже сходила с подъемника под крики тренера, ставившего ее в пример.

Но кое-что омрачало и лыжные тренировки. Из-за синего комбинезона (других цветов нужного размера не было), нейтрально-серебристого шлема, круглого, как мяч, и горнолыжной маски, скрывающей пол-лица, а главное, из-за бесстрашия на склоне, словно так могут только мальчики, незнакомцы вечно окликали ее пацаном. И хотя Вася ненавидела свое длинное, пускай и сказочное, имя Василиса и вечно носилась по двору, разбивая коленки, себя она считала принцессой. Поэтому больше всего в санатории Вася обожала зимний сад. Там, под стеклянным куполом высотой в два этажа, в зеленой тени огромных растений жила ее собственная сказка.

Зимний сад, соединявший жилой корпус с процедурным, был главным украшением санатория и негласным залом ожидания, где взрослые оставляли детей, отправляясь на массаж и ванны. Перед походом в сад Вася просила маму достать кружевное платье и новые сандалии, которые были чуть велики, но очень красивы. Ее царский образ завершали распущенные волосы и два модных пластиковых браслета, похожих по форме на

буквы «С», которые Вася настырно выпрашивала у мамы пару месяцев. Розовые, на каждом по три крупных фиолетовых страза — в глазах Васи они равнялись настоящим драгоценностям, которые обязаны быть у принцессы. И хотя они часто доставляли неудобства, цепляясь за одежду угловатыми стразами или открытыми концами, Вася старалась надевать их как можно чаще.

В саду Васю поручали старшим ребятам из горнолыжной секции. Но они были так увлечены игрой, что это Вася следила за ними. В центре сада блеснул небольшой, но достаточно глубокий пруд, разделенный надвое высоким бетонным бортиком. В одной части пруда плавали небольшие разноцветные рыбки, в другой — черепашки. Бортик же, украшенный стеклянной мозаикой, облюбовали ребята. Целью игры было аккуратно и быстро пробежать с одного края пруда до другого. Зачастую пацаны даже специально поливали бортик водой, чтобы сделать скользким и усложнить задачу. Был рейтинг, правила, а главное, все без контроля взрослых — значит, секретно, круто!

Васю же в игру не брали, говорили, маленькая. Но она-то знала — старшие просто трусили. Боялись, что снова уступят ей, как на склоне. Вася хотела доказать ребятам, что может не хуже, но незаметно вскарабкаться на высокий бортик не выходило. Ее засекали, ловили и отправляли обратно на кресло под пальмой, наблюдать. Но однажды случилось чудо! Часть ребят уехала домой — кончились путёвки. Другие, постоянно падающие на склоне, простудились и остались в номерах. В саду оказались лишь Вася да дочка тренера со своим другом. Они, дождавшись, пока Васина мама уйдет в процедурный корпус, взяли с Васи честное слово, что та будет спокойно ждать, и убежали в сторону столовой. Зачем? До ужина было далеко, и сейчас та часть здания пустовала. Впрочем, Васе было не до этих двоих. Оставшись одна, она сразу рванула к пруду. Дураки! Клятва не считается, если пальцы были скрещены.

Кое-как вскарабкавшись на бортик, Вася осмотрела сад с нового ракурса. Так вот, каково быть высокой! Отлично виден пруд.

Мелко суетились стайки разноцветных рыбок и забавно перебирали лапками черепашки. Но отвлекаться нельзя — надо действовать, пока есть шанс, и сад пустует! Вася двинулась по бортику. Сначала медленно и осторожно, потом смелее, быстрее. Для ее маленькой ножки бортик был подобен шоссе. Вася с легкостью перешла на другую сторону пруда, но спрыгивать не стала, помня, как трудно было забираться. Она молодец! Ни разу не споткнулась, не зашаталась, хотя сандалии чуть болтались. Обратное по бортику Вася бежала, и вышло быстро, аккуратно! Остановившись, она рассмеялась — ну точно ребята трусили! Она бы всех сделала! Хотя... Чтобы убедиться в победе, Вася решила, как старшие, намочить бортик.

Она опустилась на колени и, свесив руку в пруд, зачерпнула воду. Полив бортик вокруг, нагнулась за новой порцией, но замерла. На нее, вытягивая шею, с любопытством смотрела подплывшая черепашка. Она мило шевелила хвостиком, а панцирь был похож на маленький островок. Она так близко! Если повезет, можно погладить! Вася потянулась к черепашке, но та, испугавшись, отпрянула. Вася вся подалась к ней, опершись о бортик для равновесия, но забыла, что только что расплескала там воду. Рука соскользнула, черепашки бросились врассыпную, а Вася бултыхнулась в пруд, потеряв в полете сандалии.

Сначала она испугалась и начала размахивать ногами, руками. Но, почувствовав животом дно, поняла — мечта наконец-то сбылась. Она была под водой. И раз это произошло случайно, значит, она не виновата! Ее не должны ругать. Все как с бортиком — надо использовать шанс. Широко раскрыв глаза, Вася осмотрелась. Подводный мир пруда отличался от того, что в бассейне. На дне были насыпаны мелкие камушки, из которых змеились длинные пучки водорослей. В дальнем углу, куда забились черепашки, стоял небольшой, немного покрытый илом замок, точно как в сказке. Вокруг Васи, как у настоящей русалки, колыхались ее распущенные волосы. Казалось, что и блики на стенах, и выдыхаемые пузырьки воздуха в пруду выглядят иначе. Вася хотела взять на память камушек, но не смогла пошевелить левой рукой. Что-то на дне крепко ее держало.

Подобравшись поближе, Вася увидела, что браслет оплели водоросли. Должно быть, зацепились, когда она свалилась в пруд. Вася попыталась их распутать, но не получилось. Где начало? Что куда тянуть? Непонятно. Да и стразы мешали. Главное, не сломать браслет! Мама больше не купит. Никакого нового, раз этот не уберегла. Попытка стащить его с руки тоже провалилась, водоросли плотно примотали браслет к запястью. Воздуха на пузырьки почти не оставалось. Вася попробовала дотянуться до воздуха лицом. Не вышло. Короткие руки. Слишком маленькая. Отчаявшись, она сильно дернулась, браслет выдержал, но и водоросли не порвались. Искусственные. Крепкие. Вася дергала снова и снова. Порвитесь. Порвитесь! Что вам стоит? Но водоросли отказывались отпускать свою принцессу. Почти не соображая, Вася попробовала перегрызть зеленые ленты, но лишь глотнула воды. Черепашки. Где черепашки? Вдруг они смогут. Животные же всегда помогают в сказках. Но черепашек не было, они предательски попрятались. Пузырьки тоже пропали. Очень хотелось вздохнуть. Как же дышала Русалочка? Все расплывалось. Куда делся свет? Мама точно будет ругать.

Вася почему-то стояла посреди холла, перед лифтом. Было холодно. Январский ветер врывается сквозь входную дверь вместе с очередной группкой лыжников и жадно набрасывался на ее платье, прилипающее к телу, заставлял ежиться. Лыжники, увидев мокрую Васю, недоуменно замирали. На их лыжах и палках таял снег, образуя темные

пятна на ковре. Но самое большое пятно расплзлось вокруг Васи. Вода стекала с ее платья, волос, с клока водорослей, болтающегося на браслете. Вокруг было множество людей — в шлепках, в тапках, в горнолыжных ботинках, и только Вася переминалась босиком на неприятно чавкающем ковре. Звучало множество голосов: «Какой у тебя номер?», «Ты помнишь этаж?», «Где мама?», «Тебе не холодно?», «Ты в порядке?». Только тренер по горным лыжам молча стоял рядом и гладил Васю по голове. С его насквозь промокшей кофты тоже стекала вода.

Вдруг народ притих и расступился. Вася увидела маму, спешившую в холл из зимнего сада. Ее лицо было необычно бледным, а глаза и нос красными. В одной руке она держала полотенце, в другой — розовые мокрые сандалии. Сначала мама молча смотрела на Васю, смаргивая блеск с глаз, а потом подошла, присела на корточки и обула. Вася хотела было объяснить, что она не специально, но во рту лишь невнятно булькало. Казалось, что и она, подобно Русалочке, выбравшись на сушу, потеряла голос. Но мама, вытирающая Васю полотенцем, похоже, поняла все без слов и улыбнулась: «Ну что, русалка, всех черепашек там распугала?» И этот вопрос, словно заклинание, заставил соленый ком, не дававший Васе говорить, вмиг вырваться наружу. По Васиным щекам снова потекли тоненькие струйки, и весь холл заполнил ее вернувшийся голос, старательно тянувший «А-а-а».

Русский Нагельфар

Елена Гребенюк

Любовь Фёдоровна взшла на борт «Осенней сонаты». Чуть позади плёлся Пётр, глядя в (бессмысленный) свой телефон. Как быстро вырос сын... вот уже окончил школу. И как похож на (падлу) своего отца в юности. Это весьма некстати, впрочем, не виноват же он. Любви Федоровне в сентябре исполнится пятьдесят, по этому случаю всей школой — да что там, всем городом, — собрали им денег на путёвку. Настоящий круиз! Пассажиров встречают игрой на фортепиано и шампанским, пузырящимся в высоких бокалах. Теплоход отправится с Речного вокзала (того самого!), будет проходить мимо городов и городишек, а она станет вальяжно прогуливаться по палубе. Конечный пункт — Кострома. Она спустится по трапу в своем лучшем платье, вроде как Лариса Огудалова или та, из «Титаника», — только безо всяких драм. Просто красиво пройдёт по набережной, оправляя свежую причёску чудесного каштанового оттенка, мимолетно улыбаясь симпатичным прохожим, и где-нибудь выпьет кофею. Даже и с пирожным. И плевать на диабет.

Жизнь Любви Фёдоровны, вообще-то, была не сахар. Одна поднимала сына на нищенскую зарплату и дочку младшей сестры растила — хорошо, что та (вся в мать), вертихвостка (шлюшка), уже ускакала замуж. Отец три года как лежачий — сначала из мамки всю кровь выпил, а она скончалась, и перешла вся забота (говно) Любви Фёдоровне. На работе брала лишние полставки, учила разгильдяев русскому языку и литературе. Для них «наше всё» — выпить в овраге за школой, а то и чего похлеще. Была история этой весной: повадился один педофил девчонок заманивать за планшеты и смартфоны, так парни, десятиклассники,

подловили его за гаражами да и убили. На видео сняли. Выложили во «Вконтакте». Всё, уже отбыли на зону дети... А ведь помню, как пришли в класс, носы сопливые им подтирала, сигареты отбирала... Нет, эти пять дней — не думать, не вспоминать, только наслаждаться. Она это заслужила, право, заслужила. Пётр, где ты там? Вот оно, шампанское, вот она, каюта, тесновато, но как симпатично, даже и шторки такие затейливые, подушечки бархатные. Небось, не хуже, чем на «Атлантиде». В музей Ивана Алексеича с экскурсиями каждый год водила оболтусов. А что ещё с ними делать — в городе два музея. Бунина и краеведческий. Её тётка любила порассуждать (особенно выпимши), что и могила его — там же... никто ей великодушно (ни черта они сами не знают) не перечил.

Вот и пассажиры почти собрались, скоро отправимся. Пока их развлекали познавательной информацией: «Интересно, что этот лайнер проекта 302, построенный в 1988-м году в Германии, довольно долгое время работал в Украине под названием “Маршал Рыбалко” и затем “Зирка Днепра”. Корабль совершал регулярные рейсы из Киева по Днепру с выходом в Чёрное море и стоянками в Ялте и Одессе. Портом его приписки тогда был Херсон. В 2017-м году теплоход сменил и владельца, и “гражданство”. Теперь он трудится в России...»

Как отчалили, сразу были приглашены на обед. Всё на теплоходе было чётко, за каждой каютой свой столик закреплён. Девочки в форме отглаженной, стараются: «Вам на горячее судака или отбивную?» Развлекательная и экскурсионная программы подобраны великолепно, информирование

пассажиров — на высшем уровне. На всё зарегистрировалась Любовь Фёдоровна заранее и Петра записала.

Петра экскурсии не слишком интересовали. Пётр хотел работать в ФСБ. Он рассуждал так: чтобы хорошо жить, надо либо быть умным, либо устроиться в госорганы. То есть путь ясен. Любовь Фёдоровна не перечила. Она втайне питала слабость к мужчинам в военной форме и представляла, как Петенька, высокий, статный, будет с ней под руку идти по городскому скверу. Где-то на краю сознания маячила мысль: ведь это не просто форма, это — война?.. Позовут — пойдёт, а что делать.

Её же более всего манили прогулки с дореволюционной тематикой: «Углич купеческий», «Мышкин дворянский». Она любила воображать, как оно было до коммунистов. Герои (пресловутой) великой русской литературы представляли перед ней, и она как бы меж ними, в изысканной обстановке. Всё разрушили (ироды херовы), взять хотя бы архитектуру: более ни резных наличников, ни домов приличных с гостинными и пианинами, одни коробки убогие. Хранила прабабкины иконы да чашечку затейливую, кузнецовскую, а откуда у той они оказались — кто его знает. У нас в роду все крестьяне, все простые крестьяне. Может, барин какой (трахнул) подарил. Времена-то какие были. Лев Николаич гений, а всё та же порода. Несильно они изменились, русские мужики. Самомнение (до хера), а по факту — ноль без палочки. Потому и не вышла замуж Любовь Федоровна. Глянешь на девчонок — хохотать охота: сидит, кривой, лысый, тупой, как пробка, толстое пузо чешет, она за ним портки вонючие стирает всю жизнь и гордо так говорит: «Мооой!»

Теплоход тем временем миновал и Химки, и Долгопрудный; остались позади городские постройки. Стоял август, темнело уже раньше и по-осеннему веяло холодом. Некто, случайно вышедший наружу, мог бы вдохнуть запах воды и уставшей листвы, подставить лицо ветру, разглядеть в сумерках очертания берегов канала имени Москвы. Но палубы были пусты, пассажиры приглашались к

ужину. Корабль двигался уверенно и упрямо по водному пространству, по ровному пути, покорно устланному телами давно позабытых его строителей. Потомки подходили в ресторан по расписанию, сначала — четные номера, спустя полчаса — нечетные, чтобы избежать столпотворения. Всё равно почему-то получалась очередь. «Тринадцатиметровый крест — в память о погибших в “Дмитлаге”» — «Девочки, а зразы еще остались?». Это был как бы Нагльфар, создание скандинавской мифологии, но наоборот: не корабль из ногтей мертвецов, а то русло, по которому он шёл.

Подобно единому телу, население корабля в слаженном ритме поглощало свои блюда, выпивало, вываливалось на палубы и укрывалось обратно по каютам, где предавалось сну, дышало, испражнялось и снова выходило к завтраку, тесно и густо наполняя предоставленные помещения, толкаясь по коридорам перед выходом на экскурсии. Этот мощный организм рассыпался по берегу и собирался обратно к следующему приему пищи, втекая в цитоскелет корабля, продолжал своё движение... Куда? Кто-то сказал бы, туда и обратно. Команда бы ответила, что этим путешествие не закончится, а сразу же начнется новый круиз, и выдохнуть они смогут лишь с концом сезона, слегка подзаработав и порядком устав. Особо чувствительные к тому моменту плавно входили в запой. Любовь Фёдоровна знала, что путь её лежит к заветному выходу в Костроме, и не было у того никакой — совершенно никакой — причины, кроме того, что должна же быть у человека какая-то цель, должен быть высокий смысл существования? Почему-то всё лучшее, что могла она представить, собралось для неё в этой единственной точке.

Вот уже и Волга. Вода производила на Любовь Фёдоровну магическое впечатление. Она могла, потеряв счёт времени, сидеть и смотреть на водный простор — последнее, что сопровождало её перед сном, и первое, открывавшееся ей утром. Вода ошарашивала своим объемом: тяжёлая, мутная, бегущая волнами; и всегда этот покачивающий ритм, когда под ногами нет земли, а всё существо корабля опирается на водную толщу. Всю жизнь была Любовь Фёдоровна сама как эта река — могучая, обнимающая всех, кто вокруг:

тростинки, закинутые кем-нибудь пластиковые бутылки, и глубоководных рыб, и жучков, и рыбацкие лодочки, и целые суда с пассажирами. И тут внезапно стала маленькой, подхваченной мощным потоком, так же, как и трехразовым питанием, и экскурсионным графиком, и ни о чем не надо было более заботиться — забраться в свою каюту и бесцельно глядеть на воду. И будто бы это укачивание проникало вглубь, в самое нутро, растворяло на клеточном уровне — словно и была она уже не Любовь Фёдоровна, педагог со стажем, а нечто бесформенное в сладостном полусне.

Однако расслабляться было нельзя. Например, в Угличе вышла история. В Богоявленском монастыре Любовь Фёдоровна заметила девочку. Лет пяти, не больше, растрепанная, испуганная, в клетчатом платье, лёгком не по погоде. Непростая девочка, с аутизмом каким или дауном. Взрослых рядом с ней не было. Любовь Фёдоровна понаблюдала немного и подошла: где твои родители? Не знаю... Ох и подняла же она всех на уши, думала даже — может, подбросили монахиням? Но нашлась в итоге молодая тётка, ни капли волнения на лице, ни капли радости, с мужиком своим собачится... Увела девочку. Ещё и вид такой недовольный: мол, что вы меня по пустякам от важных дел отрываете. Непонятно про этих мамаш, (какого хрена) чего рожали-то? Одни всю жизнь молятся, и шиш вам, другим вот такие ангелы даны — и что? Вам господь бог такую честь оказывает, а вы что с этим делаете? Любовь Фёдоровна не святая, бывало, что и приложить могла Петьку, так то от любви, и глаз с него никогда не спускала. А вот так вот (хрен собачий) класть — это же хуже. Такая мать — что пустое место.

На «Сонату» Любовь Федоровна вернулась в настроении мрачном и злом, снова уставилась вдаль, и всё мерещилась ей в тёмных волнах малая, потерянная в церковном чаду, между горящих свечей, среди кадил и чудищ, по стенам нарисованных. Ситуация усугублялась тем, что плотность питания и жирность блюд произвели неприятный эффект с пищеварением Любви Фёдоровны, и ко сну она отходила с тревогою,

ведь близился заветный момент костромского променада.

Наутро опасения подтвердились. В животе что-то крутилось, вдобавок стал накрапывать мелкий дождь. Любовь Фёдоровна не отступала. Надела то самое платье, пусть и под плащ, накрашила губы, завтракала аскетично. Сперва обзорная экскурсия по Костроме — не пропускать же, уплачено, они потом оставят время на магазины. Любовь Фёдоровна уже приобрела девочкам магнитики и красивую сахарницу в учительскую. Значит, пока все отправятся за сувенирами, она и осуществит свой план. Тётка-экскурсовод, как назло, такая попалась обстоятельная... Любовь Фёдоровна поглядывала на время и нервничала. Как-то нехорошо вот так посреди экскурсии уходить. Но что делать. Она немного замедлила шаг, отстала от группы... Развернулась в сторону набережной и решительно двинулась вперёд. Всё не то, не так, причёска осела, как случилось с тонкими её волосами во влажную погоду. Протекала правая туфля. Времени на неспешные прогулки не было, пора искать (грёбаное) кафе, где случатся с ней те незабываемые минуты. Как назло, ничего подходящего не попадалось. То закрыто, то какой-то полуподвал с пластиковыми стаканчиками. Хотя... прямо на воде покачивался ресторан, деревянный, совсем в её вкусе. Но повеяло на Любовь Фёдоровну надеждами: там всё может сложиться как надо. Только дорого будет. Неважно, в кармане сумочки ещё лежала бумажка в пятьсот рублей, немного подмокшая. Она прошла по мосткам, на входе ее встретила её девочка-красотка:

— Вы бронировали?

— Нет...

— У нас полная бронь. Вам надолго?

— Да нет, я уже на корабль скоро.

— Хорошо, сейчас что-нибудь придумаем. Вон там наш вип-столик, на него бронь через сорок минут, вам хватит?

— Хватит.

Родимые, хватит. На мои пятьсот вряд ли я смогу здесь что-то есть дольше. Её сопровождали к столику. От такого обхождения она втягивала голову в плечи и оправляла плащ. Подошел юноша, предложил помочь снять верхнюю одежду. Что? Путаясь в застёжках и рукавах, она выскочила из своей потёртой влажной обдергайки и уткнулась в меня. Внутри всё сжалось и упало, цены на пирожные начинались от четырехсот двадцати рублей. На кофе уже никак не хватит, да хоть бы и на воду. Взять просто кофе? Вариант, но это уже не то, нет, не то... Да и тратить последние деньги на кофе, когда на корабле его так просто наливают... Вам принести напитки, пока выбираете блюда? Дура, дура, ну что она возомнила, это местечко для олигархов местных (с их подстилками), куда она только сунулась... Нет, миленький, дай я ещё подумаю. Любовь Фёдоровна размышляла, как бы ей тихонько пробраться к выходу. Но незаметно здесь никак не получится — вот они все, и официант хорошенький, и девочки на входе покрашенные в масках, спущенных на подбородки, и посетители — все смотрят на неё. Взять вот хотя бы этого хлыща за соседним столом в (пидорских) мятного цвета кроссовках, кажется, видела его на корабле. Ну чего он так уставился? Наверное, думает: куда ты, бабка, пришла, чего ты здесь забыла. Так, он ещё и идёт почему-то теперь в её сторону...

— Здравствуйте! «Осенняя соната»? Кажется, мы с вами вместе сюда приехали.

— Да, с «Сонаты» я.

— Давайте я вас угощу?

— Да ну бросьте, с чего бы это.

— Не переживайте, что вы хотели заказать? Мне приятно будет.

Любовь Фёдоровна в панике перебирала варианты. Точнее, вариантов не было. Что ему

от неё надо? Она уже не девочка. Может, извращенец какой? Парень не отступал:

— Просто как спутницу по кораблю?

Или с процентами потом спросит? В пирамиду затынет?

— Я видел, как вы помогли ребёнку в Угличе.

Он её пожалел? Фу-ты ну-ты, унижение какое. Любовь Фёдоровна хотела сказать: (да пошел ты) мне подачек от московских маменькиных сынков не надо. Но от растерянности произнесла:

— Мне бы «Анну Павлову»

— Конечно. Чай, кофе?

— Кофе простой.

— Будьте добры, эспрессо и десерт «Анна Павлова», и включите в мой счёт, пожалуйста.

Любовь Фёдоровна не успела сообразить, как молодой человек, улыбнувшись, расплатился, ушёл, оставил её одну за столиком у окна. Тут она смогла разглядеть и вид, и интерьеры — люстры кованые, обои благородные, как из старых времен, и пианино, и стулья «медальон», — всё теперь было так. Как надо. И музыка вдруг донеслась — «Под лаской плюшевого пледа». А когда принесли кофе... на серебряном подносе с салфеточкой, в миниатюрной чашечке, и стакан воды к нему... А десерт! Тончайшее безе и сочные ягоды, всё в неведомом соусе, фигурно налитом капельками по кругу, с живыми цветами! Самой еды на тарелке с гулькин нос, но какая разница. Казалось, в тот самый момент дождь прекратился и воссияло солнце.

Что это было? Как описать те минуты? Для того не было у Любви Фёдоровны слов. Только и могла вымолвить: сию, как артистка! Где она оказалась, в каком пространстве, в какой эпохе? В две тысячи двадцать первом году, в имитации советского кинофильма, воссоздающего антураж конца девятнадцатого века? Всё это была неправда, игра — но это же был и единственный момент небывалой подлинности.

Божечки мои, сколько же времени прошло, не опоздала ли я к отплытию? Любовь Фёдоровна заспешила к выходу. Стояла «Соната» поодаль, родненькая. Пётр, задержи корабль! Я бегу. Петя на экскурсии не ходил, шархался с девками, написал, что всё нормально.

Двинулись в обратный путь. В тот вечер собрались в «Музыкальной гостиной» на верхней палубе, играла гармонь. И так замечательно мальчик пел, прямо всю душу вкладывал, голос такой богатый, не хуже, чем у Шаляпина. Публика — разношерстная: кто в

резиновых тапках на штопанные носки, в спортивных штанах, а кто и в нарядных костюмах. Сначала робко, потом увереннее стали подпевать гармонисту. За окном бежала привычная водная гладь, облака провисали тяжестью, давили своей темно-серой массой и, наконец, хлынули ливнем. Казалось, вода распростерлась не только в горизонтальном, но и вертикальном направлении, заполнила собою всё, и корабль оказался внутри беспорядочно движущихся её потоков. Перемешались стороны света, верх и низ; ветер бросал мутные струи на окна. По щекам Любви Фёдоровны текли крупные слезы, окрашенные тушью в грязный цвет. Непонятная горечь — то ли от того, что всё уже случилось, и они держат путь в родной город, и ей уже почти пятьдесят, и что там, за этой чертой, неизвестно. То ли, напротив, от знания, от предчувствия чего-то, что она не может выразить. То ли этот мальчишка своими песнями за душу взял. Любовь Фёдоровна петь любила, и выходило замечательно, больше в верхнем регистре. «Пусть он зеемлю бережёт родную, а любовь Катюша сбережёт», — хором затянули с особенной силой так хорошо известные всем слова.

Свигание

Дарья Форсова

Дорогой С., как же я скучала. Десятки раз я доводила себя до озноба, представляя этот день, выдумывая детали встречи. Чёрт возьми, не думаешь ли ты, что я научилась жить вдали от тебя, что мне там и правда хорошо?

То, с каким несвойственным теплом С. встретил меня с полёта, намекает мне, что он тоже скучал. Хотя он никогда не скажет этого вслух.

Времени мало катастрофически. Первый парадокс нашей встречи: раньше я жила с тобой в своём доме, а сейчас в гостях в номере отеля. Зато удобно — сразу на Петроге. Заселялась одна, а разместили в номер для молодоженов. Не знаю, зачем мне две ванны.

Я выбираюсь наружу и не хочу строить маршрут — просто веди меня, будто мои глаза завязаны и мы играем в жмурки. На самом деле мои глаза — полароиды: сломалась мгновенная печать, но фото с тобой улетают на карту памяти куда-то в гиппокамп мозга.

Выхожу из отеля, «фотографирую» перспективу Большой Пушкарской и двигаюсь в сторону метро. В переходе девочка с гитарой, с которой мы гуляли четыре года назад. Уже много лет она встаёт на одно и то же место и играет пятнадцать минут, прежде чем охранник из метро успеет её прогнать. Но пятнадцать минут попрошайничества в самом проходном переулке богатого района окупают себя. Если я сейчас пройду к метро — она обязательно меня узнает и обнимет, а я украду её драгоценное время. Окей, лучше пройду мимо, тем более что С. настойчиво тянет меня

в сторону театра «Особняк»: сейчас утро, но мне бы хоть глазком увидеть его двор. Улыбнулась, когда вспомнила, как водила бабушку и дедушку на «Король умирает» по Ионеско. Им не понравилось.

И всё было хорошо на пути, но тут этот первый автобус. Проводник по островам, что возил меня в школу-экстернат, когда мы с С. налаживали наиболее близкие отношения. На импульсе запрыгнула внутрь, по пути забивала карту памяти «снимками» с Тучкова моста.

Выскакиваю на Кадетской, у квартиры, где жила две недели, пока не обнаружила в ней муравьёв. Нет, с острова надо выбиратья, иначе С. поведёт меня по шести местам, где мне приходилось жить, и когда я пройду мимо каждой квартиры, обнаружу себя на лютеранском кладбище, в сотый раз подумая, что это лучший парк острова, и так и пройдёт весь день.

Скорее на материк, в самый эпицентр. Поскольку я безумно ревную С. к вниманию остальных, то отвлечься мне поможет проверенная комбинация «чёрный кофе плюс извилистый маршрут по книжным». За время моего отсутствия появилось любопытное издательство: книги подозрительных авторов продаются в секретных коробках или в чёрной бумаге. Вот за одной из них начинается охота.

Я бы не хотела сказать, что с С. у нас всегда было взаимопонимание. К примеру, хочу я того или нет, но путь к одному книжному лежит мимо Моховой. Хочу ли я вспоминать, что дважды начинала здесь

учиться — С. это неважно. Он ведёт по пути, который вызывает самые интенсивные эмоции.

С. любит меня испытывать, а иногда рядом с С. я могла чувствовать себя чужой.

Временами он мог шептать: тысячи готовы отдать всё, чтобы сейчас быть рядом со мной, а тебе всё так легко досталось, ты стараешься недостаточно, чтобы соответствовать моим ожиданиям. Звучит немного абьюзивно, но сейчас это неважно. Разве это имеет значение, когда при С. на Лиговском проспекте мне в первый раз признались в любви, разве хоть что-то сможет отнять это у меня? Разве те, кто заставляет сейчас нас с С. проживать эту разлуку, смогут отнять воспоминание с Гороховой, где дедушка покупал мне первую школьную форму? В этом воспоминании они — никто, а мы с дедушкой и С. — всё.

Так бы я и продолжила мчаться по Марата на сильном разгоне от крепкого кофе и с праведным гневом в мыслях, если бы не сообщение от подруги, где фото девушки, несущейся по улице, и подпись: «Либо это ты, либо твоя идентичная копия. Если второе — я немедленно знакомлюсь с этой красоткой, а ты можешь больше не возвращаться».

Мы устали друг на друга со взглядом, с каким кот узнаёт себя в зеркале. В этой сцепке глазами мы шли до ближайшего пешеходного перехода, чтобы как в ромкоме

встретиться посреди него, рухнув в объятия. Тот факт, что она уже год живёт в Финляндии, а я встретила с С. всего на сутки, не предупредив никого, делал происходящее если не сюрреалистичным, то точно в духе шутника С.

С. проворачивает подобные пранки, когда ты точно этого не ждёшь. Когда вероятность — одна десятая процента. Когда случается встреча такой неожиданности, что одна из вас отменяет визит к врачу, а другая забывает искать свою книжку. И от этой неожиданности вы обе смеётесь почти истерически минут десять. Когда вы обе, много лет некурящие, делите на двоих один парламент, потому что традиция. И она провожает тебя в аэропорт.

С. постоянно напоминает тебе, что ты должен уметь выдерживать одиночество, потому что оглянись — все одиноки и заняты настоящими делами, на глупости времени нет. Тыходишь в роль и притворяешься сильным. Если устаёшь притворяться — испытываешь городской ангст, и тогда С. заботливо скажет: «Дружочек, ну ты хоть иногда смотри по сторонам. Может, чего и заметишь».

Мои полароиды щёлкают её широкую улыбку в Пулково. Изображение на кадрах из-за влаги нечёткое. Дорожки этих двоих разойдутся в очередной раз, чтобы неизбежно сойтись когда-то потом.

Спокойной ночи, дорогой С., до скорого.

Собака

Ирина Бас

Все детство Коля хотел собаку. Большую, сильную, с умными карими глазами, чтобы смотрела преданно и лапу давала по команде. Коля мечтал: выйдет со своей собакой, она — рядом, послушная и такая огромная. Прохожие удивляются: мальчик какой маленький, собака больше него, а слушается, не тянет, идет рядом — уважает хозяина. Димка — лучший друг — тоже обзавидуется. Нет, зависть, конечно, плохое чувство, но что тут сделаешь, если у Димки аллергия на шерсть и ему никогда собаку не подарят, а Коле могут — у Коли аллергии нет. Дождаться бы только этой собаки.

Однажды в обычный летний день, — хотя нет, не совсем обычный, это был Колин день рождения, — отец принес укутанного в полотенце щенка. Овчарка! Коля чуть не задохнулся от счастья, родители испугались и хотели щенка унести, но ничего не вышло — Коля вцепился в него и весь день не выпускал из рук. Даже спал с ним. В общем, началось настоящее детское счастье — яркое, солнечное, с мороженым и новым, очень умным и долгожданным другом.

Оставшиеся от лета полтора месяца прошли как на быстрой перемотке. Коле иногда казалось, что столько радости он попросту уже не может вместить и вот-вот лопнет, разлетевшись по городу конфетти и конфетами. Собаку он назвал Бим и не расставался с ней никогда. Несмотря на хлюпающий нос, зуд и красные от аллергии глаза, не расставался с друзьями и Димка. С появлением собаки Колю и Димку как будто больше зауважали, во дворе все обращали на них внимание, даже баб Шура на своей постовой лавке не выдержала — ласково

потрепала Бима за ухом и выдавила из себя что-то вроде улыбки.

Наступила осень. Коля пошел в школу. И маленький хозяин, и пес переживали разлуку остро — Коля считал минуты до конца уроков, а Бим пока не привык к этим нескольким часам одиночества и в щепки грыз ручки дивана. Не было никого счастливее этих двоих, когда Коля, вернувшись из школы, открывал дверь, и Бим, сшибая все на пути, бросался к нему навстречу.

Однажды на уроке учительница рассказывала ребятам о животных, которые помогали людям на войне. Она говорила о дельфинах, специально обученных нести снаряды к вражеским военным кораблям, о голубях, переносивших запалы, о бесстрашных лошадях кавалерийских полков. Но особенно Колю впечатлил рассказ об овчарках. Натасканные вражескими кинологами, они входили в состав патрулей на оккупированных территориях. Эти собаки были бесстрашны и жестоки — они искали взрывчатку и расправлялись с ранеными партизанами. Животные-солдаты. Учительница увлеклась, с упоением живописала страшные военные сцены. Скрип двери, тишина, осторожные шаги, клацанье передернутого затвора и вдруг — собачий лай, стук когтей по деревянному полу, ошестинившаяся шерсть на холке, совсем близко — карий и умный глаз и белые острия клыков. Щелк, и снова тишина. Что это — смерть?

Коля открыл глаза. Он лежал на полу, вокруг столпились ребята. Лицо классной нависало прямо над ним — Юлия Валерьевна

казалась очень напряженной и очень смешной. Колю отвели в медпункт и отпустили домой. Нервное перенапряжение на фоне крайней впечатлительности — ничего особенного, но хороший повод погулять.

Дома ждал Бим, которому не терпелось скорее на улицу. Коля схватил бутерброд, накинул на Бима ошейник, и они выбежали из дома. Солнце светило всюду, приятно пригревало, будто запоздало отдавало последние остатки лета. Коля побродил с Бимом по бульварам, через час встретил на своем прогулочном маршруте Димку, и все вместе они отправились в парк.

С появлением Бима Димка начал носить с собой теннисный мяч. Каждый раз после школы они отправлялись гулять и играли с Бимом в «отними» — мальчики перебрасывали друг другу мяч, а пес пытался угнаться за ним и перехватить. В парке Димка уже привычно полез в рюкзак за мячом, Бим завилял хвостом и уставился на него, от нетерпения перебирая передними лапами. Коля отошел шагов на десять и тоже приготовился. Димка замахнулся и бросил мяч очень точно, Коля поймал и замер. На него неслась овчарка-солдат. Когти вспарывают траву, взъерошенная холка, карий жаркий глаз, мокрые клыки совсем рядом с лицом, прыжок...

Коля очнулся. Он на земле, в руке у него — камень. Камень почему-то теплый и липкий. Рядом лежит Бим и смотрит на него своим умным карим взглядом. Или не смотрит? Из головы Бима течет теплая темная кровь. Бим не двигается.

— Мы же играли, да? — Голос Димки прозвучал откуда-то издалека.

— Н-нет. — Коля встал.

Димка уставился на Бима. Коля выронил камень.

— Он же не играл, он странный, он и не Бим совсем. Не Бим. Он как солдат был, как овчарка-солдат, — прошептал Коля и вытер глаза запястьем. По щекам текло.

— Да, он так бежал на тебя. — Димка тоже перешел на шепот.

— Бешеный! Чуть не загрыз. Бешеный. — Коля дрожал. — Хорошо, камень был.

Коля поднял камень и обтер с него кровь о траву.

— А вдруг это заразно? — Димкины и без того круглые глаза сделались как миниатюрные блюдца.

— И все собаки заразились? И будут нападать. Как враги. — Коля перестал дрожать и будто даже успокоился. — Тогда надо спасать людей. От бешеных. Мы будем спасать людей. Да? — Коля протянул Димке камень, блестящий бурим. — Кто, если не мы?

— Никто.

В тот же вечер Коля и Димка похоронили Бима и рассказали взрослым о нападении собаки. Родители пожалели Колю, разрешили есть сладости и весь вечер балбесничать.

На следующий день вся школа и весь двор знал о происшествии. Димка и Коля рассказали о внезапной и непонятной собачьей болезни. Коля раз за разом в красках описывал свой страшный случай, и каждый раз слушателей пробиравало до мурашек. Мальши вскрикивали и убегали, пацаны постарше вытирали носы и вооружались камнями и палками. К вечеру, впечатленная произошедшим, дворовая и школьная шпана решила бороться с опасной заразой. Дети объявили охоту на больных собак.

Вся следующая неделя прошла в непрерывном выслеживании заболевших. Пацаны подкарауливали собачников. Конечно, ни одна из пород не осталась без внимания, но особенно ребят интересовали овчарки. Дети под предводительством Коли организовали что-то в духе патрулей и, вооружившись камнями, ходили по району. Ровно через неделю была обнаружена еще одна бешеная собака — соседская Найда. Она сбежала от пожилой хозяйки, показалась ребятам подозрительной и агрессивной, и, не особо раздумывая, они забили ее камнями. Взрослым сказали, что Найда напала на самого младшего, шестилетнего Ваню, и это сошло им с рук.

Через пару дней бешенство обнаружилось еще у одной дворовой собаки. На следующий день — еще у одной, а потом сразу у нескольких. Пацаны усердствовали, взрослые не препятствовали. Через месяц в районе не осталось собак. Через два — детские патрули были в каждом районе, а Коля стал главным в борьбе с болезнью. Через полгода в городе не осталось собак совсем.

Коля и Димка привычно шли из школы. На лацкане у Коли поблескивал золотистый значок — перечеркнутая овчарка. На бульваре жители выгуливали на поводках-шлейках кошек. В кармане у Коли привычно и успокоительно тяжелел камень. Димка скучал.

— Ты вода! — Димка осалил Колю и отбежал.

— Да ну. — С тех пор как дети справились с бешенством в городе, настроения у Коли не было.

— Давай! Давай! Вода! — Димка никак не успокаивался. Отбежал, потом снова подскочил к Коле, осалил еще раз.

— Ладно!

Коля сбросил рюкзак и помчал за Димкой. Он был самый ловкий в классе, да и, наверное, во всем дворе, так что Димка глазом не успел моргнуть — осален. Коля припустил от друга что есть сил, а Димка завозился — тоже решил скинуть рюкзак. Наконец, Димка повернулся, рванул на Колю. И тот замер. Топот, карий умный глаз, взъерошенная холка. Коля бессознательно дернул рукой с зажатым в ней камнем. Димка вмиг остановился и осел. Камень стал липким, а Димка схватился за голову. По виску текло что-то теплое и темное. Коля бросил камень и побежал. Скорее, скорее, очень быстро, как можно быстрее. Димка остался сидеть на траве.

Суг

Татьяна Никитина

«Спать по-ра, спать по-ра», — отчётливо пело сердце семнадцатилетнего призывника. За хлопающим первым и нормальным вторым вклинивался дополнительный третий — тон открытия митрального клапана. Вадим переместил фонендоскоп по пятому межреберью тощей грудной клетки влево. Потом ещё левее — до аксиллярной линии — и отключил оживший в кармане айфон. Уложил пацана на кушетку. Провёл аускультацию, как полагается — на спине и на боку. Сомнений не оставалось — классический ритм «перепела». Перелистал амбулаторную карту — упоминаний о митральном стенозе не нашёл. Странно, парень-то не из глухой деревни, подумал он и взял трубку яростно звонившего телефона. Секретарь главврача, интонируя начальственный голос, сообщила, что через пять минут начнётся планёрка. Присутствие Вадима на ней обязательно. Дважды повторила: «Не вздумайте опоздать или не явиться».

Объявление с повесткой «Товарищеский суд», пришпиленное к плакату, на котором человек в белом халате заносил скальпель над плачущим младенцем, Вадим заметил вчера на стенде у входа в актовый зал, но на планёрку не собирался. Удивился, конечно, узнав, что будет слушаться его персональное дело. Сначала предположил: будут разборки за опоздания, потом вспомнил, что не отметился на митинге, но решил — тоже несущественно, скорее всего, кто-то из пациентов накатал жалобу. Перебрал все случаи, где мог облажаться.

Планёрка собрала аншлаг. Никто из сотрудников не опоздал. Наоборот, все пришли заранее. Переполненный актовый зал

дышал как единый организм, а кому не хватило мест, толпились в распахнутых дверях. Главврач Тюляйкина указала Вадиму на три красных пластиковых стула в простенке между окон. Узкий проход между стульями и повисшее в воздухе неприятие отделяли его от коллектива. Коллеги старательно не замечали Вадима. Только гинеколог Вершинин подмигнул ему от дверей, а проходя мимо, подал руку, но рядом тоже не сел.

Никогда прежде Вадиму не приходилось быть изгоем. Незанятое пространство вокруг напрягало, как зона отчуждения. Не тридцатикилометровая Чернобыльская — символическая, ввиду небольшой площади зала, да и ощущал он себя не атомным реактором, а цыплёнком в вакуумной упаковке. Заседание открыла главврач Тюляйкина. Пугающе строгая — в белой блузе с гофрированным воротником-стойкой, подпирающим щёки — похожая на судью. Двумя пальцами брезгливо достала из красной папки листок с отпечатанным текстом, помахала им в воздухе.

— Сегодня, коллеги, мы с вами собрались по неприятнейшему поводу...

— К нам едет ревизор? — спросил с галёрки гинеколог Вершинин.

— Хуже. Из следственного комитета поступило письмо. Нашему коллективу доверено разобрать персональное дело и дать нравственно-этическую оценку поступку Дашевского Вадима Львовича.

— Что же вы натворили, коллега?! — с притворным ужасом воскликнул Вершинин, но председатель профкома Грищенко — со смятым серьёзностью момента лбом — осёк его взглядом и, многозначительно кашлянув, встал за трибуну.

— Товарищи, впервые в этих стенах запятнана честь белого халата, — мрачно сообщил он.

— Позвольте полюбопытствовать, а какое такое несмываемое пятно посадил на свой халат наш коллега? — уточнил гинеколог Вершинин.

Профорг Грищенко пояснил, что в следственный комитет обратилась гражданка Тупицына Клавдия Ивановна с заявлением о поруганной чести её внучки Тупицыной Людмилы Владимировны. Зачитав письмо, он предоставил слово потерпевшей.

Клавдия Ивановна — восьмидесятилетняя опекунша Людочки — потрясла коричневым кулачком, взывая к совести Вадима, и потребовала — ни больше, ни меньше, — немедленно жениться на внучке, маячившей в холле за стеклянной перегородкой в ожидании своего выхода на сцену. После выступления бабушки, раздвигая животом столпившихся у входа медработников, в зал вошла Людочка. Широко улыбаясь, помахала над головой растопыренной ладонью, приветствуя собравшихся. Откинула за спину сальную прядь, скривила рот, сдувая с глаз чёлку и проплыла через зал, будто по красной дорожке в Каннах. Опустилась на стул рядом с Вадимом. Попыталась закинуть ногу на ногу, но не смогла — мешал живот.

Медсестра Тамара Михайловна выступила главным свидетелем. Она дала показания о флирте Вадима с Людочкой.

— Вы можете подробнее? Самую суть передать, что там было? — с прокурорской заинтересованностью уточнил уролог Грищенко.

— Свечку не держала, Сергей Леонидович, врать не буду, но на аборт он её уговаривал. И настойчиво так уговаривал. Я тогда ещё подумала: неспроста он это всё.

Людочка радостно закивала, подтверждая слова свидетельницы безудержной улыбкой. Время от времени она с нежностью прикасалась к руке Вадима, а он никак не мог поверить в происходящее. Планёрка проходила по всем правилам судопроизводства. Неоднократные попытки сказать пару слов в своё оправдание судья Тюляйкина пресекала взмахом руки, сообщая, что слово обвиняемому будет предоставлено в финале. Чувствовать себя белой вороной в чёрной стае было нестерпимо обидно, но он решил выслушать всех до конца.

Терапевт Безденежных с тринадцатого участка напomniaла про правительственные директивы по демографии, которые Вадим Львович нагло проигнорировал, уклоняясь от женитьбы на Людочке. В то время, когда все силы страны направлены на повышение рождаемости, его поведение можно рассматривать как саботаж государственной политики, сказала она. Её поддержала группа православных сестёр и представители движения «Антивичевский беспредел» по борьбе с борьбой против СПИДа.

— Мы много лет знаем... ммм... Вадима Львовича... — прошамкал глухой отоларинголог, добравшийся до трибуны.

— В том-то и дело, что не много мы его знаем, совсем немного, а он, едва переступив порог храма Асклепия, опозорил имя российского врача и запятнал честь белого халата, — прервала отоларинголога терапевт с восьмого участка. Она предложила не теряя времени поставить вопрос об увольнении Дашевского на голосование. Зал дружно загудел:

— Уволить! Гнать! Таким не место в наших рядах. Давайте голосовать. Надоело!

Только невропатолог Жанна Петровна звонко выкрикнула с галёрки:

— Дайте ему слово! Зачем же сразу расстреливать? Давайте послушаем самого Вадима Львовича.

Вадим не стал оправдываться. Он думал лишь о том, как достучаться до коллег и расположить их к себе, как завоевать утраченное доверие коллектива, как объяснить всю нелепость происходящего. После первых его слов в зале повисла тишина, а кое-кто даже заплодировал, но под взглядом главврача хлопki быстро сникли и угасти. Вадим говорил, всматриваясь в лица. Он не искал в них сострадания, а всего лишь внимания, но не находил. Женских глаз в зале было больше, чем мужских: распахнутых и не очень, украшенных ресницами, очками или линзами, но все они смотрели сквозь него. Ни в одних он не находил того, что хотел увидеть. Если в некоторых изредка и проскальзывал проблеск интереса, то вызван он был исключительно любопытством к пикантной ситуации. Вадим видел в глазах людей только равнодушие и усталость, страх и даже ненависть. И нигде не заметил сочувствия. Если он начинал пристально вглядываться, то многие смущённо отводили глаза в сторону. И это было неплохо, потому что вину могут чувствовать только порядочные люди.

— Всё происходящее сегодня в этом зале — чудовищное недоразумение, которое могло случиться с каждым из вас, — сказал Вадим. — Я не буду утверждать, что это клевета, вы сами видите: лицо, от которого исходит информация, не совсем адекватно в своих высказываниях. — Взглянув на Людочку, сияющую солнышком, продолжил: — Но клевета, будь она от лица недееспособного или в своём уме, должна пресекаться в самом зародыше, а не разрастаться до кошмарной фантазмагии. Я, прежде всего, обращаюсь к вам, Ольга Анатольевна. Ведь именно вы устроили этот дурацкий спектакль. — Вадим повернулся к главврачу и даже повысил голос. В зале кто-то засмеялся. Вадим приободрился и продолжил: — Нельзя быть настолько легковёрным, — сказал он, — сам факт

обвинения настолько смешон, что я даже говорить о нём не хочу.

Недовольный гул он воспринял сначала как одобрение своих слов, но, взглянув в зал, понял: достучаться до аудитории ему не удалось. Его никто не слушал. Коллеги хотели высказываться сами, ведь у каждого было собственное мнение, одобряемое кивком главврача. Осознав всю бессмысленность убеждений в своей невиновности, Вадим вернулся на место, означенное ему Тюляйкиной. Его уход с трибуны никто не заметил.

Желающих выступить становилось всё больше. Очередь к микрофону тянулась длинной кишкой. Люди ссорились, выясняя, кто раньше подошёл к трибуне. Грищенко повторно предоставил слово терапевту Безденежных с её навязчивой обеспокоенностью падением уровня рождаемости, чем вызвал гул возмущения.

Однотипные выступления плыли по душному помещению на волнах негативных эмоций и все как одно заканчивались сакраментальным обвинением в запятнанной им, Вадимом, снежной белизне медицинского халата. У него сложилось впечатление, что честь спецодежды волновала присутствующих куда больше, чем судьба Людочки и её ребёнка.

Опекунша тоже не сидела истуканом. Несколько раз она подбегала к главврачу и гневно стучала сморщенной ладонью по столу с требованием выплатить моральный ущерб за опозоренные седины.

— Не меньше мильёна! Требую! — дребезжал над гудящим залом голос Клавдии Ивановны.

Выбегая к трибуне, она всякий раз доставала из пластикового футляра для очков свёрнутый четверо листок в клеточку, вырванный из тетради, и, проговаривая каждое слово по слогам, читала:

— Потребовать компенсацию за нанесение морального вреда путём причинения физических и нравственных страданий... — А потом поясняла: — С интерна много ведь не возьмёшь, а организация обязана возместить. Спасибо добрым людям, что подсказали.

Главврач Тюляйкина вежливо улыбалась и отсылала опекуншу взмахом руки на место, объясняя, что поликлиника не банк и не благотворительный фонд.

Вадима не оставляло ощущение, что в знакомые ему тела вселились чужие сущности, как в американском хорроре. Несколько раз он даже потряс головой, но другое измерение с обезумевшими знакомцами не исчезало. Ему давно казалось, что многие вокруг надели маски, скрывая истинные лица, но сегодня он понял: они их не надели, они их сняли, обнажив истинную свою суть. Для того чтобы понять другого, нужна какая-то логика в словах либо в поступках, пусть абсурдная, но хоть какая-то, а он совершенно перестал видеть логику в происходящем.

В апогее народных выступлений гинеколог Вершинин попросил назначить его адвокатом обвиняемого.

— Коллега, вы не будете возражать? — обратился он к Вадиму.

Судья хотела отмахнуться, но Вершинин настаивал. Он юридически грамотно сослался на презумпцию невиновности, право каждого гражданина на защиту и потребовал допросить потерпевшую. Тюляйкина, снисходительно улыбнувшись, позволила ему задать пару вопросов. Людочка обрадовалась возможности выйти на трибуну. Сегодня был её звёздный час. Вполне счастливая, она захлопала в ладоши, широко улыбаясь аудитории, включила микрофон и немножко погудела в него: «Раз, два, три, алё, алё...» Ей нравилось быть в центре внимания.

— Людмила, знаете ли вы, отчего появляются дети? — спросил её гинеколог.

— Дети появляются от любви, — громко рассмеялась Людочка, а микрофон превратил её смех в гомерический. Всем стало стыдно за гинеколога Вершинина и его нелепый вопрос.

— Вы настаиваете на том, что ждёте ребёнка от Вадима Львовича? — продолжал Вершинин.

— Настаиваю, — твёрдо сказала Людочка.

Она перестала улыбаться. В абсолютной тишине зала отпила полстакана воды и долила опять до краёв из пластиковой бутылки.

— А где вы с ним встречались?

— В кабинете у него и встречались, когда я приходила.

— Во парень даёт, — восхитился профорг Грищенко.

— Спрошу вас иначе, Людмила. Где же вы с ним спали? В кабинете, что ли?

— Нигде мы с ним не спали, — удивилась Людочка, — я всегда дома сплю. Мне бабушка больше нигде спать не разрешает.

— То есть, вы утверждаете, что, кроме как в кабинете, других встреч с ним у вас не было?

Людочка кивнула в ответ и отвлеклась, изучая кнопки на микрофоне.

— А медсестра, во-он та, — пальцем указал Вершинин на Тамару Михайловну, — всегда была в кабинете?

— Тамара Михайловна? Конечно, всегда. А ребёнок у нас с Вадимом Львовичем от любви родится, потому что я люблю Вадима Львовича. Дети ведь от любви рождаются. Их боженька посылает. Мы с Вадимом Львовичем скоро поженимся. — Людочка улыбнулась и отправила Вадиму серию воздушных поцелуев. — Вот когда у него жена была, он не мог на мне жениться, а теперь может. У него теперь нету жены.

Зал безмолвствовал, но группа поддержки из православных активистов не сдавалась:

— А на аборте почему настаивал? На смертоубийстве. Не богоугодное это дело.

— По медицинским показаниям, милейшие, — пояснил Вершинин, передавая главврачу внутриутробные снимки плода с отсутствующим мозгом и письменный отказ опекуны от прерывания беременности у подопечной. — А на-по-сле-док я спрошу-у, — сильно фальшивя, пропел он, — вот у опекуна я и спрошу. А много ли заплатил вам, Клавдия Ивановна, гражданин Н., чтобы вы полгода назад отозвали своё заявление об изнасиловании вашей внучки Тупицыной Людмилы Владимировны?

Молчал зал, молчала Клавдия Ивановна, но главврач Тюляйкина на всякий случай

постучала ладонью по столу и вынесла решение:

— Я считаю, что необходима генетическая экспертиза, но мы с вами не уполномочены направлять на неё. Только через суд. Поэтому предлагаю передать наше ходатайство в следственный комитет. Ставлю вопрос на голосование. Кто за?

Все, кроме гинеколога Вершинина, подняли руки. Людочка тоже не голосовала, она аплодировала решению коллектива.

— К чёрту шоу, — сказал Вадим, вставая с красного стула, сыгравшего роль скамьи подсудимых, — благодаря вам, коллеги, я почувствовал себя сегодня и Джимом Керри, и Труманом. Всем доброе утро, добрый день и добрый вечер. И доброй ночи, на всякий случай, если я вас больше никогда не увижу, а я на это надеюсь.

Проходя мимо судейского стола, он бросил заявление с единственной фразой, написанной размашисто и зло: «Прошу уволить меня по собственному желанию». Хотел вдобавок громко хлопнуть дверью, но пока шёл к ней, передумал. Решил, что будет слишком театрально и напыщенно.

У его Москвы и твоей Невы...

Мария Спиригонова

— Смотри, это — Арбат! — И Кирилл широко, всей рукой показал Ксюше улицу.

Сумрак уже понемногу спускался на весеннюю озябшую Москву. Прямо на углу, обозначенном Кириллом как «вход на Старый Арбат», собралась группа музыкантов. Ксюша вытянула шею, пытаясь разглядеть артистов поверх голов праздных зевак, и холодный ветер тут же полоснул по шее там, откуда сполз тёплый платок. Под оглушающий стук барабанов, в котором музыка узнавалась едва ли, танцевала девушка. Она зачем-то надела тяжелые сапожки и теперь энергично втаптывала в неровную брусчатку толстый неудобный каблук. И как она только ноги не переломала?..

Удары барабанов складывались в задорную, яростную мелодию, и Кирюхины плечи чуть вздрагивали, словно просились в пляс. Он и в клубах танцевал вот так: в основном плечами, а ноги оставались где-то внизу, почти на месте.

Ксюша всматривалась, любовалась его красивым лицом с остро выступающими скулами и выпуклыми зелёными глазами, в которых буйно плескалось счастье. Оно рвалось наружу: энергия музыки, ритма, этих оглушительных барабанов была в нём, как струя в танцующем фонтане.

— Весело, да? — Он тряхнул пшеничной шевелюрой, оскалился, сверкнул глазами.

— Весело. — Ксюша попыталась достать из себя улыбку.

Ей было шумно. В этом городе шум сопровождал её везде, начиная от гула голосов и крика оповещений на Ленинградском вокзале, затем следовал по пятам до номера в гостинице, где до двух ночи дребезжали стены — в ресторанчике на первом этаже веселились вовсю. Утром шум накатывал снова: звоном трамвая и сигналами машин из открытого окна.

А ещё в Москве было очень суетливо. Вечно кто-то куда-то бежал; толкая Ксюшу то плечом, то бедром, мимо неслись люди, почему-то часто — в костюмах и с белыми длинными затычками в ушах. Нервный деловой ритм города как будто резонировал в теле каждого, прямо как сейчас отдавались в перепонках удары барабана.

Да, было весело. Весело, необычно, шумно. Очень шумно.

— Вот, смотри! Совсем как в твоём Питере!

— Картины, Кирюш, не только у нас пишут, — медленно, словно не доверяя самой себе, проговорила Ксюша.

И правда, прямо посреди улицы — художники. Они улыбались, гордо выставляли напоказ бездарные портреты. На закрутивших пальцах нет следов краски. Ксюша знала,

чувствовала, что Кирилл хотел сказать. Вот, мол, и столице культура не чужда. Вот только в глазах этих художников был всё тот же алчный блеск, какой чудился ей во взгляде каждого москвича.

— Ну да ладно. Замёрзла? Куда пойдём? Вот тут местечко есть! Тебе понравится!

И он потащил её вперёд, да так, что они почти побежали, не разбирая дороги.

— Быстро, Кирюша, слишком быстро. Не гони, пожалуйста!

— А, точно. Прости. Я всё забываю, что ты медленнее ходишь.

Дома сливались в размытые пятна, и лишь изредка что-то цепляло. То яркая неоновая вывеска с нарисованным бургером, то красно-жёлтые «Сувениры». Хоть Кирилл и замедлил шаг, они всё же двигались слишком быстро. Но вот подошли к совершенно чудесному местечку: небольшая деревянная веранда с искусственным вьюном по чёрным прутьям. Зелёная вывеска «Мильфей». Французская кухня. Ах, как хорошо.

— Вот, Ксюха, мой любимый паб. Ирландский. Там такое пиво!

— Я... же не пью пиво.

— Ну ничего, там крылышки!

— Какие крылышки, я же веге... — Ксюша вдруг застыла, глядя в полные радости изумрудные глаза. — Ох, ну ладно. Пошли.

Внутри стало ещё шумнее. Кирилл заказал крылышки, пиво и Ксюше — сидр. Пузырящаяся вишнёвая жидкость была такой сладкой, что тут же начало мутить и пришлось переключиться на чай. Кирилл этой смены не

заметил: грелся в волнах своего шума, что-то кричал Ксюше, безуспешно пытаясь перекрыть орущий из колонок рок.

Вокруг была толпа. Люди ставили локти на грязные липкие столешницы, кричали друг другу что-то, подставляя уши. Кто-то танцевал, кто-то просто отдыхал, глядя на беснующуюся под музыку толпу, за стойкой толстый гражданин тянулся блестящими губами к светлой голове с безупречными локонами, которые прикрывали прекрасно очерченные узким платьем ягодицы. Локоны вздрогнули, подаваясь навстречу губам, и Ксюша опустила взгляд, поправляя на острых коленях дешёвое тёмно-синее платье.

В уши словно ваты набили, и она уже не пыталась расслышать Кирилла, лишь наблюдала, как часто бывало с ней в кино или театре. Вся эта большая тусовка была совсем не в её стиле. Захотелось вдруг достать книжку и почитать.

Кирилла тем временем заметил какой-то парень, и теперь они стояли, крепко обнявшись, орали что-то друг другу в уши. Видимо, однокурсник. Ксюша помахала Кириллу, и какими-то жестами ей удалось объяснить, что она отойдёт на минуточку, в туалет.

Тот кивнул, продолжая слушать какую-то болтовню друга, а Ксюша тихонечко взяла пальто и вышла. На улице то, что в начале прогулки казалось шумом, вдруг стало сносным фоном. Она постояла так чуть-чуть, пытаясь понять, чем пахнет Москва? Чем-то другим, чем её родной Питер.

Ксюша тихонечко прокралась к скамеечке, села и достала из сумки книжку. Кирилл её не хватится в ближайшие минут пятнадцать, а она как раз успеет отдохнуть.

Мимо прошли девчонки. У одной волосы розовые, точно пластиковые, у другой уже вылинявшие, цвета лаванды. Держась под

ручку, они громко и весело пели, сверкая глазами друг на друга:

— А я! Иду! Шагаю по Москве!

И тогда Ксюша улыбнулась. Вот люди: гуляют, поют, не думают ни о чём. Уже зажигаются тёплым светом фонари, и нежный апрельский вечер кисеей ложится девочкам на плечи. И в глазах у них что-то такое... Родное.

Ну вот теперь она поняла слова Кирилла, что если есть в Москве место, которое напоминает Питер, то это Старый Арбат.

Ксюша завязала покрепче платок. Теперь, когда Кирилл никуда не бежал, она могла осмотреться. И увидела классические дома с белыми наличниками: бежевые, розовые, нежно-голубые с тёмными двойными стёклами окон в деревянных рамах, а ещё высокое небо в прозрачных золотисто-клубничных облаках. Услышала, как стучат чьи-то каблуки по брусчатке и шелестят разговоры прохожих поверх далёкой акустической гитары.

Ксюша улыбнулась и раскрыла книгу.

Теперь и ей казалось, что она немножко как будто дома.

Холодноедыхание декабря

Анастасия Шенотько

Стекло в комнате-зале было покрыто узорчатой коркой льда, у окна пахло сыростью и пластилином, которым мы с бабушкой замазали щели в окнах. Я прижала большой палец к ледяной поверхности и пыталась отогреть маленький прозрачный кусочек. Хотелось убедиться, что застывшая река и заваленные снегом соседские дома на своих местах. Палец онемел и побелел от холода. Терпения не хватило, в пять широких шагов добралась от окна до печки. Печь стояла в центре дома и была похожа на одногорбого верблюда. Все четыре комнаты кружились вокруг нее и прижимались к ней своими боками. Внутри кирпичного живота огонь танцевал чечетку на костях деревьев, грыз их и превращал в пыль.

— Аня, не лезь так близко!

Бабуля сидела в комнате-кухне за столом. Окликнула меня и вернулась к чтению газеты. В этих очках она была похожа на черепаху. Не отрывая руку от теплого верблюжьего бока, я проскользнула в комнату-кладовую. Раздался телефонный звонок, бабушка взяла трубку. Я пробралась в дальнюю комнату-спальню через узкий проход, присела на пол и принялась сковыривать мелкие крупинки извести со стены.

На крыльце послышался скрип половиц и чьи-то шаги. Я выглянула, чтоб узнать, кто пришел. Дверь открылась. Морозный уличный дух покатился волнами по полу вперед дедушки, сцепился с теплым домашним и, конечно, продул схватку, исчез из видимости,

но напоследок обдал своим свежим дыханием мои ноги.

На кухне было тревожно. Я не хотела слушать, о чем они говорят. Проскользнула в дальнюю комнату и закрыла уши. В монотонный гул сквозь прижатые ладони впечатался стук двери, мамин голос, чьи-то слезы.

Через несколько дней мы отправились в путешествие в соседнюю деревню прощаться с телом прабабушки. По дороге я пыталась успеть подарить чуточку внимания каждому дереву, но они слишком быстро оставались позади. Машина красно-розовой барбариской скользила по дороге, точнее, по парализованной зимой реке. На ее дне глубоко спали рыбы, я их не видела, но передавала им сердечный привет и надеялась на встречу во время летнего купания.

Было много родственников, меня трогали, почему-то называли меня маминым именем, а я их поправляла, они сплевывали и исправлялись. Честно сказать, к вечеру мне невыносимо хотелось домой или хотя бы посмотреть в окно на мир, убегающий в противоположную сторону от той, куда мчит меня машина.

Мне уже одиннадцать лет, но, видимо, я все равно до конца чего-то не понимаю. Почему все плакали? Я в жизни не видела никого старше моей прабабушки. Значит, существует такой возраст, что дальше уже

невозможно жить и пора уходить. Тогда зачем плакать, если настало время уходить?

Дедушка скомандовал грузиться в машину, и мы отправились домой. Жаль, что он сегодня не за рулем. Он такие штуки умеет проворачивать. Как-то раз он разогнался на скользкой дороге, затормозил, машина закружилась на одном месте, бабушка на переднем сиденье ругалась, а я бултыхалась на заднем, пыталась крепче уцепиться, чтоб не улететь с кресла, и ликовала.

За окном была темнота. Она наблюдала за нами. Я не боялась заглядывать в ее звездные глаза. Следила, как за окном цепочка небольших гор тащится вместе с нами в сторону дома, то поднимается выше, то снижается почти на один уровень с дорогой.

Машина закряхтела и остановилась. Сон пассажиров был нарушен. Дедушка с дядей-водителем ушли проводить осмотр. Они распахнули огромный зев машины. Я сползла ниже. Сквозь узкую полоску было видно, как, подсвечивая фонариком, руки рыскали в больном автомобильном горле.

— Ну все, приехали! — Диагноз поставлен.

Я еще раз выглянула в окно, но не увидела домов.

Взрослые высыпались из машины. Я придвинулась к окну ближе. Без движения мир за окном расширился, стал огромным. Пространство звенело морозной чистотой. Во все стороны — свобода. Хотелось выскочить из машины, разбежаться, раскричаться вдоволь. Но я не могла даже дышать. Я была маленькой блохой на шерстяном пузе земли.

Взрослые суетились. Одна фигура отделилась от остальных. Дедушка направился в сторону дома, деревни, куда мы ехали. Темнота охотно съедала его.

Может быть, дело вовсе не в возрасте? Как-то от бабушки я слышала, что одной ее знакомой не стало. Эта знакомая была младше моей бабушки. Значит, дело не в возрасте. Значит, существует для каждого свое время, чтобы уйти. И куда они уходят? Может, они отправляются в объятия к звездам или, наоборот, греться к центру Земли.

Дверь открылась. Мама спросила:

— Тебе холодно?

— Нет, — соврала я.

Мама выковыряла меня из машины. Взрослые уже собрали в лесу груды веток для костра. Светлячок пламени устроился на хворостине, мгновенно увеличился и поскакал по веткам, кусая их и проглатывая. Искры выстреливали в стороны, замедляли ход и плавно опускались на снег, который легко принимал их в свои просторные объятия. Для снега такая близость оборачивалась черными ожогами и глубокими шрамами.

Мама помогла мне держаться на одной ноге, а вторую, без обуви, я вытягивала ближе к огню. От шерстяного носка шел пар. Снятый валенок тоже прогревали. Когда разогретую стопу возвращали в него, то тепло обуви и носка соединялось, удваивалось и расплзалось по телу. Процедура повторялась со второй ногой, и так много раз. Когда обе ноги оказывались на поверхности, я успевала станцевать танец древнего человека, который сумел раздобыть огонь. Все грелись у костра. Только дядя-водитель курсировал от костра к машине и периодически матерился себе под нос. Я делала вид, что не слышу.

По горе скользнул свет, он ощупывал поверхность заснеженных сопок и подкрадывался к нам. Огромная машина остановилась, дедушка вышел из неё. Меня разместили на переднее сиденье. Мама была рядом. Мы тронулись. Фары освещали раскатанное тесто дороги, присыпанное

снежной мукой, искры которой летели
прямоком в лобовое стекло.

Утром я проснулась в своей кровати. С
кухни доносился сладковатый запах блинов и
разогретого сливочного масла. Мама тихо

напевала какую-то грустную мелодию. Я
засобиралась в школу.

— Милая, ну какая школа? На улице -53.
Сегодня придется остаться дома.

Человек с пластилиновым сердцем

Рут Фогель

Г. проживал свою жизнь столичного неудачника и никому не причинял зла. Добра, к слову, тоже не причинял. Пять лет назад его оставили все более или менее близкие друзья, две недели назад — более или менее любимая девушка. Студенческая подработка (что-то бухгалтерское) плавно переросла в работу взрослую, постоянную, и нравилась она Г. лишь тем, что приносила какие-то деньги и не требовала никаких пересечений с людьми. Чтобы унять кричащую пустоту внутри, Г. занимался музыкой, пил много пива и жарил еду на большом количестве масла — предпочтительно кукурузного, в нём меньше всего холестерина. А ещё много молчал.

Однажды Г. пожарил ужин, поиграл на гитаре, послушал музыку и принял четыре банки снотворного — светлого нефильтрованного. Лёг на спину, долго ворочался. Чтобы отогнать ночные кошмары, он заговорил вслух:

— Мне больше не хочется отдаваться, влюбляться, заботиться, узнавать, жить, ждать, предвкушать, наслаждаться, обдумывать подарки на Новый год, смеяться над нелепостями, ошибаться... Как мне растратить всё, что я чувствую? Кому это вообще нужно?

На вопросы никто, конечно, не ответил, и Г. стало неловко. Он пробормотал смущенно и раздражённо:

— Лучше бы это прекратилось и больше никогда не повторялось, — и отвернулся к стенке.

Ни о чём не подозревая, с неба упала звезда.

За завтраком Г. обнаружил, что с ним что-то не так. Обнаружил не панически, а как-то лениво, между делом. Отставив яичницу, внимательно глядевшую на него тремя жёлтыми глазами, он запыхтел и принялся ощупывать рёбра тонкими холодными пальцами. Внутри больше не болело, не ныло, не дразнило, не тербило, не сверлило, не плакало и даже не трепетало. Не билось. Ну праздник, получается?

Г. честно попытался порадоваться, но ничего не вышло. Он проткнул желтки глазуньи (на редкость все три штуки сохранились жидкими; прежнего Г. это бы позабавило, но сегодняшний Г. не обратил на это внимания), пожевал, добавил соли и попробовал ещё раз. Подлил ещё кукурузного масла. Невкусно. Тогда Г. встал, походил по комнате, включил музыку, сделал погромче. Ничего не изменилось.

— Моё сердце остановилось, но я, видимо, забыл умереть. Интересно, как часто люди с такими проблемами ходят к врачу, — сказал вслух Г. Но ему, конечно, было неинтересно.

Доктор, вынимая из ушей усы стетоскопа, открыл рот в удивлении:

— У вас... сердце ненастоящее.

Г. подавил зевок:

— И как это лечится?

— Молодой человек, у вас сердце
пластилиновое.

— И что? Есть лекарство?

— То есть как — лекарство?

— Сколько?

— Что сколько?

— Стоит лекарство.

— Какое лекарство?

— Это я врач или вы?

— Я врач, а у вас сер...

— Да понял я! Только что мне теперь с
этим сердцем делать?

— Пользоваться!

— А как сердцем пользоваться? Знаете?

— Нет.

— И я не знаю.

Мир переобулся — из колючего и
неприветливого в скучный и бессмысленный.
В Москве тем временем кончалась зима:
птицы уже настойчиво чирикали, вызывая
солнце; солнце, в свою очередь, охотно
откликалось на их зов. Музыка в наушниках
больше не утешала. Даже мысль о заранее

купленных банках пива в холодильнике не
трогала душу. Просто хотелось спать.

Зал первой попавшейся кофейни был
полупустой; в очереди стояло два человека:
пожилая хиппи с серыми волосами и очень
крупными чертами лица и кругленький старик
с аккуратной седой бородой. Хиппи (долго,
терпеливо и немного визгливо) объясняла, что
кофе обязательно нужно сделать на молоке
ореха кешью. В ответ на это тощая треугольная
бариста (низким бархатным голосом, ещё
дольше и терпеливее) повторяла, что в
кофейне есть только коровье молоко. Г.
показательно вздохнул и опустил голову в
телефон. Через пару мгновений он
почувствовал запах жжёной бумаги.

В мусорном ведре с чеками, картонными
стаканами и прочим бумажным хламом
зарождалось пламя. Все зачарованно смотрели
на дым, словно наблюдая кульминационную
сцену важного представления. Хиппи и
треугольная застыли в неестественных
парализованных позах, а старичок тоном
опытного пожарника оптимистично сказал:

— Дайте-ка я.

Он запустил руку во внутренний карман
куртки и достал горсть песка. Песок проделал
свою работу легко, как будто и был припасён
как раз для этого случая.

— Чаю? — испуганным басом прошептала
бариста. Все молча кивнули, и старичок
ответил за всех тоном, который люди обычно
используют, чтобы сообщить очевидное:

— Да, пожалуйста.

Г. подсел к этому седобородому человечку
и зачем-то спросил:

— Вы что, фокусник?

Тот пожал плечами:

— Зря, что ли, у меня сердце песочное.

— Так с этим можно жить? — прошептал Г. потеплевшим голосом.

Старичок кивнул.

— А что делать, если у человека, скажем, деревянное, пластиковое или... — Г. сглотнул, — пластилиновое сердце?

— Искать ему применение, голубчик, — улыбнулся старичок всем лицом. Морщинки вокруг его глаз стали похожи на кошачьи усы. — Из дерева можно построить дом, а из пластика выходят отличные упаковки.

— Да с ними-то ладно! — Г. вспотел. — А из пластилина?

Человек с песочным сердцем захохотал. Г. уже решил, что песочные люди не ведут серьёзных разговоров, но тот легко сжал локоть Г.:

— Вы поймёте, когда оно пригодится.

— Даже обычное сердце нигде не пригождалось, куда уж пластилиновому, — хотел было пожаловаться Г., но не успел.

Раздался роковой *БАЦ-ДЗЫНЬ-БРЯМ*. Несколько кружек приземлились на кафельный пол и сделались осколками. Треугольная бариста проревела басом:

— Почему я всегда всё порчу? Сегодня мой первый де-е-ень!

— Может, это ваш час? — заговорщицки подмигнул Г. старичок.

— Может, это мой час, — шепнул Г. сам себе. Он замер, а после обратился к седобородому: — А что делать?

— Пластилином ведь можно скреплять предметы, — робко предложил тот. — Впрочем, вы должны почувствовать...

Г. прохлопал левую сторону туловища от шеи до пупка, сунул нос в нагрудный карман, а затем и вовсе расстегнул рубашку и принялся больно щипать себя за грудь. Ничего не чувствовалось.

Разговорчивые стены улиц пытались подбодрить Г. добрыми буквами, но он не смотрел в их сторону. Да и вообще ни в какую сторону не смотрел, поэтому и врезался в толпу из людей. Все глазели на бездыханного человека, лежащего прямо на асфальте. Доктор, нависая над потерпевшим, оглядывался по сторонам и то и дело выкрикивал:

— Тут у человека сердце разбилось! Надо срочно починить! Помогите!

В левом боку Г. потеплело. Неужели сейчас? Г. сунул руку в нагрудный карман и достал из него кусок пластилина. Пластилин был чёрный, с розовыми прожилками, и обжигал пальцы. Он нерешительно протянул его в толпу:

— Возьмите...

Через несколько секунд Г. услышал жадный вздох потерпевшего и восклицание доктора:

— Спасён! Спасён!

Тогда Г., улыбаясь от уха до уха, сунул руки в карманы и зашагал дальше. Светило весеннее солнце, на душе было легко, а под

рёбрами устроилось горячее пластилиновое
сердце.

Чуго

Юлия Канустян

Наконец-таки руки дошли до коробки! Тонкий буклет «Достойно Жить — Счастливо Уходить!», подписанный мэром, капсулы морфина в яркой баночке, сертификат на дизайн памятника от выпускников Института Культуры, букет пластиковых ландышей и открытка — вот и все подарки к Уходу. Кутаясь в ночнушку, Нина развернула открытку:

«Летят года, бегут часы!

Проходят будни и мгновенья!

Пусть радость дарят вам они

В час предстоящего забвенья!

Уважаемая Нина Александровна! Дружный коллектив УправСмерти по центральному округу Волгорода поздравляет Вас с долгожданным завершением жизни и от чистого сердца желает Вам легкого, достойного Ухода! Сердечно благодарим Вас за вклад в развитие общества, мы будем помнить Вас вечно!»

Кто ж знал, что смерть — она будет вот какой? В плане, пока что все даже слишком хорошо — от погоды за окном до показателей артериального давления Нины Александровны. До Ухода осталось всего чуть-чуть, а у Нины ни болей, не приступов, сон отменный. Обычно на этом этапе уходящие... как бы сказать? Скорее, одной ногой «там», чем «здесь» — мучаются.

Втайне Нина страшно гордилась своим самочувствием — даже объяснила себе, что легкий и безболезненный Уход — это своеобразный подарок свыше. Спущенный ей за многолетний труд, прилежание и безупречную репутацию.

Она была спокойна. Потому что знала — все будет так, как и должно быть. Она умрет послезавтра — 17 апреля ровно в 03:12 по московскому времени. Как и прописано в документах. Ее траурное платье выглажено, приглашения разосланы, на первое — суп, на второе — котлеты. Осталось дожить. Ну а пока спать! Утро вечера мудренее. Нина тушит свет и, как обычно, переворачивается на левый бок.

Утром следующего дня закрутилось: то гроб привезли и ставили, то нотариус, то родственники — не продохнуть. К ночи пришли медики: последняя встреча (в жизни) — и отдохнуть. Медики замерили давление, посмотрели гланды, пропальпировали лимфоузлы и тому подобное.

— Честно? А хрен вас знает, Нин Алексанна! Со здоровьем у вас полный порядок. Впервые такое вижу. — Долговязый румяный Врач энергично потер ладони и заходил рыжими усами.
— Спасибо... — Старушка раскраснелась.

— В плане, слышал, что уходят тихо... Например, во сне. Но мы уже с коллегами шутим, что именно на вас, Нина, система наша и поломалась. Хо-хо. Подумать смешно! — Врач бесконтактно чмокнул руку старушки.

— Вы что-то этим хотите сказать?

— Ну, например, вам морфину не надо, и...

— И? — исподлобья.

— Не знай я, что вам помирать завтра, в жизни бы не сказал. Те же анализы...

— Слома-ала систему? Ишь ты? Диверсия!

— Нина хорошо знала эти «песенки». Узнавала их на раз-два. Она же со школы отличница! Потом институт, практика, с Олегом в ЗАГС, Анну родили, купили дачу, ни штрафов, ни замечаний, ни кар у нее в биографии не было и нет! Сломать систему? Как патриотка своей страны, она по природе своей не способна на такое преступление!

— Нин-лесанна...

— Пшли отседова! — Нина гонит медиков прочь, включает «Карменситу», облачается в парадную ночную рубашку и ложится спать.

На часах 3:01. Нина не спит, не спала, не вышло. То локоть почесать, то будто бы за стеной кто-то громко пернул, то душно, то... А вдруг? Старое верное сердце тревожно стучит — хочет высказаться. А вдруг? А вдруг? А вдруг? А что, если? Что, если с ней, Ниной, действительно что-то не так? Нина жмурится и чувствует себя беспомощной. Она беспомощно моргает в темноту комнаты и все еще *чувствует себя хорошо*. И нет у нее сейчас никаких уютных воспоминаний или посмертного желания съесть бутерброд. Но есть лавина стыда. Знакомая, леденящая ванна, а Нина в ней. Она встает, умывается, нервно пырится в зеркало, пытаясь понять, разгадать, считать — как оно будет? Как случится? Может быть, надо лечь? Чтобы вдруг не упасть? Оденусь! Сама, не хочу санитаров, и чтобы их ручонки? Фу! И челочка эта дурацкая! У! Ладно. Лад-нень-ко. Нина расправляла платье, нервно цокая каблучками по большой комнате. Подвела губы в последний раз. Села в кресло, прикрыла глаза, откинулась. Потом вскочила и легла на диван,

снова прикрыла глаза, а потом вдруг решительно устремилась к открытому гробу. И водрузилась в нем.

Здесь тесно. Но Нина, чуть повозившись с платьем, наконец, притихла. Ждет. И жалеет, что отсюда не видно часов. Но кто же знал? У-у-у! Будь что будет! В голову прыгают мысли о дурацкой овчарке Никифоровых. О Крыме. О том, что «Карменситы» она, Нина, больше не увидит, и о том, что она, Нина — полная дура, и что вдруг она, как и пророчил врач, сломает систему? Нина Александровна никак не хотела ломать систему. По ее части — склеивать, но чтобы что-то ломать? Надо быть извергом! Да и систему она любила. С системой и жизнь понятней, и цель близка, и льготы. Система эта проросла рисунком фактов и последовательностей на всем жизненном пути Нины Александровны. И привела ее сюда.

Шаги, голоса, рассвет. Удивленные санитары находят усопшую в гробу, удивляются и садятся на кухне дожидаться родню. Подтягиваются друзья и подружки, кто-то плачет, снуют дети.

— Свят-свят! Параша! — ругнулся дедок в шляпе и отскочил от гроба. Позже он клялся, будто бы покойная шевельнулась, а потом снова омертвела.

Процессия, естественно, движется к пункту «Б». Начало — еще куда ни шло, но лестницы! Как не для людей! Накреняясь вместе с сытым, пузатым гробом, перекатываясь в нем, беспомощно стукаясь о него же, подпрыгивая и смертельно потея, Нина пялится в точку перед собой. Она еще с «ними» или уже нет? «Щип» ручку — жива, не спит. Резко жмурится и становится похожей на престарелую трехлетку — губа дрожит, под носом мокро, в голове идея, что если закрыть глаза и сильно-сильно захотеть, то весь этот ад закончится. А потом она замирает и как бы становится гигантским чувствительным ухом. Так, из-под крышки, она робко и почти бездышно впитывает в себя далекие стенания родни, перезвон рюмок, шум улицы за окнами катафалка. Плавный поворот влево, мягкий скрип тормозов, стоп. Неуклюжий спуск.

Чужой

Екатерина Хэтрик

— Выдумали же нынче, — Арсений Петрович причмокнул тонкими прозрачными губами, — пси-хо-ло-ги. В моё время...

Последовал длинный монолог о сомнениях в новой науке, на которую старик, однако, возлагал последние надежды. То ослабляя, то подтягивая узел темно-синего галстука, Максим терпеливо выслушивал опасения и жалобы пациента. Он уже не первый год работал с людьми в возрасте, поэтому подобные речи принимал как стандартное начало терапии. Откинувшись на спинку мягкого кресла, он изредка кивал и заверял Арсения Петровича в правильности решения обратиться за помощью.

Маленькая, погруженная в полумрак комната, где Максим проводил консультации, уже стала для него вторым домом. Единственное окно в кабинете было закрыто плотными шторами цвета хаки, у стены стоял белый шкаф с мутными стеклянными дверцами, за которыми прятались документы, рабочая литература и банка дорогого кофе. Между двумя креслами, утопающими в толстом бежевом ковре, мерцала на кофейном столике свеча в старинном серебряном подсвечнике, что контрастировало с современным дизайнерским интерьером. Нервный огонек шевелил дрожащие тени на белых стенах, увешанные многочисленными сертификатами Максима.

После того как монолог о временах, когда все жили же как-то без психологов, подошел к концу, Максим выпрямился и сцепил пальцы рук в замок.

— Значит, вы хотите научиться уживаться с людьми в одном доме, верно вас понимаю? — уточнил он.

— Да я вообще не хочу, чтобы в моем доме кто-то жил! — воскликнул Арсений Петрович.

— А в чем вы видите главную проблему совместного проживания?

— Что же тут мудреного? В моем возрасте и положении все, чего хочется — это покоя. А о каком покое изволите говорить, когда вокруг то и дело все переставляют, меняют, ломают! — Арсений Петрович всплеснул худыми морщинистыми руками. — Мой дом превратился в этакий вокзал. Незнакомые люди без спроса въезжают, выезжают. А права на жилплощадь в моей ситуации, как вы знаете, никого уже не волнуют.

Максим покачал головой.

— Вы ведь давно делите дом с соседями? Подскажите, когда у вас начались проблемы?

— Сложно назвать определенный день, — задумался Арсений Петрович. — Вначале все было не так уж плохо. Ну, сами понимаете-с, новая жизнь в пустом доме, разговоры, смех детишек. Хорошие люди были, меня не трогали, и я им не досаждал. Да только съехали они через несколько лет. Ко мне других подселили, а они стали порядки свои наводить. Мое кресло выкинули! Ну, я старался им не мешать, они меня и не замечали. Как-то

жили... — Старик запустил крючковатые пальцы в длинную белесую бороду. — А потом они затеяли ремонт, изменили дом до неузнаваемости и, что всего ужасней, заставили все техникой!

— Почему вас это так расстроило? — поинтересовался Максим.

— Мне не нравится, когда в моем доме что-то меняют. И больше всего я ненавижу эту их технику! Нет-с, ну вы вообразите. Я, старый человек, ничего в этом не понимаю.

— Представляю, — кивнул Максим. — Вы пробовали как-то решить эту проблему?

— Я злился и всякий день вел себя так, что вскоре они сами съехали. — Старик посмотрел на Максима невинными глазами. — И поделом им! После этого в дом еще долго никто не сошелся, пока новые негодяи не въехали. Право, подлецы попались, каких доселе не видывал.

— Вам нравилось жить одному?

— Куда там, — Арсений Петрович махнул рукой, — тоска невообразимая.

— А почему, по вашему мнению, не сложились отношения с новыми жильцами?

— Все из-за той же техники, будь она проклята! — воскликнул Арсений Петрович. — Как, скажите на милость, я должен с этими штуковинами обращаться? Хочу испить чаю — должен включать этот чайник, чтоб его, электрический. Хочу погреться у камина — а там ни дров, ни огня! Всё кнопочки треклятые! Всюду кнопочки! Совсем не считаются со стариком. С хозяином-то дома!

— Понимаю, — произнес Максим.

Он сочувствовал старику, но профессионально это прятал.

— Да-с! А потом они еще жалуются, дескать, старик из ума выжил, пожар чуть не устроил! А я просто не смог с печкой удружиться. Всего-то. Из-за этого я и злюсь, а в злости слишком беспокою моих соседей. А эти нахалы в службу хотят обратиться, чтобы меня из собственного дома выдворить. Где этакое видано?!

Максим ошеломленно посмотрел на пациента.

— А как вы их беспокоите?

— Ну как же, шумным становлюсь, неуклюжим. Роняю все, разбиваю, а им это не нравится. Я это не специально, но они раздражительные. А дело-то нешуточное. Вызовут, подлецы, свои службы, и те прогонят меня!

— Ситуация действительно непростая, — немного подумав, сказал Максим. — Но, проработав ваши негативные эмоции, мы сможем ее исправить.

— Да как же я могу избавиться от негативных эмоций, пока в моем доме творится невесть что? — От возмущения Арсений Петрович привстал с кресла и тут же плюхнулся обратно.

— Мы можем изменить ваше отношение к этому.

— Мели, Емеля, твоя неделя, — буркнул старик. — Вы же знаете, доктор, я не первый день живу, со мной такой фокус не пройдет.

Максим снисходительно улыбнулся.

— Годы практики когнитивно-поведенческой терапии доказывают обратное, Арсений Петрович.

— Чего?

— Скажите, пожалуйста, что вам не нравится в новых соседях? Что вызывает раздражение, злость?

— Стало быть, абсолютно все. — Старик скрестил тонкие руки на груди. — Я их на дух не переношу.

— То есть, вы хотите, чтобы они съехали и оставили вас в покое?

— А как же!

— Что для вас покой, Арсений Петрович? Жизнь в тишине?

— Конечно.

— В одиночестве? В пустом доме?

Старик уже приготовился что-то сказать, но вдруг смолк. Его глаза расширились, а взгляд устремился куда-то внутрь себя. Максим молчал, рассматривая его бледное лицо, лишенное теплых оттенков даже в свете горящей свечи. Профессиональное чутье подсказывало ему — торопиться нельзя. Они наконец-то подобрались к иррациональному убеждению, и теперь было предельно важно не сбить Арсения Петровича с направления, в котором начали развиваться его мысли. Наконец, отсутствующее выражение на лице старика сменилось смятением.

— Не совсем. Нет. Одиночество тоже угнетает. Я не... Что-то я запутался, — нахмурившись, произнес Арсений Петрович.

— Вы говорили, что вам нравилось жить с первой семьей, — спокойно продолжил Максим. — Можете рассказать, почему с ними было лучше, чем с остальными жильцами?

— Ну, они не ломали то, что я построил, не оскверняли дом всеми этими штуковинами, в которых я не соображаю. А нынче столько всего изобрели, что все новые жильцы только и считают своим долгом тащить эту чертовщину в мой дом!

— Хотелось ли бы вам, чтобы соседи избавились от техники и прекратили делать перестановки в доме?

— Славно было бы, доктор. И все же недостаточно. — Плечи Арсения Петровича опустились будто под тяжестью прожитых лет. Когда он посмотрел на Максима, его глаза больше не искрились колючей злостью. В них клубилась задумчивая печаль. — Не понимаю я их.

— В каком смысле?

— Люди стали другими. Мир уже совсем не тот. Все кажется чужим. И я сам... — Старик сглотнул ком в горле. — Теперь чужой.

Кабинет погрузился в тягучую тишину. Арсений Петрович рассматривал свои пальцы, Максим наблюдал за его реакциями.

— Не это ли является истинной причиной вашего беспокойства? — спустя некоторое время спросил он.

Старик не ответил.

— Вы чувствуете себя одиноким. Окружающие вас люди не помогают, а лишь острее заставляют чувствовать себя чужим в быстро меняющемся мире. Тосковать о прошлом. От этого вы и злитесь на них, — осторожно заключил Максим.

Арсений Петрович медленно кивнул.

— Сдается мне, есть истина в ваших словах, доктор.

— Вы прячетесь от реальности за прошлым, боитесь принимать настоящее. Хотите наладить контакт с соседями, но сами же отвергаете любую возможность сделать это.

— Мне кажется, современный мир просто не принимает меня.

— Потому что вы отказываетесь его принять, Арсений Петрович.

— Что же мне делать? Меня выгонят... — Старик запустил пальцы в седые волосы.

— Мы этого не допустим, — заверил Максим. — Практики, к которым мы будем прибегать на следующих сессиях, помогут вам изменить свои взгляды. Уверяю вас, уже через несколько встреч вы не только научитесь не срываться на соседей, но станете получать удовольствие от их компании.

— Сложно такое представить, — признался старик.

— Вы ведь хотите жить с людьми, — возразил Максим. — Нужно только научиться принимать все то новое, что они неизменно с собой несут.

— Ну, дела-а, — протянул Арсений Петрович.

Максим подался вперед.

— От вас потребуется провести с собой серьезную работу. Вы готовы?

— Все лучше, чем быть изгнанным из собственного дома. — Старик впервые изогнул губы в полуулыбке. — Поработаем.

— Тогда продолжим в следующий понедельник?

— Идет, — ответил Арсений Петрович. — Спасибо, доктор.

— До встречи.

Максим наклонился к кофейному столику и задул свечу. Седой дымок закурчавился в сгустившемся сумраке.

Оставшись один, Максим распахнул шторы, впусив в комнату дневной свет, заварил крепкий кофе и вернулся в кресло. Закрыв глаза, он наслаждался приятным запахом, исходящим от горячей чашки, когда в дверь постучали.

— Входите! — устало протянул Максим.

В дверном проеме показалась администратор. Ее светлые волосы были собраны в аккуратный пучок, обтягивающая юбка приоткрывала острые колени. В руках девушка держала деревянную фоторамку.

— Не отвлекаю? — спросила она, не решаясь войти.

— Нет-нет, мы как раз закончили. Проходи, — пригласил Максим.

— Что-то интересное?

— Из девятнадцатого века старичок. Никак не может ужиться с людьми. Боится, что священника вызовут и изгонят его из дома.

— Бедняга, — задумчиво сказала девушка, но тут же встрепенулась. — Пришла рамка для вашего сертификата. Хотите, помогу вам его повесить?

Спустя несколько минут белую стену дополнил новый сертификат, подтверждающий, что Дубеев Максим Анатольевич принял участие в Первой Международной конференции «Психология для ясновидящих. Актуальные вопросы по работе с призраками».

Перерыв закончился, прежде чем Максим допил кофе. Он вновь сдвинул шторы, зажег

свечу и, тяжело вздохнув, заговорил:

— Призываю тебя, Карл Петер Ульрих Гольштейн Готторпский, именуемый Российским императором Петром Третьим, явись ко мне!

Пациент с глубокой психологической травмой от несправедливости, с какой его запечатлела история, явился без опозданий.

Рабочий день обещал быть долгим.

Шаверма, фалафель, смузи. 24 часа

Елена Сумина

Татьяна бежала по солнечным улицам Питера и удивлялась тому, как странно работала ее память. Вчера, когда в библиотеку заявили школьники, она не смогла вспомнить и первых строчек Онегина, а сегодня всю дорогу домой в ее голове звучат пушкинские строфы. Татьяна почувствовала, как на нее брызнула вода. Татьяна не удивилась — как ленинградка в третьем поколении, она знала про способность питерского дождя пойти даже в самый погожий денек. Татьяна подняла голову и увидела улыбающегося ей то ли киргиза, то ли узбека — она никогда не могла разобрать разницы и жутко этого стеснялась. Поэтому, как интеллигентный человек, стала всех приезжих называть «гостями Северной столицы». Так вот, этот самый гость стоял на лестнице и струей воды с сильным напором мыл витрину. Он выключил воду, давая возможность Татьяне пройти. Татьяна заглянула в стеклянную витрину, увидела ряды деревянных столиков, барную стойку. Татьяна забеспокоилась, что при плохой вентиляции в ее квартире этажом выше всегда будет пахнуть жареным. Татьяна вежливо улыбнулась и спросила, что за кафе открывается. Гость улыбался и молчал. Татьяна так и не поняла, все дело было в незнании им русского языка или секрете, который он обещал хранить владельцам заведения. Татьяна кивнула своим мыслям и направилась домой.

Как обычно вечером, когда дочь Татьяны Лиза засыпала, Татьяна включала прикроватную лампу и принималась за чтение. Сегодня сосредоточиться было сложнее. Только герои книги Марины Степновой «Сад» уносили Татьяну в девятнадцатый век, как шум проезжающих по

проспекту машин возвращал ее в день сегодняшний. Татьяна встала, подошла к окну и плотно его закрыла. Прислушалась. Стало тихо — Татьяна еще раз внутренне похвалила себя за правильное решение, принятое несколько лет назад — поменять деревянные окна на пластиковые. Татьяна принялась. Жареным не пахло. Татьяна успокоилась и вернулась к чтению.

Утром в библиотеку к Татьяне прибежала за Поттером Лиза. Дочь Татьяны на две недели уезжала в театральный лагерь, который она ждала целый год. Татьяна протянула Лизе не только книгу о Гарри Поттере, но еще и учебник по обществознанию и талмуд по подготовке к IELTS. Увидев недовольное лицо Лизы, Татьяна отчеканила:

— У тебя две недели. Займешься полезным делом.

Лиза перешла в десятый класс, и Татьяна решила, что пришло время помочь Лизе выстроить счастливое будущее. Лиза пыталась убедить Татьяну, что интересы ее лежат в другом направлении, в кинорежиссуре, но Татьяна была непреклонна.

— Лиз, ну какой режиссер? У тебя мама не жена олигарха. Да и ты пока в лотерею не выиграла. Первое образование должно быть нормальное — юридическое или экономическое. Чтоб прокормило. А потом поступай куда хочешь.

Лиза стала запихивать книги в рюкзак, демонстрируя, что даже рюкзак сопротивляется общественнознающему и английскому.

— Да я просто в следующий раз возьму книгу у Янки. Ну вот куда мне их засунуть?!

Татьяна порылась в ящиках и извлекла из них упаковку булочек со сливками, бережно завернутую в пакет из кондитерской «Буше». Татьяна протянула пакет Лизе.

— Блин, ма! Ну и как ты себе это представляешь?! Я с пакетом поеду в лагерь? Жесть!

Татьяна сложила книги в пакет, бросив грустный взгляд на пирожные, добавила их к книгам и поставила на стул перед Лизой.

— Зубную щетку взяла?

Лиза кивнула и заспешила собираться, так как чувствовала, что начиналась атака материнской заботой.

— Свитер? — продолжила Татьяна.

Лиза чмокнула Татьяну, сказав, что взяла все необходимое, и выбежала из здания библиотеки. Татьяна посмотрела на стул, на котором так и остался стоять пакет «Буше».

Вечером Татьяна сложила разбросанные по квартире вещи Лизы — протерла пыль на единственной в комнате фотографии, сделанной десять лет назад в зоопарке. Лиза с двумя косичками гордо сидит на пони, а молодую, счастливую Татьяну обнимает любимый муж. Как давно это было. И вот уже несколько лет, как муж Татьяны умер. Зачем с его больным сердцем он продолжал участвовать в марафонах? Кому он что хотел доказать? Татьяна уже перестала задавать себе эти вопросы — все равно ничего не изменишь.

Она поставила фотографию на полку, заправила кровать, добилась сообщения от Лизы, что доехала она хорошо, и предвкушала тихий вечер с книгой. Как с улицы донеслись крики. Татьяна выглянула в окно. Вчерашний гость Северной столицы раздавал под окном Татьяны флаеры. Татьяна прислушалась.

— Шаверма, фалафель, смузи. 24 часа! Сегодня открытие, — кричал он.

Татьяна вспомнила, как в детстве с подругой они развлекались, бросая из окна треугольные пакеты молока. Татьяне захотелось, чтобы в данный момент у нее оказался в холодильнике такой пакет из прошлого. Татьяна с силой захлопнула окно и еще некоторое время смотрела на промоутера.

Прошло несколько часов, и на смену промоутеру пришла толпа молодежи. Девчонки громко смеялись, парни курили. Татьяна проснулась, посмотрела на часы — было одиннадцать. Татьяна извлекла из ящика беруши, заткнула уши. Выключила свет в надежде, что удастся заснуть. Беруши действительно помогли. Стало тихо. Но все внутри Татьяны клочотало. Да с какой стати она у себя дома должна сидеть с закрытыми окнами, да еще и в берушах? Татьяна встала, накинула ветровку и вышла из квартиры.

Решительности у Татьяны поубавилось, когда она подошла к кафе и увидела, что оно битком набито молодыми людьми. Она уж было собиралась уйти, как заметила за стойкой того самого гостя столицы. Он тоже заметил Татьяну, подбежал и галантно придержал Татьяне дверь.

— В честь открытия у нас скидки. Шаверма, картошка фри и напиток. Скидка, — радушно сообщил он. Татьяна растерялась.

— А где хозяин?

— Хозяин? — не понял ее сотрудник с именем на бейджике Газабек.

— Ну, всего этого. Кто вам зарплату платить будет?

Газабек ударил себя в грудь и сообщил, что он хозяин и есть. Газабек еще раз уточнил, что Татьяна хочет заказать. Когда Татьяна отказалась есть, Газабек намерился угостить Татьяну фирменным чаем. Он уже поставил чашку на поднос, как Татьяна решила перейти в наступление:

— Газабек... — запинаясь, начала она.

— Можно просто Бека. Как в песне: «Говорят, мы Бяки-Беки», — на мотив песни из мультфильма «Бременские музыканты» запел Газабек.

Татьяна сбилась и вынуждена была повторить еще раз:

— Газабек, я не чай пить пришла. Моя квартира этажом выше. И ваша громкая музыка не дает мне спать.

Газабек посмотрел на экран телефона. Наступила полночь. Газабек попросил помощника сделать музыку тише и принес извинения Татьяне.

— А вы попробуйте чай. Я травяной сделаю. Спать будете как младенец. С собой, да?

Газабек кинулся переливать чай в бумажный стаканчик, а когда обернулся, Татьяна уже ушла.

На следующий день Татьяна чувствовала волнение. Это не было страхом за Лизу — Татьяна знала, что с Лизой все хорошо. Это было что-то иное, что Татьяна жутко не

нравилось. Ей было стыдно. Татьяне безумно хотелось выплеснуть на кого-то свои эмоции, но, как назло, библиотека стояла пустая. И вот, на радость Татьяне, появился длинный сутулый мальчик в очках. Мальчик испуганно произнес:

— Есть у вас Гоголь? Что-то типа пальто.

Это было то, что нужно. Татьяна пикировала:

— «Шинель» Гоголя. Неужели трудно запомнить?

Татьяна поцокала языком в знак неодобрения и отправилась к полкам с книгами.

— Но хотя бы не сказал «Шанель». А то были до тебя умники.

Татьяна быстро нашла книгу в зале и держала ее в руках, показывая, что она сама решит, когда эту книгу отдавать. Татьяна просканировала штрихкод читательского и на прощание осуждающе посмотрела на мальчика.

В десять вечера, услышав музыку из шавермы, Татьяна решила идти в бой. А к бою надлежало тщательно подготовиться. Татьяна достала красную помаду, вытащила из кладовки черные лакированные лодочки, позаимствовала у Лизы утюжок.

В кафе Татьяна записывала видео на телефон:

— Вот, посмотрите. Опять у них музыка громко играет.

Газабек махнул помощнику рукой, тот сделал музыку тише. Татьяна продолжила вести видеотчет:

— Снова не дают мне спать, вытащили меня из кровати. Они ведь сделали тише только сейчас, потому что меня заметили. Посмотрите! — Татьяна обвела смартфоном зал — два столика было занято интеллигентными парами.

— Это же настоящий гадюшник! Я буду жаловаться.

Татьяна бросила взгляд на Газабека и переключила камеру на селфи, быстро и ловко поправила помаду, взбила пальцами локоны. Рядом с Татьяной возник Газабек.

— Простите, я подслушал — вам музыку опять слышно? Вы извините: гости просили — мы совсем тихо включили.

Татьяна машинально накрутила локон на палец и выпалила:

— Я буду жаловаться!

Зал опустел. Татьяна сидела за столиком у окна. Газабек подошел с подносом, на котором лежала шаверма в лаваше с хрустящей корочкой. Рядом с шавермой полумесяцем были уложены помидоры, картошка фри и несколько листьев шпината.

— Извините, что долго. Готовил особенную! С моим фирменным соусом.

Газабек поставил перед Татьяной поднос и встал рядом.

— А вы так и будете стоять?

Газабек показал на свободный стул и спросил:

— Можно?

Татьяна автоматически подвинулась, когда Газабек присел. Татьяне было неловко есть при незнакомом человеке, да еще и шаверму. Не хотелось признаваться, что она не знает, как подступиться к этому блюду. Выглядеть глупо перед сидящим рядом хозяином заведения Татьяне совсем не хотелось.

— А давно вы в Петербурге? — сглатывая слюну, спросила Татьяна.

Газабек поднял глаза, словно на потолке кафе он оставлял засечки, отмечая каждый новый год в Северной столице.

— Восемь... нет, девять лет. Да вы кушайте, а то остынет.

Татьяна потянулась за приборами, но, чтобы не сделать глупость, решила уточнить:

— Или руками?

— Как хотите. Я руками кушаю. Так вкуснее.

Татьяна взяла шаверму так осторожно, как будто это был древний свиток. Посмотрела на Газабека, но он показывал ей, что пора кусать. Татьяна послушно откусила. Соус потек у Татьяны по подбородку. Татьяна покраснела, потянулась за салфеткой, но Газабек опередил ее, схватил салфетку и нежно дотронулся до Татьяны. Татьяна вскочила из-за стола и бросилась к двери. Газабек встал ей навстречу, но не стал останавливать.

— Извините! — прокричал он, когда Татьяна выбежала на воздух.

Татьяна в полной темноте, так и не раздевшись, сидела на кровати и часто дышала. Пальцами она нежно касалась подбородка. За спиной Татьяны было настезь

открытое окно. Ветер раздувал занавески, покрывая голову Татьяны, как фата невесту.

На следующий день Татьяна устроила ревизию в кладовке и из дальнего угла вытащила пакет с платьями. После смерти мужа Татьяна выбирала что-то более практичное — джинсы и свитера, брюки и рубашки. А с платьями попрощалась. Отдала их Лизе, но дочь назвала их вышедшими из моды. Дословно это звучало так: «Я это старье носить не буду». Тогда Татьяна решила отдать платья какому-то благотворительному фонду, когда представится случай. Но за все это время случай не представился, и Татьяна, бережно разглаживая платья ладонями, возвращала их на вешалки в шкаф.

Вечером накрашенная и одетая в изумрудное платье Татьяна сидела на кровати. Она смотрела на секундную стрелку больших настенных часов. Ноги Татьяны нервно постукивали по полу. Только стрелка перевалила одиннадцать, из окна послышались звуки музыки, Татьяна встала и направилась к двери.

Татьяна осторожно закрывала входную дверь, когда за соседской дверью раздался собачий лай. Такой истеричный, нескончаемый — так лают только маленькие собачки в надежде, что возьмут не громкостью, а продолжительностью. Раздался щелчок, и дверь напротив отворилась. С головы до ног Татьяну осматривала пожилая соседка Ильинична. Татьяне от этого взгляда стало неловко, и она поехала.

— И куда это ты, Тань, так расфуфырилась на ночь глядя?

Татьяна стыдливо опустила глаза. У ног Ильиничны тявкал шпиц.

— Дуся, тише. Весь дом разбудишь, — отчитала Ильинична собаку. Это не сработало, пришлось брать шпица на руки. Тогда он и затих.

Ильинична приоткрыла дверь сильнее:

— Лизка, значит, уехала, а ты по клубам бегать? Не девочка вроде.

Татьяна знала, что Ильинична — это уши, глаза и ноги дома. Если бы выбирали старосту дома, эту должность единогласно получила бы Ильинична. Энергии у нее было больше, чем у двадцатилетних. Татьяна даже не заметила, как превратилась перед Ильиничной в маленькую девочку, которую пытаются упрекнуть в чем-то неприличном. Надо было оправдаться.

— Разбираться иду, Нина Ильинична. Шаверму на первом открыли, спать не дают. Это у вас, Нин Ильинична, окна во двор, а у меня на проспект. У них музыка, пьянки, гулянки.

Ильинична сжала ручку двери сильнее.

— И не говори. Превратили культурную столицу в разврат. В моей молодости такого не было. Их всех надо позакрывать.

Ильинична поглаживала шпица, от чего тот заурчал, как кот.

— А я, Тань, не поленилась, подписи собрала. Жалобу написала — нам вот домофон починили. А то стоял двор настежь, входи кто хошь. Может, и тебе так надо?

Татьяна уверила, что уладит вопрос без жалоб — и разговорами многое можно решить. Нужно было срочно переводить разговор в другое русло.

— Можно погладить? — Татьяна показала на хитрую рыжую мордочку Дуси.

— Да гладь на здоровье! Это мне с первого отдали. Рябцева. Ну такая, рыжая. Ей сын

путевку в санаторий купил, а собаку не с кем оставить. Ну я и взяла.

Шпиц облизал Татьяне руку, Татьяна заулыбалась. Но Ильинична оставалась серьезной.

— Тань, а ты подумай про заявление. Не тяни резину.

Татьяна кивнула, Ильинична захлопнула дверь, послышалось ворчание, щелканье замков и накидывание цепочки. Татьяна нервно покусала губы, но вспомнила, что на них помада. Достала смартфон, взглянула на себя в камеру.

Когда Татьяна спустилась в кафе, стойку загораживали клиенты. Татьяна никак не могла разглядеть Газабека. Она вставала на цыпочки, пыталась втиснуться между клиентами, пока один из них не пропустил Татьяну к стойке. И Татьяна увидела, что Газабека не было. Работал его помощник.

— Простите, а Бека? — спросила Татьяна.

— Уехал. Дела у него. Позвонить?

— А-а, да. Нет. Я в другой раз зайду. — Татьяна засуетилась и выбежала из кафе.

Татьяне было душно, ей хотелось надышаться, и вместо дома она отправилась в противоположную сторону. Она неслась и не заметила, как навстречу ей на велосипеде пролетел Газабек.

У воды стало прохладно. Прогуливаясь, Татьяна обняла себя за плечи, пытаясь согреться. Ветер усиливался, раздувал Татьяне волосы, покрывал тело мурашками. И вдруг кто-то накинул ветровку на плечи Татьяны. Она вздрогнула и обернулась. Перед ней, улыбаясь, стоял Газабек.

— Боже, откуда вы здесь?

— Ночью люблю гулять. Днем работа.

Газабек положил руки на перила, наклонился и некоторое время смотрел на воду. Татьяна молчала.

— Я вчера...

Татьяна попросила Газабека не продолжать.

— Вы знаете, все это как-то неправильно.

— Мне уйти?

Татьяна накрыла ладонью его руку.

— Нет, пожалуйста. Оставайтесь. Расскажите про себя.

Газабек и Татьяна гуляли по набережной. Газабек рассказал, что родился в Бишкеке, выучился на учителя физкультуры и работал в школе. А потом друг предложил уехать в Россию, заработать. Так бы Газабек ни за что красоту и простор Киргизии не променял на каменную тюрьму. Газабек работал курьером, потом крутил шаверму. И вот накопил и свою шаверму открыл. Сначала в одном месте, но место плохое было, не проходное. Тогда про место в доме Татьяны договорился. Этот бизнес всех его родственников в Бишкеке кормит.

— Бизнес такой — чтобы вкусно было и приятно. Я же музыку включаю, потому что гости просят. Не потому, что тебя обидеть хочу. Я не хочу. Совсем не хочу. Понимаешь?

Татьяна понимающе кивнула, взяла Газабека под руку, и они все гуляли и гуляли до

утра.

Только к вечеру следующего дня Татьяна поняла, что простудилась. Прележав неделю в постели, она изнывала. И вот наконец болезнь отступила. Вечером Татьяна нарядилась и прислушалась. На улице было тихо. Татьяне подумалось, что Газабек за две недели работы научился соблюдать режим тишины. Но когда Татьяна спустилась, в кафе было темно. И вместо дружелюбного «открыто» зловещими алыми буквами горело «закрыто». Татьяна подошла к витрине, прислонила ладони и заглянула внутрь. Заметив, что Газабек складывает посуду в коробки, Татьяна подбежала к двери и дернула за ручку. Дверь не поддавалась. Но на шум среагировал Газабек. Увидев Татьяну, он поднялся, подошел к двери и, раздумывая, открывать или нет, щелкнул замком.

— Извините. Мы закрыты.

Татьяна непонимающе посмотрела на Газабека. Это же я, твоя Таня?

— Теперь я вашу игру понял. Урок хороший. Спасибо.

Татьяна пыталась убедить Газабека, что она не имеет отношения к закрытию, но Газабек ей не верил. Татьяна говорила, что болела, что, даже если бы хотела, не могла бы отнести видео в полицию. Но Газабек не хотел слушать и захлопнул дверь. Татьяна заплакала. Она подумала, что повезло тем, кто курит. Когда им плохо, они принимают за сигарету, и это их успокаивает. Татьяна ни разу в своей жизни не курила. И странно было бы начинать в сорок пять. Татьяна поднялась домой и приготовила шарлотку к приезду Лизы. Это был ее способ успокоиться.

Помогая на следующий день Лизе поднять чемодан, Татьяна столкнулась с Ниной Ильиничной. Та была в приподнятом настроении, на ней был спортивный костюм и неизменная брошь в виде птицы Феникс, которая кочевала с одной кофты на другую.

— Танечка, спите спокойно. Больше вас не потревожат. Не благодарите!

Татьяна замерла.

— Так это вы!

Нина Ильинична заулыбалась еще шире.

— А кто же еще! Я побольше вашего пожила. Знаю, как с такими управиться.

Татьяна разволновалась:

— Да как вы смеете влезать в чужую жизнь?! Я вас что, просила?

— Молодая ты еще, Танька. Разговорами тут ничего не решить. Я ж видела, сколько ночей ты ходила. А у меня ж все ваши данные. Ну, паспорта. С прошлого заявления на домофон. Думаю, а чего добру пропадать. Помогу по-соседски. Так что скажи спасибо.

Нина Ильинична запрыгала по ступенькам.

— Ну, будь здорова! В клуб должителей бегу! Скандинавская ходьба там сегодня!

Убегая, Нина Ильинична бросила:

— И тебе, кстати, не мешало бы спортом заняться. Энергии в тебе нет!

Голос Лизы вернул Татьяну к жизни.

— Мам, а ты чего здесь стоишь?

Татьяна пожала плечами, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Лиза, перепачкавшись в печеных яблоках, уплетала Татьянину шарлотку. Татьяна сидела напротив и молчала. Бесконечные сообщения на телефон делали Татьяну незаметной для Лизы. Но в какой-то момент наступила пауза, и Лиза подняла глаза на маму. Пискнул телефон, но что-то неуловимое в Татьяне заставило Лизу задержаться взглядом на лице матери.

— Ма, ты чего, из-за книг надулась?

Татьяна была в своих мыслях и не отреагировала. Лиза встревожилась.

— Ма? — громче позвала она.

— Что? — дернулась Татьяна.

— Ты чего, обиделась, что я книги твои не взяла?

Татьяна горько улынулась.

— Я забыла уже.

— Да, конечно, ты забудешь. Ты ни разу не позвонила, пока я в лагере была. Ну чего ты дуешься?

— Лиз, отстань.

Татьяна встала, подошла к пустой раковине и, взяв рядом стоящую чашку, начала ее мыть. Чашка давно была чистой, но Татьяне надо было создать ощущение деятельности, чтобы дочь отстала. Лиза же развернулась и села лицом к спинке стула. Она не узнавала мать.

— Ну если не хочу я быть ни юристом, ни экономистом.

Вода шумела, Лиза стала говорить на повышенных тонах.

— Не хочу и все. Думаешь, я буду жалеть? Но даже если буду. Это мой выбор, мам. Я точно знаю чего хочу. Понимаешь?

Лиза встала напротив матери. Пыталась заглянуть ей в глаза.

— Да выключи ты эту воду!

Лиза дернула вентиль. Вода затихла.

— Ма? Ну чего ты? — Лизе стало грустно. Она не понимала перемен, произошедших с матерью. Лиза вспомнила, как в детстве, если ей не покупали игрушку, устраивала истерики — падала на пол, лупила по нему руками и ногами и орала. И ей казалось, что это более правильный способ по отношению к другим, чем обижаться и молчать.

Татьяна подняла глаза на Лизу. И с улыбкой посмотрела на нее.

— Какая ты у меня уже взрослая, Лизка. И смелая. Все у тебя получится.

Лиза, сама не понимая от чего, расплакалась. И чтобы скрыть слезы, которые фонтаном брызнули из глаз, крепко обняла маму. Татьяна не плакала — она была полна решимости найти Беку.

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023